

Алексей Махров



ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

ГВАРДИЯ БУДУЩЕГО



Алексей Махров

**Время, вперед! Гвардия
будущего (сборник)**

«Махров»

2010-2011

Махров А. М.

Время, вперед! Гвардия будущего (сборник) / А. М. Махров —
«Махров», 2010-2011

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! Наши современники десантируются в прошлое, чтобы разминировать русскую историю и уберечь Родину от «хождения по мукам» кровавых Смут, революций и военных катастроф. И первый бой они принимают осенью 1941 года. Вот только судьба России так трагична отнюдь не случайно – наше прошлое век за веком калечат **КАРАТЕЛИ ВРЕМЕНИ**, которые охотятся за каждым, кто пытается изменить историю к лучшему. Но теперь – нашла коса на камень! Разведчики из будущего объявляют хронопалачам беспощадную войну! Смерть «регрессорам» и оккупантам!!

© Махров А. М., 2010-2011

© Махров, 2010-2011

Содержание

Диверсанты времени	5
Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	45
Глава 9	51
Глава 10	56
Глава 11	62
Глава 12	66
Глава 13	73
Глава 14	77
Глава 15	84
Глава 16	89
Глава 17	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Алексей Махров

Время, вперед! Гвардия будущего

Диверсанты времени

Посвящается трагически погибшим Михаилу Аскольдовичу Косареву и Игорю «Горьныччу» Тюрицу. Они навсегда останутся в памяти друзей и на страницах этой книги.

Пролог

Давай-ка, Витек, наливай еще по одной, а я тебе историю одну расскажу, которая случилась со мной в сентябре сорок первого... Ух, хорошо пошла! Ты закуси, закуси – это мериканские сосиски, их только летчикам да генералам в пайке дают! Ну, так вот... Войну я встретил на Украине, сражались мы хорошо, отступали только по приказу, командовал нами Рокоссовский – мировой мужик, я тебе доложу! И что характерно, особистов и чекистов ненавидел лютой ненавистью, хотя на открытый конфликт, конечно, не шел. Ну, были у него причины, перед самой войной сидел он... За что? Ну, за что у нас перед войной сажали? Понял? Сам ты, Витька, враг народа! Если бы у нашего народа такие враги были бы, то ему бы и друзья не понадобились! Кому? Да, блин, народу! Что ты меня путаешь? Я сам запутаюсь! Хе... Уже запутался! Ладно, давай еще по половинке и перекурим.

С чего я начал-то? А! История, что произошла в сентябре! А я что говорю? С кем войну начал? Ну, стало быть, издалека начал! Хе... Хороший табачок, говоришь? Дык, тоже мериканский! Вот чего у союзников хорошо – так это снабжение! Лучше бы второй фронт открыли? Да уж! Я согласен без сосисок и табака остаться, но чтобы фашистских гадов вместе били! Ладно, опять я отвлекся... Так, значит, начал я войну на Украине, воевали мы хорошо, но из-за дурусти начальства попали мы в котел всем фронтом. Да, ты прав – под Киевом это было! Ну и когда выходили из окружения, зацепило меня осколком. Да так хорошо зацепило – в грудь навывлет! Спасибо ребятам из взвода, вытащили-таки к своим! Провалился я тогда в госпитале, а после выздоровления поставили меня командовать ротой ополченцев. Резервный фронт... Да... Хотели для немцев непреодолимый вал создать, только немцы, чтоб им пусто было, тоже не дураки, обошли нас, так что история с окружением повторилась. Да, Витек, ты прав, тот самый Вяземский котел. Но это уже другая история. А та, которую я тебе рассказать пытаюсь, произошла в самый первый день немецкого наступления.

Ну, готовлюсь я, значит, к обороне, муштрую своих ополченцев. Причем в моей роте сплошь творческая интеллигенция была. Даже писатели и композиторы попадались! Муштрую, значит, а тут в распоряжение роты гости приезжают – корреспонденты из Москвы. Какой газеты, спрашиваешь? Вот черт, не помню, то ли «Правды», то ли «Известий». Ну, в общем, одной из центральных! Вот... Приехали два молодых мужика – политруки, старший и младший... С ними шофер при «ЗИСе» и дамочка красоты неопишуемой – артистка. И хотели эти корреспонденты статью о моих бойцах накатать, мол, вот, смотрите, товарищи, воюют все, даже писатели и композиторы, никто в тылу не отсиживается! Это чтобы другим в пример! И все бы ничего, но приперся с корреспондентами особист наш полковой – Левкович. Гнида редкостная! Пока мы к обороне готовились, он, сука, все по ротам шастал, вынюхивал. Несколько десятков человек потом взяли. Как за что? Они придумают, за что! Был бы человек, а повод найдется! За невесторженный образ мыслей! Да... Так вот, корреспонденты... Приехали, зна-

чит, ну и давай лазить по окопам, фотографировать да выпрашивать, кто из красноармейцев кем до войны был. Вот... Целый день лазили, а вечером я их в свою землянку пригласил. Посидели, выпили... Простые мужики оказались, не гордые... Коньяк свой на стол выставили да закуску всякую, что из столицы с собой привезли. Артистка эта нам песни пела, романсы там всякие. Э нет!!! Что-то я вперед малость забежал, эти посиделки уже после боя были! Вспомнил, днем они лазили и обедать ко мне в землянку пришли. К тому времени Левкович уже смылся куда-то. Как чувствовал гад, что скоро начнется... Ну, ладно... На чем я остановился? Так, обед... Да, а я говорил, что они мужики простые были? Говорил... Пообедали супом из концентрата! И ничего – никто даже не поморщился! И только мы закончили суп хлебать – тут все и началось! Немцы артподготовку начали. Ну, так себе сабантуй, средненький... Может, дивизион по нам лупил, может, два... Мы к такому готовились и в землю врылись основательно, так что я за своих людей особо не беспокоился. Успел им таки в голову вбить, что как загрохочет – прикинься ветошью и не отвечивай! А корреспонденты эти как-то странно удивились! Нет, Витек, не самому обстрелу. Нет, Витек, и не испугались они ни капельку, видно было, что люди они обстрелянные. Ну, дамочка, понятное дело, побледнела с перепуга... А мужики ничего, переглянулись между собой, а потом старший политрук как бы про себя говорит: почему, мол, на день раньше? Я, помнится, тогда удивился малость, и откуда они о наступлении знали? Ну, да все по порядку... Начался артобстрел... Я, конечно, по окопам решил пробежаться – посмотреть, как мои бойцы, порошу не нюхавшие, команду укрыться выполняют. Ну, пробежался, посмотрел – хорошо выполняют, жить-то всем охота! Где-то через час обстрел прекратился. Выбрались мы под небо, глядь, а немчура уже тут как тут! Ну, ты, Витек, сам со взводного начинал, третий год воюешь, знаешь небось, как они это умеют – подобраться почти вплотную под прикрытием огневого вала! Ну и в тот раз подобрались... Где-то десятка три танков и самоходок, да мотопехота, численностью до полка... Наш батальон на холме стоял, по-над речкой Вопь, моя рота на левом фланге. Хорошая у нас позиция была – местность на несколько километров просматривалась и простреливалась... Хм... Было бы чем простреливать, самым тяжелым оружием у меня были пулеметы «максим». Да и то во время обстрела у одного из них кожух осколками посеколо. Вот... А перед холмом лужок до самой речки спускается. Хороший такой лужок, для обороны самое то – заболоченный по самое не могу! С этого направления нас было не достать. Но вот левее нас была балочка, аккурат от реки. Сухая такая лощинка, и у речки там твердый брод был. Наши, конечно, прекрасно знали, какую опасность эта «дорожка» представляет, – там целый полк встал... Ополченческий... И неполного состава – тысячи полторы. Да батарея сорокапяток, да батальон штурмовой... Не, Витек, не штрафной! Путаешь ты! Это с сорок второго года эти батальоны стали штрафными называться. Ага, после знаменитого приказа «Ни шагу назад!». Да, а в сорок первом они штурмовыми назывались, хотя суть одна... Ну, батальон – это громко сказано, было их там не больше полутора сотен, командиров бывших, то есть офицеров по-теперешнему. Но воевали они отлично! Стояли насмерть! Да... Так вот как раз по этой балочке немцы и подобрались! И то, что мы на несколько километров все просматривать могли – стало бесполезным, дистанция сократилась до пятисот метров. Балочка, конечно, заминирована была. Да только то ли мин наши пожалели, то ли немцы под шумок успели их снять, им тоже отваги не занимать. Да ты, Витек, знаешь! В общем, прут эти танки с мотопехотой, как на учениях. Уже и речку форсировать успели. А встретить их почти некому: тем, которые лощинку держали, больше всех досталось! Вся позиция воронками перепахана! Места живого нет! Вижу я, что пара сорокапяток еще бухает, но куда им против тридцати стволов! Но молодцы артиллеристы, четыре коробочки зажгли! Потом то, что от батареи оставалось, немцы гусеницами проутюжили. Тут штрафники стали под гусеницы с гранатами кидаться! Страшное зрелище, я тебе доложу! Откуда знаю, что штрафники, а не ополченцы? Так ведь в фуражках они были да в сапогах! Ну, бывшие... В общем, смерть свою достойно приняли, что бы они в прошлом ни сделали! Искупили кровью!

Своей и вражеской! Да... Однако немцев это не остановило! Смяли они нашу оборону, заняли траншеи. Ну и начали на нас поворачивать, чтобы фланг свой обеспечить! Вот... А лужок-то болотистый только у речки! А со стороны лощины – пологий сухой склон! Отличные, просто полигонные условия для атаки! Они и атаковали! Давай, Витек, плесни еще по полной! Что-то от этих воспоминаний сердце защемило! Вот, казалось бы, третий год воюю, до майора дослужился, две «звездочки»¹ на груди краснеют, да три золотых шеврона² сверкают, а до сих пор этот бой забыть не могу! Глянул я тогда на своих орлов – как они? Нормально! Хоть и интеллигенты, а не дрожат! А старший политрук со своим шофером хватают артистку в охапку и в тыл бегом! Я еще мельком подумал, что струсил они! Вот веришь, Витек, сколько времени прошло, а мне за ту мысль до сих пор стыдно! Потому как ошибся я, и ошибся сильно! Тут мне не до раздумий стало, немцы-то прут! Пятнадцать танков вверх по склону ползут, за ними батальон пехоты в цепь развернулся, а со дна лощинки еще десяток самоходок постреливает! В общем, веселуха полная! Ну, вдарили мы по ним, да толку... Сотня винтовок да три пулемета... И чувствую я – не удержим высоту! Выбьют нас! Слышу, один из моих «максимов» замолчал. Я к нему! Добежал, а от расчета только клочья остались, по стенкам окопа раскиданные! Ну, думаю, все – хана нам! Огляделся я по сторонам тоскливо и вдруг вижу – возвращаются мои «беглецы»! И политруки, и шофер их. И тащат какие-то пеналы! Прыгнули в стрелковые ячейки, и тут такое началось! Пеналы эти «эрэсами»³ оказались! Противотанковыми! Что глаза округлил? Неужели тебе еще немецкие фаустпатроны не попадались? Ах, попадались! Ну, так чего ты тогда удивляешься? Откуда они у наших в сорок первом взялись? Вот об этом, Витек, я до сих пор гадаю! Да и не фаустпатроны это были. Наше это было оружие, советское! Политрук их потом гранатометами «Муха» назвал. Что ты ржешь? Эти «Мухи» жужжали так, что немцам мало не показалось! Через пять минут немецкие танки пылали! Да-да, Витек, как свечки на новогодней елке!!! Какое расстояние до них было? Метров триста-четыреста! Сам знаю, что фаустпатроны так далеко не бьют! Я ж тебе говорю – советские это были хлопущки! Ну, ты, блин, и вопросы задаешь, Витек! Ну, откуда я знаю, почему их до сих пор в войсках нет! Мне тот политрук еще тогда сказал, что это экспериментальное оружие.

Что дальше было? А! Интересно стало! Хе! Налей еще по половинке. Эх, хорошо прошла! Ну вот, а потом слышу – пулемет заработал! Я думаю – откуда? Как? Ведь оба моих «максимки» уже вверх колесами к тому времени лежали. И интересно мне стало! Я ужом по ходам сообщения на звук! Дополз – глядь, а тот корреспондент, младший политрук, с каким-то незнакомым пулеметом в свободной ячейке пристроился и стреляет! И смотрю – хорошо стреляет! Да не просто хорошо, а отлично! Короткими очередями, экономно, а после каждой очереди три-четыре немца в цепи падают и не поднимаются! Ну, блин, думаю, повезло мне – опытный пулеметчик попался. И не просто опытный, а обстрелянный! Пять очередей даст и меняет позицию, пока немчура по нему не пристрелялась! Что за пулемет? Хрен знает! Чем-то на чешский «VZ-26» похож, только рожок сверху не торчит. Питание ленточное, а сама лента в коробку уложена, а та коробка снизу к ствольной коробке пристегнута. Ну, ты слушай, что дальше-то было! А дальше у этих чудо-корреспондентов заряды к их гранатометам кончились. Но это было уже неважно, атакующие танки сгорели, а те, что внизу стояли, назад через речку ушли. А за ними и пехота покатила. Я до старшего политрука добежал, а он из автоматического карабина бьет. И как бьет! Любо-дорого смотреть! Один выстрел – одно попадание! При чем только офицеров выбивал! Что за карабин, спрашиваешь? Вот тут опять загадка, никогда больше я таких карабинов не видел! Только у немцев что-то похожее есть – штурмовая вин-

¹ Орден Красной Звезды.

² Нашивки за тяжелые ранения.

³ РС – реактивный снаряд.

товка называется. Как ты сказал? Вот-вот! «Штурмгевр»⁴! Видел уже? Ну, значит, можешь представить тот карабин. Внешне очень похож, только легче и сделан проще. Как это, какой лучше? Наш, конечно!

В общем, отбили мы ту атаку. Тут немцы опять из пушек огонь открыли, мы все по щелям, как тараканы, попрятались. Я с этим корреспондентом в одной ячейке сижу. Вокруг грохочет, а я его все выпрашиваю, что это у них за оружие. И тут понимаю я – не корреспонденты они! Тогда я политрука напрямую спрашиваю: мол, вы кто такие? А он сначала сказал что-то вроде: «Спецназ ГРУ». Видно, что машинально ответил, но потом поправился: «Мобильная группа особого назначения»! Я обрадовался было, ну еще бы – такое подспорье в обороне! Но политрук мой пыл сразу охладил. Сказал, мол, прости, лейтенант Гымза, но у нас свое задание. Хотя до вечера обещал остаться. Ну, и остались они... До вечера еще три атаки отбили. Вижу я – выдохлись немцы! Затихло все, только на юге погромыхивает. Как потом выяснилось, это Гудериан к Туле прорывался. Теперь-то я знаю, что мы уже тогда почти в окружении бились. А тогда я об этом не думал, отбили атаки, и слава богу! То есть «слава труду»!

Отбились и отбились! Я, конечно, людей проверил, потери подсчитал, раненых на эвакуационный пункт отправил. Вроде все дела свои командирские переделал. Можно отдохнуть, перекусить, принять «наркомовскую». Я тогда политруку и говорю: пошли ко мне в землянку, отметим нашу маленькую победу. А он: погоди, надо артистку нашу из убежища вызволить. Интересно мне стало, что там у него за убежище. Напросился проводить. А он идет напрямую к своей машине. Они, оказывается, в полукилометре от передовой ее оставили. Подходим мы к «ЗИСу», а возле него воронка здоровенная от пушки-гаубицы немецкой стопятидесяти миллиметровой... Ну, думаю, если артистка где-то рядом пряталась... Жаль девушку...

Нет, подходит политрук к автомобилю, открывает дверь, и артистка живая и невредимая выпархивает... Что, блин, за чудо? Воронка в пятнадцати метрах! Простой «ЗИС» весь осколками бы посеколо! Присмотрелся я тогда к машинке этой повнимательнее, хотя и темно уже... И что ты думаешь? Нашел на борту несколько царапин! От осколков! Слово по броне чиркнуло! Да, нет, Витек! С виду это самая обыкновенная машина была – «ЗИС-101». Что говоришь? «БА-20»? Ну, ты, Витек, думай, что говоришь! Что я, кадровый офицер Красной Армии, броневик от легковушки не отличу? Вот только борта у той легковушки были попрочнее бортов броневика!!! После близкого разрыва «БА-20» решето напоминает! Сколько я их за войну навидался, коробочек этих!

Ладно... Извлекли мы из «ЗИСа» артистку, гитару, коньяк, закуску эту московскую, диковинную. Почему диковинную? Ну, консервированную ветчину ты наверняка видел, а вот лапшу в коробочках, которую готовить не надо? Как это? А вот так! Заливаешь кипятком, ждешь три минуты – и готово! Название у нее тоже какое-то смешное было, татарское, что ли, – «Доширак»...

Ну, посидели мы душевно, это я тебе уже рассказывал... Да, песни пели, коньяк пили... Неплохо, в общем, время провели! Я все порывался политруков этих расспросить об оружии, да и обо всем другом... Но то ли постеснялся, то ли... Что потом? Потом я посты проверить отправился, а когда вернулся, мне взводные и говорят, мол, ворвался в землянку Левкович со своими подручными и арестовал наших гостей, те и сделать ничего не успели! На каком основании? Блин, Витек, какое особистам нужно основание? Петька, ну, зам мой, так он сказал, что когда их обыскивали, то под шинелями много чего нашли! Рации, что ли, какие-то портативные, с надписями не по-русски. Как там Петька сказал? Слово уж больно мудреное, но зам мой университет перед войной окончил... «Моторола», что ли? Да, точно – «Моторола»!

⁴ «Штурмгевр» – (нем. Sturmgewehr) – немецкий автомат, разработанный во время Второй мировой войны.

Ну, думаю, совсем Левкович оборзел – таких боевых ребят хватает! А фронт кто держать будет? Особист этот хренов со своими мордоротами? Сел я тогда и крепко задумался. Ну не мог я допустить такую несправедливость! И вот тогда, Витька, я и решил на авантюру, по меркам нашего государства – преступление! Об этом, Витька, теперь только двое знать будут – ты и я; остальные посвященные – на том свете все: и правые, и виноватые! Но я тебя с первого класса школы знаю, да и на фронте ты за чужими спинами не прятался! Вон какой иконостас у тебя, покруче моего будет! Да и то, что мы с тобой именно в госпитале встретились... Ладно-ладно, Витек, хорош обниматься! Переборщил с непривычки, парень... Еще бы – три месяца на больничной койке... Сядь, закури, дай мне историю закончить.

Ну, успокоился? Продолжаю... Подумал я тогда, да и позвал несколько ребят, в которых был уверен, как в самом себе: двоих взводных, Петьку, зама своего, да сержанта из второго взвода, пожилого дядьку, третью войну уже пахавшего. У него на Левковича зуб был: тот его за «превознесение царского генерала» арестовать хотел, комиссар полка отмазал, они с этим сержантом вместе в партию вступали в одна тыщца девятьсот пятнадцатом году. Какого генерала? Да про Брусилова дядька красноармейцам рассказывал, про прорыв его знаменитый, хотел новобранцам мысль внушить, что немца победить можно.

Вот собрал я, значит, команду и объяснил ребятам, что делать нужно. Все со мной согласились – политруков-то мы в деле видели, а суку эту, Левковича, на дух не переносили. А задумал я отбить наших гостей-помощников... Как это можно скрыть? Так, фронт же, дружище, самый передок! Всех особистов перебить, и пускай потом другие гадают: то ли шальной снаряд, то ли пулеметная очередь с самолета! Ну, собрались мы, пошли... Где блиндаж особого отдела – сержант знал, точно вывел! Подходим мы, и вдруг выстрелы! Винтовки бьют, судя по звукам – две. Мы рассредоточились и подкрадываемся. Вдруг все стихло. Я поближе подобрался и слышу голоса: политрук вопросы задает, а Левкович отвечает. Причем, судя по голосу, со здоровьем в этот момент у Левковича явно нехорошо! Как-как? Ну, ранен он! Я еще ближе подполз, выглянул из-за кустов. Вижу – трупы разбросаны, а над ними эта троица стоит. Какая-какая? Блин, Витек, ты что-то совсем соображать перестал! Все, тебе больше не наливаем! Какая троица? Отец, Сын и Святой Дух! Ха! Ну, ясно же – политруки эти да шофер их! А где девушка была? Распереживался, блин! Да все в порядке с ней было – в блиндаже она отсидивалась! Ну, вот... Допросили политруки Левковича, потом старший приставил ему дуло винтовки ко лбу и спокойно спустил курок. В общем, не понадобилась им наша помощь! Сами прекрасно справились. Как я потом посмотрел – охрану блиндажа голыми руками перебили, а когда Левкович вернулся, из засады его встретили и из двух винтовок, что у охранников отобрали, всю кодлу положили! Сколько-сколько? Человек семь-восемь...

Ну, вылез я из кустов. Окликнул, конечно, предварительно, чтобы не пальнули от неожиданности. Политрук мне спасибо сказал, за помощь... Объяснил, что именно за особистом его командование и послало, мол, враг народа тот был... Как же – поверил я ему! Но сделал вид, что поверил! А что? И ему, и мне спокойней! Разошлись мы друзьями... Хорошие они все-таки ребята! Да, на прощание политрук спросил: служил ли в моей роте Илья Ясулович. Служил такой... Во втором взводе... Так я и ответил, и добавил, что ранило его днем и что его отправили в медсанбат. Догадался я потом, что именно Ясуловича этого они под видом репортажа и искали. Что это был за человек? Человек как человек... Вроде бы бывший аспирант, да перед войной отсидел пару лет... Ну, не за кражу же!

Вот такая история, Витек! Думай что хочешь! Да... Я потом уже узнал, что видели этих людей в медсанбате и что протащили они через фронт триста раненых. Как-как? Каком кверху! Тогда под Вязьмой слоеный пирог был... Можно было сделать, раз провели... Я сам тогда из окружения остатки батальона вывел... Хотя выводить здоровых людей проще, чем раненых. Про медсанбат мне сестричка одна рассказала, когда я после второго ранения в госпитале валялся. Узнала, что я тоже под Вязьмой бился... Еще она сказала, что забрали эти политруки

двух людей – того самого Ясуловича да одного майора, командира батальона штурмового. Что-то она еще плела про пенициллин, мол, майора им из горячки вывели. Что удивительного? А то, Витек, что этот самый пенициллин только в прошлом году придумали! Ладно, давай по последней и на боковую! Что-то я тоже окосел...

Эх, хорошо пошла! К чему я все это рассказал? Да вот к чему... Как думаешь, откуда у меня коньяк этот, закуска и табак мериканский? Какую посылку из дома? Кто мне коньяк пришлет? Мать с трудом концы с концами сводит, трех сестренек растит на один мой аттестат! Какой спецпак? Ты что, Витек, мы с тобой в одной палате на соседних койках лежим, мне что, особые условия полагаются? Все? Сдаешься? Ладно, не буду больше томить, встретил я своего старого знакомого. Кого-кого? Политрука того старшего! Только он теперь генерал-майор! Искал он здесь в госпитале кого-то. Меня сразу узнал, первым подошел, обнял, про здоровье спрашивал... Гостинцы эти вручил... И знаешь, Витек, что он сказал на прощанье? Недолго, говорит, осталось – через год война кончится! И знаешь, Витек, я ему почему-то верю!

Глава 1

Началась моя эпопея в июне 2010 года. Однажды, придя с работы домой, я обнаружил на журнальном столике толстый конверт формата А4. «Вот дела! – подумал я. – Как он тут мог очутиться?» На конверте моим почерком было написано: «Сергею Иванову! Лично в руки!»

Поскольку именно я являлся Сергеем Ивановым, адресатом послания, то первой мыслью было: «Однако! Кому пришло в голову подделать мой почерк? Что за дурацкие шуточки!» Осторожно пощупал конверт – не жесткий, взял в руки и потряс – не гремит, поднес к уху – не тикает. Только после этих манипуляций я вскрыл послание и извлек на свет толстую общую тетрадь, в коричневом переплете, сплошь исписанную *именно моим* почерком.

Автор этого послания представлялся моим Альтер-эго из будущего и в популярной форме излагал теорию «пробоев временного континуума по отрицательному вектору». «Что за бред!» – подумал я, пролистав несколько первых страниц. Но на следующих страницах приводились принципиальные схемы и чертежи устройства, позволяющего осуществлять теорию на практике. Причем чертежи и схемы вполне реальные. «А вот это уже интересней!» С этой мыслью я попытался разобраться во всей этой белиберде. Схемы показались мне знакомыми.

От изучения я оторвался только поздней ночью. Отложив тетрадь, перешел на кухню и выпил, обжигая губы кипятком, две большие кружки крепчайшего кофе подряд. Легче не стало. Мысли скакали, как вспугнутые львом антилопы. Ведь что мне сулил неожиданный подарок? Фактически – власть над временем, как бы выпренье это не звучало!

Я зашел в ванную и долго полоскал «морду лица» холодной водой. Закончив водные процедуры, я приподнял голову над раковиной и глянул в зеркало. Отразившаяся там физиономия, с трехдневной щетиной и мокрыми всклокоченными волосами в первый момент показалась мне совершенно чужой. Словно тот самый автор теории зашел проверить мою реакцию на свое творение. Двойник мрачно глядел на меня воспаленными от длительного чтения глазами. Миг – и наваждение рассеялось! Нет, это все-таки я. Начавшие округляться щеки и двойной подбородок любителя дешевого пива. Обрюзгший, почти переставший следить за собой великовозрастный балбес. Не обзаведшийся к своим тридцати годам ни семьей, ни приличной работой. Живущий в запущенной однокомнатной квартирке на окраине Москвы, с шикарным видом на нефтеперегонный завод. «Стреляющий» у коллег по работе столычники «до полочки»? И это я через несколько лет сделаю такое изобретение? Бред...

Я вылетел из ванной и снова рванул на кухню. В углу, за холодильником, стояла заныканная с последней попойки початая бутылка водки. Я набулькал половину чайной чашки и медленно выщедил теплое, пахнущее ацетоном пойло. Гадость какая! Я с трудом сдержал рвотный порыв. Однако через мгновение, словно пройдя желудок насквозь, водка всосалась в кровь и горячей волной ударила в голову. Дом вокруг меня пошатнулся, и я кулем осел на пол. Просидев минут пять, тупо пялясь на откатившуюся к стене чашку, я достал из нагрудного кармана рубашки помятую пачку и закурил, только с третьей попытки попав кончиком сигареты в огонек зажигалки.

После этой процедуры я сделал трезвый вывод, что если все это и шутка, то весьма тщательно спланированная и проработанная. К тому же от кого можно ждать подобной хохмы? От моих друзей? Их шутки были проще и понятнее – к примеру: один из них посоветовал как-то секретарше из своего офиса, классической дуре, очень боящейся в первый раз лететь на самолете, заклеить попу пластырем, чтобы, типа, уши не закладывало... И она ведь заклеила...

А в чем соль этого розыгрыша? Ну, допустим, соберу я установку – технически все довольно просто, – а потом кто-нибудь выскочит из шкафа с криком «Сергея – лошара, повелся, повелся!» Я, на секунду зажмурившись, представил себе эту картину, но тут же замотал головой, отгоняя наваждение – это было бы уже чересчур.

Хорошо, если все это не шутка, то мне в руки попало удивительное изобретение. Проверить гениальность моего двойника легко – собрать установку. Слава богу, что я еще не научился читать чертежи и схемы – преподаватели института хорошо умели вбивать азы технической грамотности в мозги нерадивых студентов. Но вот почему записи мне кажутся такими знакомыми?

Внезапно перед глазами проплыло давнее воспоминание. Я и еще несколько парней с моего курса стоим в коридоре родного вуза и, разложив на подоконнике толстые тетрадки и коряво, от руки, исполненные чертежи, бурно обсуждаем какую-то чудо-идею, родившуюся в мозгах горе-изобретателей накануне вечером.

Тут до меня дошло, почему подброшенная тетрадка навевала смутные ассоциации. Я еще в школе «изобретал» разные безумные аппараты типа вечного двигателя, электромагнитных пушек и плазменных ружей. Это занятие продолжилось и в институте, где у меня нашлось несколько единомышленников. Может быть, тогда и мелькнул у меня подобный проект. Вот только придумывать всевозможные устройства я прекратил на втором курсе, а мой двойник, видимо, нет. Вот так привет из прошлого!

Я с трудом поднялся с пола и, поставив расшатанную табуретку, полез на антресоли. Ага, вот та самая коробочка, где я сложил, поленившись (или пожалев) выбросить, всю свою «макулатуру». Какой толстый слой пыли! Сколько я не заглядывал сюда? Лет семь-восемь?

Дом снова качнуло (какая все-таки дрянь эта паленая водка!), и я почти рухнул с табуретки, чувствительно приложившись плечом о косяк межкомнатной двери. Но ящик из рук не выпустил! Вывалив его содержимое прямо на пол, я встал на колени и начал торопливо разгребать кучу-малу. Вот, вот же она! Знакомый коричневый переплет! Я положил найденную тетрадку рядом с подкинутой. Сходство точнейшее! Надпись на обложке: «Темпор», выполненная в псевдокаллиграфическом стиле, совпадала до мельчайших подробностей. С точностью до знака препинания совпадали и первые десять страниц. На них как раз давалось теоретическое обоснование «пробоя временного континуума по отрицательному вектору» и шли первые принципиальные схемы. А вот дальше текст в «моей» тетрадке обрывался. Уж даже и не вспомню сейчас, что заставило меня бросить разработку. Приятели, потащившие на пьянку, или девушка, которую я тогда старательно «раскручивал» на свидание?

Чего мне не хватило для дальнейшей проработки? Усидчивости, знаний или просто иссяк сам источник идеи? А верна ли вообще эта теория? Теперь, когда я убедился, что вся история с таинственно появившимся в запертой квартире конвертом – не чей-то глупый розыгрыш, метод подбрасывания «подарочка» виделся вполне определенным – из будущего!

Осталось лишь проверить теорию на практике – собрать машину времени! И на тех же антресолях валялось достаточное количество радиодеталей, оставшихся со времен юношеских увлечений «конструкторством», чтобы начать воплощение идеи «в металле». Но сборку решил отложить на утро – голова гудела так, что иногда казалось – в ней стоит неисправный трансформатор. А сердце, подстегнутое слоновьей дозой кофе, билось о ребра, словно дикий зверек, норивший покинуть тесную клетку. Приняв душ, я, несмотря на дикое состояние организма, мгновенно уснул.

На следующий день, сказавшись больным (что почти точно соответствовало истине), я не пошел на работу, решив попробовать хотя бы в первом приближении построить фантастический аппарат. Он состоял из трех частей: «окна», представляющего собой двойной проводник, скрученный витками с определенным шагом и частотой, а также замкнутый на себя, наподобие ленты Мебиуса⁵; к «окну» в пяти точках крепились проводники, идущие от второй части –

⁵ Мебиус (Möbius) Август Фердинанд (1790–1868) – немецкий математик. Установил существование односторонних поверхностей (лента Мебиуса).

«модулятора сигнала», как говорилось в чертежах. «Модулятор» питался электрическим током от трансформатора, который запитывался от сети 220 вольт.

Проще всего оказалось сделать «окно». Для его создания я воспользовался стандартным телефонным кабелем, идеально подошедшим по сечению проводов. Этим кабелем я аккуратно обмотал деревянную рамку, наспех сколоченную из валяющихся на балконе брусков. На всю работу ушло не больше часа. Затем наступила очередь трансформатора – вот здесь мне пришлось повозиться, ведь наматывать обмотки пришлось вручную, тщательно считая витки. С этим делом я провозился с небольшими перерывами до вечера. Два раза мне пришлось мотаться на радиорынок: за проводом нужного сечения и за конденсаторами большой емкости. Изделие, вышедшее из-под моих рук, получилось солидным. Судя по размерам вторичной обмотки, выдавать трансформатор должен был десять-двенадцать тысяч вольт. Замечить выходное напряжение и мощность своим почти игрушечным тестером я не смог.

На следующий день мне пришлось идти на работу, так как позвонил шеф и пригрозил репрессиями. Но терять даром время я не хотел. Работал я тогда в небольшом рекламном агентстве, и по штату мне полагался компьютер, чем я и воспользовался, взявшись за составление программы управления установкой-перемещателем по имеющимся в тетради алгоритмам.

Во время обеденного перерыва ко мне подошел Мишка Суворов, худой, нескладный на вид парень высокого роста, работающий в нашем агентстве веб-дизайнером. Таких ребятшек метко называют в народе «сушеными гераклами». Вдобавок Михаил носил очки в круглой оправе, что полностью дополняло имидж «ботаника». Я единственный среди сотрудников нашего офиса знал – эти очечки были с простыми, без диоптрий, стеклами. И что без них глаза Суворова просто пугали бы окружающих. Было в них что-то от взгляда снайпера за секунду до выстрела. И дело вовсе не в дефекте зрения. Просто тихий, скромный, исполнительный веб-дизайнер Миша воевал с восемнадцати лет. Начал на срочной службе – тогда как раз началась первая чеченская. А после армии Михаил успел отметиться почти во всех «горячих» точках на территории бывшего Союза и ближнего зарубежья. В среде таких же, как он, «псов войны», кочующих из одного региона в другой, следом за звуками выстрелов, Миша получил позывной Бэдмен. Как пояснил мне один общий знакомый, видевший Мишу «в деле», «плохим человеком» Суворов был исключительно для противника, благодаря своему виртуозному владению «ПКМ»⁶. Только два года назад, после тяжелого ранения, Суворов решил остепениться и «завязал» со своей вредной для здоровья работой. И, сидя дома с гипсом на простреленной ноге, Михаил от нечего делать начал изучать премудрости общения с электронно-вычислительными машинами. На вырученные за очередную «командировку» деньги приобрел самый навороченный комп и полтонны справочной литературы. И за полгода стал в этой сфере твердым профессионалом. С компьютером он теперь обращался не менее уверенно, чем в свое время с пулеметом Калашникова.

Все эти подробности из жизни коллеги я знал потому, что Мишка Суворов был моим давним другом еще со школы. Именно я устроил человека без опыта работы веб-дизайнером в нашу компанию.

– Прикол хочешь? – жизнерадостно заорал прямо мне в ухо Мишка. Я аж подпрыгнул. Головы половины работников офиса синхронно развернулись в нашу сторону, предвкушая очередную хохму, которых у Мишани был неиссякаемый запас. Кстати, именно он посоветовал секретарше заклеить попу пластырем.

– Ну! – хмуро буркнул я, нехотя отрывая глаза от экрана.

– Гну! – троянским конем заржал Суворов. – Слушай: наш сисадмин что-то приболел сегодня, наверное, пива вчера холодного перепил, а у коммерческого директора, как назло, с компом проблемы какие-то. А коммерческий знает, что я немного в «железе» волоку, вот и

⁶ Пулемет Калашникова модернизированный.

вызывает меня к себе. Вызывает и тихохонько, интимно этак на ушко мне шепчет: «Миша, выручай! У меня сайт не открывается!» Я его спрашиваю: «Какой сайт?» А он: «А вот у финдиректора открывается!» Я ему: «Да какой сайт-то?» Тогда коммерческий выдает фразочку: «Не скажу!» У меня, блин, челюсть так и отпала, натурально! «Ну, – говорю, – нет так нет», – и поворачиваюсь, чтобы из кабинета выйти. А коммерческий мне в спину: «Миша, ну сделай что-нибудь, чтобы у меня тоже открывалось!» Я уже почти кричу: «Да какой сайт-то, мать твою?!» А он вздыхает: «Не скажу», – и смотрит жалобно-жалобно!!!

Я, представив себе морду нашего коммерческого директора, заржал в голос. Те из моих коллег, кто сидел поближе и слышал Мишкин рассказ, – тоже. Тем, кто не слышал, счастливычки торопливо, давясь смехом, пересказывали. Через пару минут весь офис был парализован – сотрудники буквально корчились от смеха, кто-то даже скатился под стол. А Мишка, насладившись произведенным впечатлением, продолжил:

– Просто зависть берет, на тебя гляючи! С каким фанатизмом ты все утро стучишь по клавишам! И ведь наверняка это не клиентский заказ!

– Да уж! – пробормотал я, с трудом возвращаясь в реальность. Мишка наклонился к монитору, внимательно разглядывая плоды моих трудов.

– И что это за фигня? – с интересом спросил Мишаня через пару минут.

Зная, что из праздного интереса Миша вопросы задавать не будет, я объяснил, не вдаваясь в подробности, для чего мне нужна эта программа. Бэдмен взял листочки с алгоритмами и начал, хмыкая, черкать в них толстым синим маркером. Это занятие настолько увлекло Мишку, что по окончании обеденного перерыва он сказал:

– Братишка, это очень интересная белиберда, можно мне повозиться с ней?

Я с радостью согласился – кроме создания сайтов для клиентов агентства Мишка для развлечения писал сложные компьютерные вирусы, соревнуясь с антивирусной программой Касперского, поэтому распорядиться предоставленным материалом мог гораздо лучше меня, едва научившегося нажимать на клавиатуре нужные кнопки и не пугаться, когда пиратская «Винда» «подвешивала» комп. К тому же Мишкино вмешательство давало возможность заняться работой, за которую в этой конторе мне платили деньги. И так уже с утра начальник отдела два раза грозил пальцем.

Бэдмен весь день просидел, уставившись в монитор и безостановочно щелкая клавишами, даже перестал выходить в курилку, и, видя такую увлеченность, я не отвлекал его вопросами. Только вечером, когда все сотрудники агентства разошлись по домам, я подкрался к столу компьютерщика.

– Ну, как успехи? – спросил я.

Суворов устало потер глаза и сказал:

– Знаешь, братишка, твоя вещичка весьма занятная, но ужасно допотопная – написана на бейсике под DOS, к тому же очень коряво и громоздко, пришлось переводить на «Си плюс» и адаптировать к «Линуксу».

– А почему не к «Винде»? – удивился я.

Мишка посмотрел на меня, как на убогого.

– Да потому, что управлять мало-мальски серьезной аппаратурой, требующей передачи информации в реальном времени, из-под «Винды» не получится в принципе. Проверено на практике! Даже с не слишком быстрым АЦП «Форточкус» умудряется терять данные – буфер измерительной карты уже заполнен, а ей приспичило выполнить какую-либо свою операцию. И все, результату хана! Понял?

Я машинально кивнул, поняв из Мишкиной речи только слово «хана». Посмотрев на мое лицо, Суворов печально вздохнул (ну, что с этого ламера взять?) и продолжил:

– Принцип действия очень простой – эта программа должна распределять энергию из одного источника к пяти приемникам, но исполняется это по сложному графику, причем

постоянно меняются напряжение, мощность и сила тока. Так вот, в этой программе по каким-то параметрам явный перебор, а по другим сильная недостача. Если оставить команды в первоначальном виде, то работа устройства будет очень неустойчива. Чтобы исправить этот недостаток, нужно знать принцип работы сего аппарата. Что это хоть за хреновина?

– Машина времени! – честно сознался я.

– Да что вы говорите? – иронически буркнул Бэдмен. – И схема этой «Машины времени» у тебя есть?

– Ну а как же. – Я протянул Мишке принципиальную схему устройства.

– Во как! – Михаил с сомнением посмотрел на листок. – Не, в этой тряхомундии без поллитра не разберешься! С этим тебе лучше обратиться к Гарику!

Игорь Тюрин по прозвищу Горыныч тоже был моим старым другом. Познакомились мы с ним в институте. Какое-то время он примыкал к нашему кружку «изобретателей». Но в отличие от большинства с гениальными идеями не носился, зато отлично работал руками. Дядя Горыныча работал на приборостроительном заводе и регулярно снабжал племянника необходимыми каждому радиолюбителю деталями. За годы учебы в вузе Игорь настолько отточил свое мастерство, что практически серийно клепал блоки для пиратского декодирования спутниковых каналов и радиогрabbеры. На последней совместной вечеринке Игорь похвастал, что достиг такого уровня, что вполне может собирать у себя в квартире головки самонаведения для крылатых ракет. И на фоне его успехов такое заявление не казалось шуткой.

– Отличная мысль, Мишка! – сказал я, обдумав перспективы совместного проектирования. – Обязательно с ним свяжусь.

– Давно пора, уже месяц вместе не собирались! – ответил Мишка, радостно потирая руки в предвкушении застолья. – Так, может, прямо сейчас и рванем, благо сегодня пятница и можно посидеть подольше! Чего тянуть-то?

Сказано – сделано!

Мы взяли пол-ящика пива (для разгона!) и отправились в гости к другу. Нам повезло – Игорь был дома. Он сам открыл дверь, и по гулкой тишине его большой, четырехкомнатной квартиры мы поняли, что многочисленная семья Горыныча, в составе четырех братьев, папы с мамой и двух волнистых попугайчиков, уже уехала на дачу. И скорее всего – на весь уик-энд.

Гарик, темноволосый крепыш, чуть ниже меня росточком, поддернул семейные трусы, сползающие с начавшего выпирать брюшка. В связи с жарким летним вечером трусы были его единственной одеждой.

– Приперлись, – делано-хмуро сказал наш друг, с нарастающим интересом оглядывая наши довольные морды и позвякивающие, при каждом движении, пакеты в руках. – Вы, гады, словно запах чувствуете! Только пожрать сел. Пачку пельменей сварил. Два часа одну тарелку никак прикончить не могу! Ковыряю, ковыряю...

– Что – уворачиваются? – с совершенно серьезным видом спросил я.

Горыныч хихикнул, но хмурого вида не оставил:

– Опять небось пиво жрать будем?

– Ну, дык, – согласился с ним Мишка, доставая из пакета бутылку и протягивая ее Гарику как пропуск – этикеткой вперед.

Гарик зубами (фирменный трюк!) сорвал пробку, сделал большой глоток и милостиво сказал:

– Ну, тогда заходите!

Десять минут спустя мы, полуголые (жара!), сидели за кухонным столом среди плавающих клубов табачного дыма. Закусок было много: орешки и чипсы! В худшие времена, случилось, не было и этого. Затагиваясь сигаретой, Мишка махал исчерканным листочком с формулами и вещал:

– Не знаю, как насчет пробоев во времени, но теперь эта штука будет работать точнее швейцарских часов.

Гарик, отрываясь от подсунутой ему схемы только для того, чтобы отхлебнуть пивка, долго молчал, что обычно моему другу было не свойственно. Наконец, оторвавшись от листа, Горыныч извлек из морозилки вторую бутылку, снова открыл ее зубами, пригубил и задумчиво сказал:

– Никогда не видел ничего подобного! Кстати, схема – твое творчество, бракодел?

– Нет, блин, дедушки... – обиделся я.

– То-то я и смотрю, элементная база на уровне каменного века, – заклеил меня Гарик. – А если серьезно, что это за аппарат?

– Приемопередатчик, работающий на сверхдлинных волнах, – пошутил я. – Дедуля в «почтовом ящике» делал прибор для связи с подводными лодками.

– Нет, братишка, бери выше – для связи с инопланетными кораблями! – подхватил Бэдмен.

– Ага, бороздящими просторы галактики, – закончил я фразу. – А если честно, то я и сам не знаю, что это за фигня. Вчера случайно нашел эти схемы и расчеты и решил попробовать воплотить это устройство в металле.

Про подкинутый двойником конверт я решил пока умолчать, Суворов и Тюрин вряд ли нормально восприняли бы эту информацию. Тем более на трезвую (пока!) голову.

– Где нашел-то, у себя в кладовке, что ли? Похожие схемы ты рисовал, насколько мне помнится, на первом курсе, – почти угадал Гарик. – Если быть точным – вместо того, чтобы слушать лекции.

– Угу, – неопределенно хмыкнул я. Врать другу не хотелось. – Вот приспичило... Надо бы довести эту хреновину до ума.

– Ну, тогда наливай! – усмехнулся Горыныч. – Счазз спаяем в лучшем виде!

Глава 2

Проснулся я почему-то в шесть часов утра, причем в состоянии пронзительной трезвости. За окошком разгоралось летнее субботнее утро. Спать больше не хотелось, и я, ополоснув лицо, сразу полез в сумку и извлек произведение совместного творчества – «модулятор сигнала», сработанный по самой современной технологии. Вчера, выпив по паре литров пива на брата, мы создали это чудо технической мысли буквально за два часа. Причем по ходу действия я действительно убедился, что предлагаемые к использованию детали и материалы довольно далеки от современных требований. Да и многие схемы можно было сделать по-другому, более изящно. Чем я немедленно и занялся. А Гарик подобрал необходимые компоненты из своих запасов. Творческому процессу очень способствовало легкое алкогольное опьянение, сильно раскрепощающее фантазию. Потом, добавив еще пол-литра, Гарик отрегулировал прибор по Мишкиным указаниям. Сам я в это время нарезал колбасу. А сейчас мне предстояло, соединив «модулятор» с «окном» и трансформатором, проверить всю эту халабуду в работе.

На сборку и наладку ушло часа два. К этому времени открылся маленький магазинчик возле моего дома. Я прогулялся туда по утреннему холодку и приобрел баночку холодного джин-тоники для поправки здоровья. После этого, на свежую голову, я приступил к инсталляции программы управления с дискеты на свой компьютер.

Ходики на кухне прокуковали девять раз. К испытаниям все было готово. Для первого эксперимента я выбрал дату трехлетней давности. В этот день меня точно не было дома, и помешать я сам себе не мог.

Наконец я решился и нажал клавишу «Enter», запуская процесс. Трансформатор буквально взвыл, как идущий на взлет истребитель. «Модулятор» вел себя тихо, только в местах пайки стали проскакивать маленькие синие молнии. В «окне», рамку которого я прибил к косяку двери между комнатой и прихожей, сначала ничего не происходило, затем изображение мигнуло, словно переключенный на другую программу телевизор, и в проеме возникла новая картинка. Моя прихожая полностью изменилась – на полу снова лежал старый потертый палас, на стене вместо большой вешалки висел плакат «Doors», под потолком болталась лампочка на куске провода, а не подаренный год назад симпатичный светильник. В общем, это была моя прихожая трехлетней давности.

Машина времени работала!!!

В записях моего альтер эго говорилось, что темпор-машину он использовал исключительно для просмотра картин из прошлого. Каких-либо попыток проникнуть сквозь «окно» двойник не предпринимал. Да и немудрено – на его неустойчиво работающей установке любой визит мог закончиться аварией. Но мы-то с ребятами собрали совсем другой аппарат, плюс совершенно новая программа управления.

И я решил поэкспериментировать. Сначала бросил через работающее «окно» материальный предмет – пачку сигарет. Ничего страшного не произошло, и установка продолжала работать устойчиво. Ладно – такое и двойник проходил – как-то ведь он сунул мне тетрадь. Затем наступила очередь живого существа... Я привязал к своему коту веревку и, мысленно попрощавшись с ним, кинул бедное животное в прихожую. И опять все прошло гладко – Мотыка аккуратно приземлился на четыре лапы, недоуменно облизнулся и удивленно посмотрел на меня: «Мол, в чем дело, хозяин?» Без промедления я втащил кота за веревку обратно в свое время.

Теперь оставалось шагнуть в прошлое самому. На всякий случай я отключил установку и проверил тестером все цепи. На это ушло часа два. Аппарат был в полном порядке. Но что-то меня удерживало. В голову пришла дурная мысль: а что, если в мое отсутствие в доме отключат электричество. «Окно», ясно дело, схлопнется. Объясняй тогда молодому себе, кто я такой и

что я делаю в его квартире. Спасти меня мог только блок бесперебойного питания, который используют для сохранения данных в компьютерах. Достав из заначки двести баксов, я отправился за покупкой. Уже на улице меня осенило, и, вернувшись, я выгреб все свои доллары. Домой я пришел с новеньким блоком и с толстой пачкой тысячерублевых купюр.

Минут через пятнадцать подготовка к перемещению была закончена. Дата отправления: третье июня 2008 года, в этот день я был на даче. Пуск. Открывается вид на прихожую. На стене – плакат «Doors», под потолком – лампочка на шнуре. Попадание точное.

Машинально перекрестившись, хотя я никогда не был набожным, нерешительно шагаю в проем. «Это маленький шаг для одного человека, но огромный шаг для всего человечества», – всплыло в голове. Кажется, это сказал Армстронг при высадке на Луну. Ну, я почти в таком же положении – десантируюсь в новый мир. Поправка: в старый мир. Робкими шагами прохожу на кухню. За три года она почти не изменилась. На плите стоит кастрюлька с прокисшим супом. Эге, припоминаю – сорвавшись на очередную пьянку, я забыл про нее, а вернувшись через два дня, целый час отскребал плесень. Еще несколько минут я неуверенно топтался в прихожей, не решаясь выйти на улицу.

Вперед! Надо выполнить программу-минимум, из-за которой и было выбрано первое полугодие 2008 года. Курс доллара к рублю на треть меньше, чем после начала кризиса. Наконец, я набрался смелости и почти бегом устремился в обменник. Деньги из будущего поменяли без звука. Пулей домой. На кухне обнаруживаю еще одного десантника из будущего – своего кота. Ну, для первого похода достаточно.

Я уже собрался возвращаться, но вдруг придумал оставить маленькую отметку о своем походе. Покопавшись в стоящем на кухне ящике с инструментами, нашел молоток, гвозди и вбил их рядком в плинтус за холодильником. Ужасно довольный собой, я схватил Мотыку в охапку, перешел в свое время и, выключив установку, побежал проверять свой тайничок. Каково же было мое удивление, когда мне не удалось обнаружить не только гвоздей, но даже следов их присутствия. Решаю оставить это открытие на потом. Лечу в обменник. Деньги из прошлого тоже поменяли без звука. Эта небольшая спекуляция принесла пятьсот долларов чистой прибыли!!!

В эйфории от содеянного, решаюсь повторить попытку. Потом еще и еще. До самого закрытия пунктов я, как метеор, носился между ними и своей квартирой, покупая в ноль восемьдесят долларов по двадцать рублей за штучку. Потом возвращался в ноль десятый и менял баксы на рубли, но уже по курсу один к тридцати. За субботу мне удалось повернуть эту операцию семь раз, что увеличило мое состояние до нескольких тысяч долларов. После каждой ходки я оставлял двести долларов в резерв. Однако на третий раз, при покупке рублей, девочка в окошке удивленно подняла на меня глаза. «Долги возвращают, все несут и несут, отбоя от них нет», – неловко соврал я. Но в четвертый раз все же рванул в дальний обменник. А на шестой раз пришлось ехать на такси в центр города, так как для близлежащих пунктов сумма стала слишком большой.

Вернувшись из седьмой экспедиции, я, как подкошенный, рухнул на кровать и мгновенно уснул. Всю ночь меня мучили кошмары – за мной бегали девочки из обменников, крича: «Отдай наши деньги!» Сказывалось огромное нервное напряжение прошедшего дня. Но пробуждение посреди кучи денег компенсировало все неудобства. Приняв душ, не спеша позавтракал, с удивлением припомнив, что вчера обошелся без еды. Пересчитывая выручку, я наконец спокойно обдумал события прошлого дня.

Во-первых, до меня дошло, что если в своем времени моя персона примелькалась частым посещением обменного пункта, то в прошлом на меня никто не обратил внимания. В мозгу сверкнула мысль. Я начал лихорадочно рассматривать долларовые купюры из резерва. Вот оно! Номера банкнот повторялись! Это значит, что, отправляясь в прошлое, я каждый раз оказывался в новой реальности. Правильность этого вывода подтвердила история с гвоздями.

Во-вторых, во время пребывания в прошлом меня терзала одна неприятная мысль – вот сейчас там, в две тысячи первом, отрубят электричество, блок питания будет держать окно еще десять минут, а потом все, привет... С этой проблемой надо было что-то делать. Существовало два решения, первое: купить портативный генератор, что, в общем, тоже ограничивало время пребывания в ином мире, и второе: внести изменение в конструкцию установки. Я склонялся ко второму пути, хотя не исключал первый из-за его простоты.

В воскресенье вечером, прихватив два ящика дорогого немецкого пива, я завалился к Гарику. Он несколько секунд удивленно рассматривал этикетку с надписью «Paulaner», но, не сказав ни слова, выставил на стол стаканы и вазочку с орешками. Тогда я поведал ему о своих приключениях. После четвертой бутылки Игорек сказал, что я как был сказочником, так сказочником и остался. Пришлось показать деньги с повторяющимися номерами. Это произвело на моего друга некоторое впечатление. После шестой бутылки Тюрин заявил, что поверит только своим глазам.

– Дело поправимое, – сказал я и достал из холодильника очередную порцию. – Вот сейчас допьём и поедем ко мне.

– Надо Бэдмену позвонить, – сообразил заботливый Гарик, – не пропадать же такой халяве.

– Мишке завтра на работу, да и мне тоже, – вспомнил я. Но тут до меня доперло, что с такими деньжищами, а тем более возможностями, на работу можно не ходить. – Давай набирай, гулять так гулять.

– Отлично, Серега, наливай. – Игорек стал тыкать непослушными пальцами в кнопки.

– Горыныч, возьми телефон!

– А это?

– А это пульт от телевизора!

Мы расхохотались, добавили еще, но все-таки нашли в себе силы и позвонили Суворову. Мишка приехал через полчаса, и вечеринка продолжилась. Дальнейшее помню смутно. Вроде бы кончилось пиво, и мы поперлись за добавкой. Откуда-то к нам приклеилось двое девчонок. Подруги стали требовать какого-то жутко дорогого ликера, Гарику приспичило попробовать виски «Джек Дэниельс», а мы с Мишелем решили продегустировать «Мартель».

После такого загула пробуждение было не из приятных. Отправив четверых девушек (а вроде бы вечером была всего две?) домой на такси, я принялся уговаривать Горыныча и Бэдмена плюнуть на работу и двинуть ко мне, чтобы опохмелиться и осмотреть машину времени. При этом я потрясал толстой пачкой долларов и кричал, что втроем мы к вечеру увеличим сумму в несколько раз.

Мое ли красноречие подействовало, мелькающие в воздухе зеленоватые бумажки или желание поправить здоровье, но мои друзья согласились.

Глава 3

Самое большое впечатление на Горыныча произвело «окно». Гарик несколько минут ходил вокруг обмотанной телефонным проводом рамки из неошкуренных брусков, сопел носом, хмыкал, а потом изрек:

– Серега, ты хочешь сказать, что это чудо технической мысли – машина времени?

– Согласен, выглядит странновато, но оно работает. К тому же основная деталь всего устройства – это слепленный лично тобой модулятор. А точность работы обеспечивается программой, выполненной нашим гением Бэдменом.

– Ага, а ты в это время колбаску нарезал, – не поворачиваясь от монитора, сказал Суворов. Он сразу после приезда оккупировал место за письменным столом, у компьютера.

– Я же говорил вам, что нашел у себя на столе конверт... – начал я.

– Идея-то все равно принадлежит тебе, – перебил меня Мишка. – Твой двойник просто пошел дальше тебя в разработке.

– Ладно! Уговорили, черти красноречивые, – решительно сказал Горыныч. – Врубай свою темпор-машину, сейчас посмотрим, как работает этот зеленый плод совместного творчества.

– Одну минутку, – отозвался Мишка, продолжая щелкать клавишами компа, – мне тут одна идейка в голову пришла, надо исправить несколько команд.

– Это что же получается? – возмутился я. – А получается, что я вчера лазил через дырку, которая в любой момент могла захлопнуться, потому что некоторые неправильно состряпали программу!

– Не неправильно, а скорее небрежно. Ведь когда я писал, то воспринимал эту работу как чисто интеллектуальное упражнение. Ну, извини, мне и в голову не пришло, что машина будет работать. А сейчас я все сопли подотру, и можно будет гонять наш станок от заката до рассвета. Как швейцарские часы...

– Про часы я от тебя уже слышал, – перебил я разошедшегося Мишку. – Вчера...

– Слушай, Серега, а зачем тебя в ноль восьмой понесло? – спросил Игорь, сосредоточенно отколупывая какую-то щепочку от рамки «окна».

– Решил капусты нарубить по-быстренькому, – честно ответил я.

– Нищета! – подколот Мишка. – Кто о чем, а Серега о бабках...

– А ты бы куда махнул? – обиделся я.

– В палеозой куда-нибудь или в юрский период на динозавров охотиться! – решительно ответил Гарик.

– Это ты американских фильмов насмотрелся. Там же, кроме ящеров, еще насекомые разные вредоносные, микробы и бактерии, неизвестные науке.

– Да ладно, от наших пропитанных радиацией и пестицидами тел отскочит любая древняя бактерия, – не унимался Игорь. – А может, и более крупные субъекты не выдержат.

– Теперь я знаю, отчего вымерли динозавры, – торжественно провозгласил я. – Горыныч отравил их запахом своих носков.

– Нет, это Серега распугал несчастных животных своим перегаром.

Конец нашему познавательному диалогу положил Бэдмен, провозгласивший:

– Готово! Куда отправимся?

– Давай действительно в палеозой махнем! – предложил я.

– Это сколько лет до нашей эры? – озадачился Мишка.

– Эх, темный ты человек, Михаил, историю в школе не учил! – шутливо-укоризненно попенял я другу. Но тут же признался: – Черт его знает, сколько лет. Крути от балды несколько миллиардов!⁷

Мишка набрал в строке «год» цифру с огромным количеством нулей и нажал «Enter». В следующее мгновение из включившегося «окна» хлынул поток воды.

– Вырубай, твою мать!!! – заорал Гарик, резво вскакивая на журнальный столик.

Бэдмен стал судорожно жать кнопки на «клаве». На отключение установки у Суворова ушло несколько секунд, за это время уровень поднялся до колен. Наконец водопад словно отсекло гильотиной, и высокая волна устремилась из комнаты в прихожую и кухню. В потоке мелькнуло что-то темное и длинное.

– Серега, тут крокодил!!!

Я схватил со шкафа бейсбольную битку и бросился в бой. Пришелец оказался не крокодилом, а чудовищной рыбой. Удары моего оружия не причиняли противнику никакого вреда. На подмогу мне устремились друзья. Игорек прижал тварь к полу тяжелым креслом, Бэдмен атаковал с фланга свинцовой кувалдой. Через несколько минут отчаянной драки килька перестала трепыхаться и клацать длинными зубами. Наступила относительная тишина. Стало слышно, как журчит под входной дверью вытекающий на лестничную площадку ручеек, да шипит на шкафу Мотья.

– Что это было? – хрипло дыша, спросил Горыныч.

Мишка выдал длинную матерную конструкцию, упомянув мать «этой долбаной палеозойской селедки», а также подробно описав, в каких противоестественных отношениях он с ней состоял.

– Ребята, я вспомнил! – озарило меня. – Вода-то соленая! На месте Москвы в древности было море!

– Что же ты раньше не сказал, умник хренов. А это что за скотина?

– Фиг знает. Наверное, панцирная рыба.

– Сережа, скажи мне, пожалуйста, – вкрадчиво-ласково начал немного успокоившийся Бэдмен, – а для каких таких целей ты держишь на письменном столе кувалду?

– Ты наверняка качал что-нибудь из Инета. Вот и представь – качаешь, качаешь, почти все уже скачал, а тут обрыв связи. Что тебе в таком случае хочется сделать?

– Разбить монитор молотком! – хмыкнул Мишка.

– Вот-вот! Именно на такой случай я и держу под рукой кувалду, – улыбнулся я. Мне показалось, что ребята так и не поняли, шучу я или нет. – Ладно, мужики, хватаем ведра и тряпки, пока соседи снизу не прибежали.

Наведение порядка заняло несколько часов. Соседи все-таки нанесли нам визит, но пятьсот долларов компенсировали их беспокойство.

– Хорошо, что в юрский период не поперлись, а то бы вместо этой рыбки отбивались от тираннозавра, – сказал Гарик. – Давайте в следующий раз отправимся в более близкую эпоху.

– Я лично хочу посмотреть на живого Юрия Долгорукого или на худой конец на Дмитрия Донского, – мечтательно проговорил Мишка.

– Зачем тебе худой конец Дмитрия Донского?! – расхохотался Игорь. Я врубился и заржал вдогонку. Мишка некоторое время смотрел на нас недоумевающе, но тут дошло и до него. Через мгновение смеялись уже втроем. Нахотавшись вволю, я попытался осмысленно подойти к выбору цели.

– Все отличие Средневековья от допотопных времен состоит в том, что вместо динозавров сюда ползут мужики в латах с топорами и копьями в руках, – охладил я Суворова. – Прежде чем бросаться в объятья к нашим предкам, надо грамотно подготовиться. Думаю,

⁷ Герои романа, в отличие от автора, совершенно не разбираются в геологических периодах и истории Земли.

парочка «калашей» и десяток гранат не будут лишними. Дружище Бэдмен, насколько я знаю, ты неплохой пулеметчик. Купим тебе на черном рынке «ПК», не с кувалдой же на Батя идти.

– А ты уже решил монгольское нашествие остановить. Давай для начала хоть одним глазком посмотрим, что творится в одна тысяча сто сорок седьмом году, – не унимался Михаил.

– Почему в тыщца сто сорок седьмом? – удивился Игорь.

– Первое упоминание Москвы в летописях⁸, – блеснул эрудицией Бэдмен. – Мужики, риск – дело благородное.

– Я не против, – сказал Горыныч, беря в руки битую и вставая у «окна».

– Ладно, Мишка, рискнем, – согласился я, поднимая с пола кувалду. – Заводи машинку, только внеси поправки в программу, чтоб отключить можно было в одно касание.

Обрадованный Суворов сел за компьютер и через пару минут провозгласил: «Врубаю!»

В «окне» показались мохнатые лапы елей, сильно запахло хвоей. Гарик с битой на изготовку осторожно приблизился к проему. Я встал рядом.

– Никого, – доложили мы Бэдмену.

Мишка оторвал палец от клавиши возврата и почему-то крадучись подошел к нам.

– Лес кругом, – констатировал наш гений. – А чего земля-то так низко, мы же почти на верхушках деревьев.

– Третий этаж! – объяснил я. – Это радует, вряд ли кто-нибудь сумеет к нам залезть.

– А где Москва, где ее золотые купола и запах пирогов?

– Так двадцать километров от центра, Михаил! Зато мы доказали – восемьсот пятьдесят лет назад не было района Орехово-Борисово.

– Получается, что наша установка жестко привязана к определенным координатам в пространстве, – рассудительно сказал Игорь.

– Ага, к проходу из комнаты в прихожую! – усмехнувшись, подтвердил я. – Что дальше?

– У тебя веревка есть? – деловито поинтересовался Мишка.

– Есть на кухне, которая сейчас от нас отрезана.

– И почему ты рамку к стене не поставил?

– Тогда в ноль восьмом я бы в бетон упирался, а не за долларами бегал.

– Какой же ты меркантильный! Ну ладно, полюбовались на природу, послушали птичек, пора отключаться, – подвел итог Игорь.

– Подожди, есть одно незаконченное дело, – сказал я, приволок за хвост трофей предыдущего похода и швырнул его в густой ельник. – Пускай теперь ученые голову ломают, откуда в двенадцатом веке взялась панцирная рыба.

Мы отключили аппарат и приступили к обсуждению планов. Суворов предложил в следующий раз воспользоваться веревочной лестницей. Горыныч выступил с идеей установить в комнате лебедку с электроприводом.

– Вы бы еще лифт построили, – сказал я друзьям. – Спуститесь с небес на землю. Или, как в нашем случае, на три этажа вниз. Установку надо монтировать на уровне почвы. И лучше всего сделать ее передвижной, тогда в любое интересное место мы сможем легко добраться в своем времени.

– Значит, будем собирать темпор-машину в автомобиле, – Гарик сразу ухватил суть вопроса. – Питание я переделаю на постоянный ток. Поставим пару мощных камазовских аккумуляторов. Рамку расположим внутри кузова, так что с виду будет обыкновенный грузовик.

– Тогда вместо этого железа, – Бэдмен кивнул на мой компьютер, – надо приобрести хороший мощный ноутбук.

⁸ Герои совершенно не помнят исторических дат. Но эта дата засела в головах всех москвичей после бурно отпразднованного юбилея «850-летие Москвы».

– Отлично, вот и договорились. Ты, Гарик, будешь заниматься хардом. Ты, Мишка, софтом. А я буду бегать в чипок за пивом и сигаретами.

И работа закипела.

Глава 4

Следующая неделя оказалась очень насыщенной. Мы все официально уволились с работы и, на всякий случай, оформили наше трио как юридическое лицо. Суворов предложил назвать фирму «Хронос». Я саркастически добавил: «Фирма «Хронос», экскурсии по временным потокам». Но в результате ограничились покупкой готового общества с ограниченной ответственностью под совершенно нейтральным названием «Веспа М».

Под установку передвижной темпор-машины мы купили подержанный фургон «Газель». Затем мы намеревались арендовать помещение под офис и большой ремонтный бокс. Мишка даже предлагал переманить к нам соотрудницами двух девочек с нашей старой работы. Причина была в том, что наш бравый вояка Суворов был в общении с женским полом робок, а тут пропал налаженный контакт. Я и Гарик с трудом отговорили Мишку от трудоустройства к нам делопроизводителями всех его немногочисленных подружек. Но после некоторых раздумий от идеи создания офиса мы отказались. Временный штаб было решено устроить в моей однокомнатной квартире, так как я единственный из троих не был отягощен родственниками. А под «Газель» арендовали простой гараж на ближайшей стоянке.

Горыныч плотно засел в фургоне, занимаясь монтажом новой установки. Суворов, обложившись сразу тремя компьютерами, соединенными в локальную сеть, шлифовал и тестировал программу управления. А я, выбив прокладку выделенной линии к Интернету, сортировал огромное количество исторической информации да к тому же обеспечивал ребят всем необходимым для работы, включая пиво и сигареты.

Свою казну пополняли ежедневными утренними набегами в две тысячи восьмой год из моей квартиры. В целях конспирации меняли обычно всего по несколько тысяч. В прошлое отправлялись вдвоем, а третий страховал. Но, несмотря на страховку, отправляющиеся в поход все равно испытывали беспокойство – а вдруг установка отключится. В целях сохранения душевного спокойствия решено было устроить мозговой штурм и решить раз и навсегда эту проблему.

И вот в один прекрасный вечер мы засели на моей кухне. По старой привычке, для стимуляции мозговой деятельности прихватили ящик пива. Расселись вокруг стола, разлили и углубились в расчеты.

Дело продвигалось медленно. Около полуночи, после третьей бутылки я что-то нащупал и поделился новостью с друзьями. Процесс пошел веселее. После пятой мы продолжали считать, после шестой тоже, а после седьмой я отрубился. Очнулся только под утро. Игорь спал в кресле, Мишка уютно свернулся калачиком на ковре, вокруг них были разбросаны листки с расчетами и схемами, ящик с пивом опустел. Стараясь не разбудить ребят, я собрал бумажки, достал из холодильника и откупорил свежую бутылочку и снова напряг свои пропитанные алкоголем извилины. После нескольких больших глотков ледяного пива мозг включился и сумел осмыслить информацию, наработанную друзьями за ночь. Через несколько минут, на основе их выводов, меня буквально осенило, и я начал лихорадочно чертить схему. Когда проснулся Гарик, я допивал вторую бутылку и встретил его радостным сообщением, что, кажется, решил проблему. Решение было столь же простое, сколь гениальное. Я предложил сделать дистанционное управление и отключать канал со стороны выхода. «Окно» не закрывалось, а сворачивалось. С точки зрения путешественника, остающегося в прошлом, время в будущем останавливалось.

– Можно переходить от теории к практике, – прохрипел я. – Вот список необходимых компонентов. – В руки Горыныча перекинул измятый листок. – Обеспечь наличие, – с этими словами я отключился.

Проснулся ближе к вечеру. Ребята перенесли меня в комнату, уложили на диван и заботливо укрыли пледом. Рядом на полу предусмотрительно было оставлено ведро со льдом, из которого торчали запотевшие горлышки бутылок пива и минералки. На выбор. «Спасибо, мужики!» – с благодарностью подумал я.

С кухни доносились голоса и звуки музыки. Попив холодной водички, я отправился на шум. На столе находилось дикое нагромождение микросхем, конденсаторов, резисторов, из которого проглядывали контуры прибора и крохотная, диаметром всего в пятнадцать сантиметров, рамка «окна». Множество проводов вело к компьютерам.

– Наконец-то! Наш гений пришел в себя! – радостно заорал Суворов.

– Серега! Мы уже третий раз твое изобретение испытываем, – хлопнув меня по плечу, сказал Горыныч.

– Ну и как? – спросил я.

– Работает, мать твою! Работает! – хором закричали друзья. – Вот смотри!

И они развили бурную деятельность, что-то включая, чем-то шелкая, по проводникам забегали искры, а в малюсеньком «окошке» появилось изображение. Там был яркий солнечный день.

– Опять лес! – сказал я. – В какое хоть время попали?

– Да какая на хрен разница! – ответил Гарик. – Главное – вот это!

Игорь показал мне бесформенный комок примотанных друг к другу синей изоляцией деталек, соединенных между собой проводами разного сечения.

– На внешний вид не обращай внимания – лабораторный экземпляр. Дизайном займемся потом. Форму эргономически выверим... А по сути – это пульт для дистанционного управления «модулятором» с той стороны, – объяснял Игорек. – Для испытаний мы прикрепили к нему два таймера – на сворачивание «окна» и на его последующее разворачивание. Ставим первый таймер на пятнадцать секунд, второй – на тридцать. Потом оставляем сие устройство в прошлом. Тут рядом веточка сосны очень удобная, на нее и положим.

Горыныч проделал несколько манипуляций и сунул руку с пультом внутрь рамки. Со стороны это смотрелось жутковато – рука до локтя просто исчезла.

– Опыт номер четыре! – торжественно провозгласил Бэдмен, Гарик выдернул руку, и мы втроем уставились на «окно». Прошло несколько секунд, и оно действительно выключилось. Через мгновение включилось, я пошарил внутри и наткнулся на пульт.

– А ты говорил, что второй таймер поставил на полминуты, – сказал я Игорю.

– На полминуты! – подтвердил он. – Но ты же сам предсказал этот эффект, время там идет, а у нас стоит. Мы, когда в первый раз врубили, то подумали, что таймер неисправен. А вообще, чтобы окончательно убедиться, надо самим с той стороны кнопку нажать.

Следующий день потратили на доводку нового блока и его последующий монтаж в «Газели». К вечеру работа была закончена, и мы включили установку, не выезжая из гаража. Пятьсот лет назад, лето. На всякий случай перестраховались – в прошлом оставили видеокамеру. Таймер пульта ДУ выставили на полчаса. «Окно» благополучно свернулось, через мгновение развернулось. Проверили видеокамеру – она действительно тридцать минут исправно снимала кусты малины. Свернувшееся «окно» было абсолютно незаметно.

Настало время самим проверить качество работы аппаратуры. В прошлое залезли втроем. Нажатие кнопки на пульте, и висевший над травой проем, за которым виднелись внутренности «Газели», исчезает. Мишка сделал несколько шагов вперед, прошел сквозь то место, где только что висело «окно». Оно не просматривалось и не прощупывалось. Стало как-то неуютно, если не сказать жутко.

– Горыныч, жми!!! – заорал я.

Гарик торопливо надавил кнопку, «окно» развернулось, мы дружно ввалились в такой родной и привычный фургон и изнеможенно распростерлись на полу. Испытание можно было считать удачным.

Глава 5

Добыть современное стрелковое оружие оказалось делом более простым, чем представлялось вначале. Мишка, проходивший срочную службу в спецназе пограничных войск, вспомнил, что в девяностом третьем году из-за сокращения финансирования свернули тренировочный лагерь их полка под Тулой. На территории бывшей базы теперь был пустырь с остатками фундаментов. Так что мы просто заезжали на своей «Газели» прямо в оружейный склад, включали темпор-машину и брали с полок любое оружие и боеприпасы. По заверению Суворова, их комендант воровал грузовиками, пошел под трибунал, так что угрызений совести никто из нас не испытывал.

Сначала мы хватали первое, что подворачивалось под руку – «АКС». За каким-то чертом набрали аж четыре ящика. К ним мы прихватили десяток цинков с патронами. Сначала этот штабель размещался в моей «однушке», а после покупки Гариком «двушки» – переехал туда. Момент погрузки-разгрузки оружия у подъезда жилого дома стал самым большим впечатлением нашей жизни, после испытаний темпор-машины, естественно.

Затем мы стали подходить к выбору оружия более осмысленно – ящиками уже не хапали, выбирали более придирчиво. Тогда наш арсенал пополнился парой «ПК», парой «СВД» и пятью «ПМ». Суворов предлагал также взять гранатометы «Муха» и реактивные огнеметы «Шмель», но тут встал стеной Горыныч, заявивший, что развязывать полномасштабную войну не собирается и, следовательно, не будет засорять свое жилище всяким металлоломом.

Остро встал вопрос размещения всего этого «богатства». Громоздить в квартирах баррикады из ящиков никому из нас не хотелось. Да и хранить оружие в жилом доме... Нужно было найти тихое место, вдали от людских глаз, но желательно в пределах часа езды от МКАДа. После долгих переговоров с риелторами и осмотров недвижимости всех мастей мы, наконец, нашли то, что искали. Трехэтажный особняк-недострой из красного кирпича, стоявший заброшенным с самого начала «мирового финансового кризиса». Тогда, в конце 2008 года, много таких пустых «коробочек» украшало собой дачные поселки. Но к 2010-му как-то постепенно большинство долгостроев нашли новых хозяев. Однако наш «дворец» так и остался бесхозным – сказались поистине титанические размеры хоромины и ее неудачное, с нормальной точки зрения, расположение. И хотя номинально до МКАДа было всего ничего – полста километров, глушь там была дичайшая!

Дом стоял на отшибе, в двух километрах от ближайшего жилья и в восьми километрах от Симферопольского шоссе. Кроме общей удаленности, проезд к этому поселку был затруднен практически полным отсутствием дороги (разве можно назвать дорогой направление, в котором идут две глубокие, залитые жидкой грязью колеи?) и глубоким оврагом, форсирование которого можно было приравнять к штурму Перекопа. Сам поселок представлял из себя разбитое проволочными изгородями на участки голое поле, густо поросшее бурьяном. На участках изредка встречались заплывшие землей котлованы либо «развалины» фундаментов. На иных не было и этого – строительство дальше «нулевого» цикла не пошло. То ли деньги у застройщиков кончились, то ли сами застройщики не пережили кризис.

Это все было нам на руку – мы по дешевке скупили прилегающие участки. А после некоторого раздумья – все участки поселка-призрака.

Сам дом очень хорошо перенес два года запустения. Правда, ломаться в нем было нечему – нам достались голые стены, покрытые временной крышей из рубероида. Да и коммуникации к поселку в свое время подвести так и не успели. Зато общая площадь объекта составляла почти тысячу квадратных метров, включая огромный гараж, почти ангар, где легко поместилось бы пять машин.

При первом осмотре нашего нового приобретения мы были поражены гигантской кучей песка посреди холла первого этажа. Как строители умудрились натаскать столько внутрь дома – осталось загадкой! Да и зачем это было сделано?

– Здесь можно в куличики играть! – проворчал тогда Бэдмен. – Никогда не видел такой большой песочницы.

После этих слов за базой стойко закрепилось название «Песочница».

Большого ремонта в «Песочнице» проводить не стали – закончили крышу, установили окна и двери. Огородили весь участок забором из сетки-рабицы. Укрепили подвал. Вот в подвале и заскладиrowали весь наш арсенал.

К тому времени он состоял из десяти «АКМ», двадцати «АКС», двух «ПК», двух «СВД», нескольких пистолетов-пулеметов «Кедр» и «Кипарис», двух десятков пистолетов от «ПМ» и «АПС» до «Гюрзы». А огромное количество оптических и коллиматорных прицелов, приборов ночного видения, тактических фонарей, радиостанций и прочей спецтехники, на которой очень настаивал вошедший во вкус Бэдмен, мы свободно приобрели в обычных московских оружейных магазинах.

Приди нам в голову развязать войну – так хватило бы на вооружение небольшой армии! Горыныч на полном серьезе предлагал захватить власть и княжить где-нибудь в X–XII веках. И остановило его только полное отсутствие привычных коммунальных удобств в виде теплого ватерклозета и телевидения. Да и смысл? Власть ради власти? Потом Бэдмен несколько раз порывался что-то изменить в истории. То «помочь нашим» на Калке, то разгромить орды Батыя. А вскоре дошел до покушения на Ленина, благо мы отлично знали, когда и где произошло покушение, случившееся в реале.

Как раз последнее предложение было принято. Именно из-за удобства его реализации. Мы доехали на «Газели» в нужное место, развернули «окно» и открыли автоматный огонь. Нда... подстраховали Фанни Каплан, нечего сказать. Изрешетили самого Ильича, его водилу, да и от автомобиля ничего не осталось. Мишка потом полдня ходил гоголем, а нас с Горынычем трясло, да так, что нам пришлось залиться коньяком по самые брови. Ведь по живым людям мы стреляли в первый раз.

Но толку от нашей эскапады не было никакого. Ни в одном учебнике истории не изменилось ни строчки. Что лишний раз убедило нас в параллельности миров и бесполезности всякого рода попыток как-то повлиять на исторический процесс.

Но раз нельзя что-то изменить, то можно зафиксировать! И мы рванули «в мир», старательно архивируя все мало-мальски интересные события. В этом нам помогало мое новое изобретение – «глазок». Он представлял собой миниатюрное «окно», размещенное на объективе цифровой видеокамеры. «Модулятор сигнала» и источник питания после многочисленных модернизаций стали совсем крохотными. Для маскировки весь аппарат размещался в корпусе большой профессиональной видеокамеры. Теперь, прогуливаясь по улицам Парижа, Лондона или Рима, я в любой момент мог взглянуть на ту же улицу, отделенную от меня несколькими веками. На экскурсии по Тауэру, поднявшись на крепостную стену, я снял отличный фильм о знаменитом лондонском пожаре. А сколько гигабайт видеозаписей было привезено после посещения Колизея! Правда, переплюнуть в зрелищности голливудского «Гладиатора» мне не удалось – действительность всегда тусклее фантазии.

Самим походить по плитам Аппиевой дороги времен Гая Юлия Цезаря или по бульвару Монмартра рядом с Тулуз-Лотреком не получалось. Проблема была в перевозке громоздкой рамки «окна», а еще в плохом знании языка и обстановки. Засыпаться можно было на ерунде. Даже кратковременные походы по средневековой Москве оставляли массу эмоций из-за постоянного риска быть опознанными аборигенами как чужаки. Нормально мы чувствовали себя только во временах, вплотную прилегающих к настоящему или дореволюционным, начала двадцатого века. И то для успокоения нервов приходилось брать с собой пистолеты.

Где-то через шесть месяцев после начала эпопеи у нас произошел серьезный разговор о перспективах нашей дальнейшей деятельности. Дело в том, что нас начал одолевать приключенческий зуд. Ну согласитесь – придумать и собрать на коленке машину времени только для того, чтобы набивать карманы, пользуясь разницей в курсах «зеленого» к «деревянному»? Да и сами мы стали меняться в худшую сторону. И эти изменения не нравились всем троим. Но мы упорно продолжали «мутировать». Нет, мы не стали монстрами, у нас не открылся третий глаз. Просто мы постепенно превращались в тех, кого всегда презирали, – этаких «новых русских». До малиновых пиджаков от Гальяно и полукилограммовых золотых цепей дело не дошло, но... процесс был запущен.

Мы с друзьями обзавелись иномарками, дорогими сотовыми телефонами и костюмами от итальянских дизайнеров с педерастическими фамилиями. Обедать ездили непременно в какой-нибудь дорогой ресторан, а ужинали в модных ночных клубах. Сказывалось наше предыдущее полунищенское состояние – мы старательно гребли под себя все, до чего могли дотянуться, с трудом удерживаясь порой на грани здравого смысла.

Гарик из нас троих первым решил обзавестись недвижимостью и купил недорогую двушку на окраине Москвы. Его можно было понять – он жил в большой семье. Но затем ему стукнуло в голову приобрести квартирку подороже и побольше, а братьев и родителей обеспечить отдельным жильем. И «зарабатываемые» нами финансы вполне позволяли ему осуществить подобное.

После столь крупных затрат Горыныча Суворов, живший с пожилой матерью и тетей, тоже не удержался и приобрел пару квартир. Тут сорвался и я. В моей старенькой квартирке уже не помещалась коллекция японского клинкового оружия, накопленного в московских антикварных и оружейных магазинах начала прошлого века. И я перебрался в прекрасные двухуровневые апартаменты в элитном комплексе «Алые паруса».

Вот как раз на новоселье и произошел тот разговор. Я показывал Гарику верхний уровень квартиры. Гости, в количестве двадцати двух человек, разбрелись по необъятным просторам. Мишка с какой-то девчонкой затерялся в районе спален. С непривычки заблудиться в этой квартире было легко – ведь общая площадь апартаментов составляла почти двести квадратных метров.

– Обрыдло все, Серега! – сказал Игорь, проваливаясь в мягкие объятия гигантского кресла, стоящего в эркере. – Рубим, рубим эту капусту, тошнит уже. Напиться, что ли, как в старые добрые времена, до полной отключки. Может, тогда тоска отпустит. Есть здесь спиртное?

– Сейчас посмотрю. – Я прошелся по периметру комнаты и в застекленном шкафчике обнаружил искомое. – Тебе чего?

– Водка там есть?

– Нет, – сказал я, внимательно осмотрев содержимое. – Тут сплошь благородные напитки. Виски, ром, коньяк?

– Тащи коньяк!

Я прихватил бутылку «Женесси», стаканчики, вазочку с орешками и утонул в соседнем кресле. Мы выпили грамм по пятьдесят, закусили.

– Блин, у тебя даже орехи с выпендрежем – кешью! – возмутился Горыныч, рассматривая содержимое вазочки. – Нет чтобы простого арахиса насыпать!

– Можно подумать, что это я кешью на закуску положил, – обиделся я. – Комплектованием баров профессионал занимается. Я к новоселью специально такого нанял!

– Тогда понятно, почему в баре водки нет... – грустно кивнул Горыныч. – Невместно нам, пинжакам... Налей еще!

Мы выпили еще. А потом Горыныч поразил меня тем, что достал из кармана кожаный чехольчик, а из него – трубку «Данхилл». Я чуть из кресла не выпал! Гарик вообще никогда не курил, а тут сразу трубку! Да еще и стоимостью в несколько тысяч баксов.

– А ты, Серега, не знал, что я курить начал? – удивился Гарик, видя мою реакцию.

– Нет, да и когда ты успел? – мы не виделись пару недель, пока я был занят хлопотами по обустройству жилья.

– Когда-когда... дурное дело – нехитрое! – усмехнулся Горыныч. – Я решил, что курить трубку – это круто. Накупил разных аксессуаров – всяких щеточек, скребочков и ершиков. Трубок штук пять завел. Табаков разных целый чемодан.

В комнату ввалился растрепанный Суворов и с порога радостно заорал:

– Серега! Ну ты и деятель! Ты в курсе, что у тебя в каждой комнате бар? Я в ванную на первом этаже забежал руки помыть... – При этих словах мы с Гариком синхронно хмыкнули – знаем мы, какие части тела моют после общения с противоположным полом. Но Миша, нисколько не смутившись, продолжил: – Помыл, решил полотенце поискать – а то на крючке уж больно маленькое. Открываю шкафчик – там бутылки стоят, стаканчики, подсветка, и даже музыка заиграла.

– Бар в сортире – это уже извращение! – с удовольствием сказал Горыныч, едва сдерживая смех.

– Да ладно, не наезжай на Серегу, – заступился за меня Суворов. – Он, наверное, при разговоре со своим дизайнером болтнул что-нибудь, и вот результат!

– Ну, ты, блин, даешь, Серега! Таким снобом заделался! – продолжил обличать Горыныч. – Что у тебя в холле за порнография висит?

– Это не порнография, а эксклюзивные эротические календари фирмы «Пирелли»! – возмутился я. – Их, между прочим, всего по пять тысяч штук печатают и адресно рассылают VIP-персонам! И лучшие фотографии мира снимают для него лучших моделей!

– Вот я и говорю – сноб и нувориш! – не унимался Гарик.

– А я, между прочим, спонсорством занимаюсь! – попытался оправдаться я.

– Знаю я твое спонсорство – успокаиваешь совесть подачками в детский дом! И сколько ты им денег даешь?

– Перестал я им деньги давать. Воруют! Везу в основном одежду, книги, сладости и игрушки для самых маленьких. А ты на какие добрые дела тратишься?

– Недавно оплатил операцию по разделению сиамских близнецов. В Канаду пришлось мальчиков везти. А потом купил этой семье трехкомнатную квартиру и машину.

– Пропьют! – убежденно сказал Мишка. – Когда на людей деньги с неба падают, они пускаются во все тяжкие. Вот посмотрите на нас – какой херней мы занимаемся!

– А что вы предлагаете? – окончательно разозлившись дурацким наездом, заорал я. – Какие у вас идеи, кроме универсальной: напиться-забыться?

– Надо сделать что-нибудь глобальное, – глубокомысленно изрек Гарик. – Не пользоваться историей как продажную девку, а попытаться внести изменения!

– А надо ли? – попытался я охладить пыл друга. – Ну вот грохнули мы Ленина? И что? Да ничего! В нашей реальности ничегошеньки не изменилось! Ведь доказали уже: любой наш поступок вносит определенные изменения в реальность, но если по возвращении изменения не видны, значит, это другая реальность, другой мир, а тот, с изменениями, стал параллельным. Следовательно, можно отправляться в любой век, в любой год, убивать хоть Чингисхана, хоть Гитлера, хоть Сталина, даже своих предков (прости меня, Господи!). И по возвращении убедиться в том, что в прошлом нашего мира ничего не произошло.

– Да, что там говорить, – посмурнел Гарик. – Если даже простое пересечение «окна» уже ответвляет новую реальность, а посмотреть, во что выльется наше вмешательство в историю, мы не можем!

– Да, жаль, – вздохнул разом утративший веселость Мишка. – Наливай!

Мы снова выпили. В это время на лестнице раздался шум и в комнату ввалилось несколько гостей. Празднование новоселья шло полным ходом. Наш разговор пришлось прервать.

Глава 6

После просмотра моих документальных фильмов Игорь понаделал три десятка «глазков» и решил отнять лавры у Сергея Бондарчука, сняв масштабное полотно об Отечественной войне 1812 года. Собрав оборудование, Гарик отправился под Бородино. Технология видеосъемок картин из прошлого была достаточно простой, но все же хитрее, чем у меня. Ведь я, как правило, снимал одним планом с одной или двух точек. Игорь же сначала обходил театр военных действий с ручной камерой, собирая данные о произошедшем и глядя на то, как разворачиваются события, подбирая места установки стационарных «глазков». С камерами, установленными на четырехметровые шесты, Гарик лазил по всему полю, добываясь лучшего ракурса. Такой длинной подставкой он стал пользоваться после того как во время очередного разведвключения в открытое «окно» влетел идущий в атаку на батарею Раевского французский эскадрон. Будь «окно» побольше, последствия были бы гораздо печальнее. А так Игорь отделался только разбитым объективом. Теперь же камеры располагались выше самого высокого кавалериста.

С этими съемками Горыныч возился довольно долго. Только на Бородинскую битву ушло полтора месяца. Такой увлеченности можно было только позавидовать. Мы с Мишкой периодически помогали ему. Я разыскивал в архивах необходимые сведения о местах боев и составе участников. Бэдмен занимался цифровым монтажом записей. Ну и, конечно, пришлось послужить Игорю в качестве грубой рабочей силы.

К слову сказать, те фрагменты, которые мне удалось посмотреть, не впечатляли. В художественном фильме все выглядит гораздо красочней. И дело здесь не только в выборе ракурса или экспозиции. В реальности все слишком грубо – мундиры на бойцах покрыты пылью и грязью, к тому же у солдат они не новы и потому выцвели и потерялись. При каждом залпе ружей и тем более пушек в небо поднимаются клубы очень густого дыма, который долго не рассеивается. От тысяч прошедших по ней ног и копыт земля превращается в месиво. Звуки, исторгаемые людьми и животными, сливаются в гул, в котором выделяется только бряцанье оружия. Ничего похожего на описанный поэтами звон клинков, а только немелодичный лязг. Мне казалось, что переплюнуть Бондарчука не удастся. Все-таки кино и реальная жизнь очень разные. Эта банальная фраза особенно подтверждается при съемке больших батальных сцен.

Но Горыныч превзошел самого себя. Его кинокартина поражала своим размахом и эпичностью. При просмотре меня мучила только одна мысль: куда делся дым? Этот вопрос я и задал Игорю после сеанса.

– Компьютерная обработка, мон шер! – довольно хмыкнул Игорь.

– Чудеса! Я помню момент атаки французов на флеши во время второго приступа. Там твоя камера установлена над бруствером. Артиллерия русских бьет в упор, и все застилают белые клубы, а когда они рассеиваются, в поле зрения одни трупы. А здесь прекрасно видно, как картечь косит наступающих. Такого кошмарного зрелища мне видеть не доводилось. Искусственно создать такой эффект не смогли бы даже в Голливуде. Я помню похожие сцены в фильме «Патриот» с Мелом Гибсоном. Помнишь, там во время сражения то голову оторвет, то ногу? Но твой фрагмент гораздо мощнее смотрится! У меня даже мурашки по коже бегают.

– А рейд казаков и легкой кавалерии по тылам французов? – вмешался в разговор Бэдмен. – Я таких озверелых морд никогда не видел. И это я, который в реальных боях побывал. Представь, что почувствуют зрители!

– Да, это тоже сильный момент. А контратака русских под командованием Багратиона и его ранение?

– Чисто зрелищно смотрится неплохо, а так, конечно, смотреть на наших ребят жалко, устали они нечеловечески – целый день тяжелый бой, и очередная контратака просто добивает их. Вы же видели – они еле бегут!

– Сколько сил у меня ушло, чтобы поймать момент ранения Багратиона, – сказал Игорь. – Вроде и место, и время известны, а ты попробуй найди определенного человека в этой мясорубке на площадке такого размера!

– Да, Игорек, ты просто гений кинематографа! За такой фильм «Оскар» тебе обеспечен!

– Осталось только найти способ представить мою картину широкой публике.

– И вот еще что, ребята! – сказал я. – После просмотра всего материала у меня сложилось четкое и однозначное мнение – русские должны были выиграть эту битву.

– А разве они ее проиграли? – спросил Мишка.

– По всем канонам ведения войны оставление поля боя противнику равнозначно поражению, – ответил я.

– Тогда с чего ты взял, что наши должны были победить?

– Вы обратили внимание, что на левом фланге русских войск, в лесу, стоял корпус под командованием генерала Тучкова. После того как вражеские войска полностью втянутся в сражение и будут измотаны, свежий корпус должен был нанести мощный удар во фланг. Примерно как Засадный полк на Куликовом поле. Вряд ли Кутузов стал бы выставлять свои войска на избиение, не имея замысла разгромить противника.

– Почему же этого не произошло?

– Тут настоящее предательство. Вспомните кадры из ставки Кутузова. Там какой-то штаб-офицер, говорящий с акцентом, самовольно отдает приказ корпусу Тучкова выйти на опушку леса. Там наших тут же засекли французы и открыли по ним огонь. Корпус понес большие потери, а главное – был засвечен. Так что в финальной фазе боя Тучков, получив приказ от командующего атаковать, сам повел остатки своих войск и погиб, не добившись результата.

– Вот оно что! – задумчиво протянул Бэдмен. – Действительно, припоминаю я этого офицера и его приказ. Узнать бы его фамилию.

– Зачем?

– Довести до сведения общественности, кто виноват, что наши проиграли Бородино и затем оставили Москву.

– Нам никто не поверит, да и к чему это? Восстановить историческую справедливость? А не лучше исправить эту ситуацию?

– Каким образом?

– А вот к тому «глазку», что установлен на Багратионовых флешах, добавить пулемет. Или два, – подкинул я идею.

– Ты бы еще предложил туда установку «Град» добавить! В ту Отечественную войну русские без всякого вмешательства неплохо справились. И со своей земли захватчиков выгнали, и Париж взяли, – не сдавался Мишка.

– Да, но потери могли бы быть гораздо меньше, – продолжал я. – А это положительно скажется на демографической ситуации в стране.

– Ерунду ты говоришь! – вмешался Горыныч. – В какой стране это будет?

– Как это в какой? – не въехал я. – В России конечно!!!

– В какой России? – продолжал Игорь. – В *какой-то*!!! То, что не в нашей, совершенно точно! Все наше вмешательство пойдет коту под хвост! Так что бросай, Серега, эти разговоры, не трави душу, а то репу начищу!

Как-то Игорек принимает все близко к сердцу. Надо бы мне заняться проблемой параллельных реальностей. Это только в евклидовой геометрии параллели не пересекаются.

С того самого дня я плотно засел в своем логове, одну из комнат которой превратил в лабораторию. Эксперимент за экспериментом. Каждый день. С утра до поздней ночи. Я забро-

сил все развлечения. Ни капли спиртного. Похудел на десять килограммов. Прошел месяц, и у меня забрезжила идея.

В принципе бросить якорь в какой-нибудь реальности не представляло особого труда. Теоретически достаточно оставить за «окном» пульт ДУ с таймером, так, как мы делали в первом эксперименте. Таймер настроить на включение в определенное время. Например: мы каким-либо образом препятствуем большевикам захватить власть в стране, затем настраиваем таймер на семьдесят лет, уходим и сворачиваем «окно», у нас проходит ноль секунд, у них отмеренное время. И вот, пожалуйста, «окно» открывается, и мы входим в измененную нами реальность, где Россия никогда не была Советской.

На практике возникает много «но». Начиная с варианта, что таймер с пультом ДУ найдут аборигены, как бы мы это устройство ни прятали. Вариант второй: машинка просто портится, и все наши планы летят к чертям. Можно придумать еще сотню вариантов, потому что при такой установке приборов слишком много зависит от случайностей. Хотя эту идею я не отбрасывал, ведь включать таймер можно на небольшой отрезок времени.

Также я экспериментальным путем выяснил, что после небольшой доработки «модулятора» можно сворачивать «окно» и с нашей стороны. Тогда время останавливалось уже в оставленной нами реальности. Еще одним результатом моих изысканий стало открытие невозможности проникновения в близкое прошлое. Сначала это удивило меня. Ведь ходили же мы в две тысячи восьмой, мы практически туда шоссе проложили. Но оказалось, что машинка не срабатывала, только если была близка вероятность столкнуться в прошлом с самим собой. Выглядело это так: завожу машинку на час назад – «окно» не открывается, только по рамке начинают бегать симпатичные синие молнии. Для проверки ставлю дату полугодичной давности – «окно» исправно открывается, показывая пустую лабораторию. Естественно, ведь полгода назад эта квартира еще пустовала в ожидании покупателя. Хорошо, устанавливаю сегодняшнее число, а время – три часа ночи. И опять «окно» послушно показывает темное помещение. Чтобы убедиться окончательно, выхожу из квартиры и полчаса гуляю по улице. Вернувшись, начинаю гонять машину в диапазоне этих тридцати минут. Итог: «окно» открывается только в то время, когда я находился на максимальном удалении от дома.

Кажется, что темпор-машина как-то наивно, по-детски, пытается предотвратить встречу с моим двойником. Это стало для меня настоящим откровением и заставило думать о мистическом происхождении машины времени. Через несколько дней это предположение получило еще одно подтверждение.

Уже давно я стал замечать некоторые странности, происходящие со мной при длительном пребывании в прошлом. К примеру, у меня совсем не росли ногти и волосы. Ну, рост волос на голове заметить трудно, но вот когда целую неделю не растет щетина на лице... Это уже о чем-то говорит. Большая прогулка в прошлое напрашивалась сама собой.

Я пригласил поучаствовать в экспедиции Мишку, а для чистоты эксперимента прихватил своего кота. Мы решили совместить полезное с приятным и просто отдохнуть на лоне нетронутой человеком природы дней двадцать. Времяпрепровождение в цивилизованных местах успело нам порядком надоесть. Для проведения нашего пикника была выбрана удобная площадка в позднем плейстоцене⁹. С собой мы прихватили кучу разного барахла, необходимого для комфортного проживания, а также запас продовольствия на полгода (на всякий случай) и два десятка разнокалиберных стволов. Для контроля нашего состояния был куплен переносной компактный диагностический комплекс, из тех, что используются спасателями МЧС. В качестве контрольной группы на базе остался Горыныч. При свернутом «окне» его ожидание не должно превысить и секунды. Соскучиться он точно не успеет.

⁹ 15—20 тысяч лет назад.

Скажу сразу: опыт удался. Процесс старения прекратился не только у нас с Мишкой, но и у моего кота. А принесенные из дома продукты не думали портиться в течение нескольких дней. Так, открытая банка свиной тушенки простояла свежей весь срок эксперимента. Живая и мертвая органика как бы консервировалась в чужом мире. Дальнейшие опыты установили, то же самое происходило и с неорганикой. Но как только пища оказывалась у нас в желудке, то совершенно стандартно переваривалась. Все происходящее не описывалось никакими физическими законами. Когда мы после возвращения доложили о результатах Горынычу, то он отреагировал на сообщение только одним словом: «Мистика!»

После этого опыта полностью изменилось наше отношение к прогулкам в прошлое. Если раньше мы старались проводить в других реальностях как можно меньше времени, ограничиваясь необходимым для выполнения операций, то теперь даже на отдых старались отправиться через рамку «окна» темпор-машины.

Не стовариваясь и не строя никаких конкретных планов, мы стали усиленно заниматься боевой подготовкой. На том милом холмике в плейстоцене, где проводился эксперимент, мы оборудовали постоянный лагерь. «Окно», ведущее туда, теперь вообще никогда не закрывалось, а только сворачивалось с той или другой стороны. Приятный мягкий климат, отсутствие поблизости крупных хищников и чистейшая вода, земля и воздух превратили наши тренировки в настоящий праздник. Учебная база состояла из трех двухместных палаток с надувными кроватями, большой палатки под кухню и столовую и палатки-склада, где разместилось оружие, снаряжение и продовольствие. Целыми днями мы пропадали на стрельбище, расходуя огромное количество патронов и гранат. Как ни странно, но лучшие результаты стал показывать я, служивший срочную в железнодорожных войсках. А вот «дикий гусь» Мишка и танкист Гарик хотя и стреляли достаточно метко, но приблизиться к моим достижениям не могли. Ведь я из простого «АКМ» с открытым прицелом попадал с двухсот метров в грудную мишень, а из «ПМ» навскидку с десяти метров – в спичечный коробок. Попасть из любого пистолета в подброшенную мелкую монету стало для меня обычным делом. На освоение стрельбы по-македонски у меня ушло две недели. Ребята удивлялись и завидовали, особенно Мишка, ведь он считался пулеметчиком-виртуозом. Я же относил свои успехи как раз к тому, что меня никто и никогда серьезно не учил, а моя меткость обусловлена тем, что в журналах для настоящих мужчин, типа «Солджерс оф форчун», называют «интуитивной стрельбой». Ведь я не задумывался, как целюсь, как нажимаю на спусковой крючок, задерживаю или не задерживаю дыхание. Для меня все было просто – увидел цель, вскинул оружие и выстрелил. Как выяснилось гораздо позже – с определением причины чудесной меткости я очень сильно ошибался.

По вечерам три раза в неделю с нами занимался инструктор рукопашного боя. Этот мужик, работающий в одном из военных училищ, брал за час пятьсот долларов, но он того стоил. По средам мы занимались парашютной подготовкой, а по пятницам учились управлять легкомоторными самолетами и вертолетами в авиаклубе. Два раза в неделю по утрам занятия конным спортом. Утром понедельника – фехтование. И это все, не считая ежедневных трехчасовых упражнений на тренажерах. В промежутках между всем этим мы еще и на курсы иностранных языков ходили. Английский, немецкий, французский. С полным погружением в языковую среду.

Мы и думать забыли про алкоголь и курение. Перестали посещать дорогие рестораны и клубы. За несколько месяцев из рыхловатых, начинающих полнеть ребят мы превратились в крепких и жилистых мужичков. Лица загорели и обветрились, животы подтянулись, на указательном пальце правой руки и на костяшках кулаков – мозоли, на правом плече постоянный синяк от приклада. Нестерпимо хотелось применить полученные умения на практике. Длинными светлыми вечерами на Круглом холме (так мы стали называть наш лагерь в плейстоцене), сидя вокруг костра и поедая шашлык из парной говяжьей вырезки, мы до самой темноты спорили о мировой истории, истории России и о вмешательстве в нее. Обсуждались самые неве-

роятные варианты. Убийство Ленина, Сталина, Гитлера, Маркса, Чингисхана, Батыея, террористов-народовольцев. Спасение князя Святослава, князя Василька, императора Александра Второго, генерала Корнилова, адмирала Колчака. Гуманитарная и военная помощь Мстиславу Удалому, Дмитрию Донскому, генералу Врангелю.

Но неожиданный итог нашим дискуссиям подвел Игорь. В тот раз мы засиделись до рассвета. Вокруг холма просыпалась распуганная нашей вчерашней стрельбой живность. У реки трубили мамонты. Последней обсуждаемой темой была вертолетная атака на тумены Батыея во время битвы в 1238 году на реке Сити.

– Вспомнил тут кое-что. Ассоциативно, – сказал Горыныч, глядя на полоску зари. – Недавно видел, как мой дядька в «Казаков» играет. На самом низком уровне сложности. Набирает огромные отряды – по 120–200 юнитов. Подходит к вражескому городу. И останавливается. Начни он штурм – все было бы кончено за пять минут. А он стоит, выжидает. Ну, противник, понятно, периодически накапливает силенки и атакует. Но его армии их отряды на один зубок. И вот стоит он, стоит, перемалывает живую силу противника. Я не выдержал и говорю ему: «Зачем ты по одному шелкаешь? Атакуй!» А дядька отвечает: «Ну вот люблю я бессмысленное насилие».

– И к чему ты это рассказал? – спросил я.

– А к тому, что все наши проекты – это тоже бессмысленное насилие, – ответил Игорь.

На этом разговор закончился, мы допили чай и разошлись по палаткам. А на следующий день, вернувшись в «Песочницу», Гарик собрал свое оборудование и уехал снимать фильм о Куликовской битве. А мы с Мишкой остались в Москве. Нас терзали смутные желания. Душа требовала немедленных действий.

Глава 7

Буквально на следующий день Мишка Суворов огорошил меня неожиданным предложением. Устроить такую «экспроприацию экспропрированного». Ни много ни мало Суворов замахнулся на сокровища Алмазного фонда. Не думайте, что он с автоматом на груди и базуккой на плече решил броситься на штурм хорошо охраняемого здания. Хотя этот вариант им тоже рассматривался. Покопавшись в Интернете, Мишка узнал, что во время Гражданской войны ценности, упакованные в простые ящики, лежали безо всякой охраны в подвале Большого Кремлевского дворца (не путать с Кремлевским Дворцом съездов). Мало того – про эти ящики все благополучно забыли. По слухам, ценности обнаружили совершенно случайно, во время простого обхода в 1924 году.

Таким случаем было грех не воспользоваться. И Бэдмен стал разрабатывать операцию. Самым простым было бы подогнать нашу «газельку» к заднему входу во дворец, открыть «окно» и спокойно перетаскать ящички в машину. Но в наше время въезд на территорию Кремля был, естественно, запрещен. Вторым вариантом было высадиться в городе, поближе к каким-нибудь воротам, ну, например, у Кутафьей башни. Время выбрать – октябрь 1917 года. Тогда, пользуясь беспорядками во время уличных боев и штурма Кремля революционными солдатами и рабочими, проникнуть в подвалы и вынести, что сможем. Но тут слишком велик риск нарваться на шальную пулю, да и добычи много не возьмешь.

И мы решили произвести вылазку в январе восемнадцатого года. Во-первых, в Москве установилась относительная тишина. Во-вторых, советское правительство еще не переехало из Петрограда, а стало быть, Кремль – не режимный объект. В-третьих, зима в тот год выдалась морозной, и, значит, мало кто из охраны станет бродить по территории по собственной инициативе. А расположение стационарных постов мы быстро вычислили во время нескольких экскурсий по Кремлю с «глазком» на плече. Внимательно просмотрев отснятые материалы, мы с Мишкой разработали детальнейший план.

Для его осуществления нам потребовалось два комплекта полувоенной формы, в которой тогда ходила половина мужского населения страны. Сначала мы хотели идти в солдатских шинелях и папахах. Но от этого обмундирования пришлось отказаться, ведь в длиннополой одежде неудобно бегать. Затем мы прорабатывали вариант «под рабочих» – пальто из низкосортного драпа до колен и заячья треухи. Но в такой одежде нам бы не хватило солидности, какой мандат ни показывай. Я в шутку предложил закосить под «революционных матросов», но эта публика вряд ли получила в сухопутной Москве широкое распространение. Наконец мы остановились на типе «красный командир» – потертые яловые сапоги, короткие полушубки, разномастные галифе и суконные фуражки с жестяной красной звездочкой, а чтобы не отмерзли уши – башлык. Из оружия открыто повесили офицерские самовзводные «наганы». А под полушубком я подвесил два «АПС», а Мишка «ПМ» и «АКСУ». Да еще и штык-ножи в голенищах сапог.

Следующим, после одежды, камнем преткновения стал транспорт. Сначала планировали въехать в Кремль на лошадях (на белых лошадях, – съязвил Мишка), но на одной лошади много не вывезешь. Не брать же с собой целый караван. Потом мы рассматривали вариант с телегой или санями. Но искомые объекты нужного вида могли обнаружиться только в краеведческом музее города Мухоморска. А современные поделки на автомобильных колесах и с рессорами от «ГАЗ-53» нас не устраивали по причине конспирации. К тому же транспорт должен был быть маневренным и скоростным на случай погони. Но мотоцикл опять-таки не обеспечивает нужной грузоподъемности. Так что решение воспользоваться автомобилем созрело достаточно быстро. А ведь автомобиль кроме скорости, маневренности и грузоподъемности обладал еще

одним большим плюсом – в случае непредвиденных боевых действий он может стать отличной защитой. Достаточно просто сделать машину бронированной.

Я сгоряча предложил воспользоваться бронированным «Геленвагеном» из коллекции Игоря. Но тут же сам сообразил, что в восемнадцатом году эта машина будет выглядеть странновато, несмотря на то, что по дорогам России в это время бегали автомобили всевозможных марок.

После долгих раздумий мы с Мишкой приняли концепцию: «транспорт для силовых акций». Автомобиль, своим внешним видом не вызывающий особого удивления в России в 1915–1950 годах. Но начинка должна была соответствовать самым современным для базового времени технологиям. Для его постройки была выбрана полуразорившаяся, но оснащенная наиболее современным оборудованием тюнинговая фирма. Инженеры и рабочие готовы были разорваться от усердия. И изделие, вышедшее из их рук, было просто удивительным.

Внешне автомобиль был почти точной копией «ЗИС-101», но при сохранении пропорций значительно вырос объем салона и увеличился моторный отсек. По сути, машина являлась скоростным вседорожным броневиком повышенной комфортности. Корпус машины выполнен из алюминиевого сплава и усилен изнутри титановыми пластинами. Шасси – полноприводное, двигатель – турбодизель, мощностью в триста «лошадей». Многокамерный протектированный топливный бак на сто двадцать литров. Кузов смонтирован на стальной раме, бампер – таранный, прикрытый для маскировки фальшбампером. Там же спрятана мощная лебедка. Стекла переменной прозрачности из двухсантиметрового многослойного поликарбоната. Компрессор для автоматического поддержания давления в шинах. Днище полностью закрыто сплошным гладким листом из углепластика, армированного титановым профилем. Не забыли и про отделку салона. Кожаную обивку стенок и кресел имитировал негорючий пластик. Сами сиденья только формой напоминали штатные, а по сути являлись шедеврами технической мысли – с вентиляцией и обогревом, с сервомоторами и дистанционным управлением. К тому же задние сиденья складывались, втрое увеличивая емкость багажника. В многочисленных тайниках можно было спрятать два десятка стволов и около тридцати килограммов боеприпасов. Ну и понятно, такие мелочи, как: гидроусилитель руля, кондиционер, бортовой компьютер, электростеклоподъемники, фронтальные и боковые подушки безопасности. Естественно, что все детали, не соответствующие уровню начала и середины двадцатого века, были надежно скрыты, а нештатные переключатели и кнопки в салоне замаскированы. От курсовых пулеметов и встроенных ракетных установок мы, после некоторого раздумья, отказались.

Впечатленный этим чудом техники, я предложил присвоить нашему транспортному средству личное имя. После небольшого совещания мы остановились на варианте «Росинант», именно потому, что наш автомобиль совершенно не напоминал клячу Дон Кихота. Однако в процессе общения «гордое» имя часто сокращалось до простого «Росси».

Следующим пунктом нашей подготовки стало изготовление документов. Мишка подключил к компьютеру электрическую печатную машинку. А чтобы воспроизвести эффект плохо пропечатанных и западающих букв, слегка подточил некоторые литеры. Факсимиле известных политических деятелей и печати советских госучреждений прекрасно воспроизводились лазерным принтером. А изготовить эти подписи и печати можно было в «Фотошопе». Теперь мы могли получить любые мандаты за подписью хоть Ленина, хоть Троцкого, хоть Господа Бога. Да еще и с приложением соответствующей печати. Бумагу для документов сначала хотели взять оберточную, но потом решили, что для приехавших из Петрограда товарищей это будет не солидно. Поэтому воспользовались самой дешевой писчей.

Стиль документов выдерживали по образцам, взятым из архивов. Первая бумага гласила, что товарищи Иванов и Суворов (мы специально оставили свои фамилии) направлены в Москву для поиска подходящих для размещения советского правительства помещений. Всем комитетам и госучреждениям оказывать всяческое содействие. Подпись предсовнаркома –

Ульянова-Ленина. Вторым мандат рассказывал о том, что товарищи Иванов и Суворов под видом поисков помещения выполняют секретное поручение Всероссийской коллегии по организации и формированию Рабочее-крестьянской Красной Армии. Подпись председателя Коллегии – Подвойского¹⁰, под ней надпись от руки – «оказывать любую помощь, Ульянов-Ленин». Но на всякий случай у каждого из нас был мандат, что тов. Иванов (Суворов) является сотрудником ВЧК, подпись – Дзержинского.

С таким мощным обеспечением можно было развернуться достаточно широко. План операции предусматривал привлечение для поисков и погрузки ящиков с ценностями солдат гарнизона. Для этого нужно было по приезде обратиться к коменданту. Но, несмотря на всестороннюю подготовку, мы с Мишкой испытывали сильный мандраж от того, что придется тесно контактировать с аборигенами. Ведь опыта подобного общения у нас не было. Местных жителей мы привыкли видеть издали. Походы в близкое прошлое не в счет. Там мы попадали в родственную нам по менталитету среду. А теперешняя экспедиция предстояла в самую настоящую terra incognita. Нам было очень трудно представить себе, как отреагируют на случайное слово люди, пережившие за короткий период мировую войну, буржуазную и социалистическую революции.

Ну что же, подготовка закончена. Одежда и обувь подогнаны и разношены. Оружие проверено и заряжено. Магазины и обоймы набиты патронами. Автомобиль прошел ТО и заправлен. Надо приступить к проведению операции.

Десантироваться решили в районе Тверских-Ямских улиц. Место тихое даже в наше время. По приезде на место обошли с «глазками» всю улицу. В восемнадцатом году было пустынно, мела поземка. Мы быстро смонтировали легкую разборную рамку «окна». Включили темпор-машину. Из «пустоты» перед капотом автомобиля полетели крупные белые хлопья. Снега за «окном» было по колено. Мы тихо порадовались своей предусмотрительности – ведь наша машина могла проехать и по полуметровому слою грязи, что ей снег. Я рванул «Росси» вперед, и мы пулей проскочили раму. Свернули «окно» и словно в «белом безмолвии» очутились. Стало как-то не по себе.

– А не тяпнуть бы нам по соточке, за успех нашего безнадежного предприятия? – превеличленно бодро сказал я.

По скорости, с которой Мишка поддержал мой порыв, я догадался, что и ему неуютно. Сидя в прогревающейся машине, мы выпили по полстакана простой русской водки, закусили бутербродами. Покурили. Волнение постепенно прошло, даже появился кураж.

– Ну, с Богом! – сказал Бэдмен.

Я включил вторую пониженную передачу и полный привод, наш броневичок, легко преодолев сугроб, въехал в санную колею и покатил по 2-й Тверской-Ямской улице в сторону Триумфальной площади. По Садово-Триумфальной выехали на узкую, совсем не похожую на современную Тверскую. Пару минут полюбовались на облупленную Триумфальную арку. Конечно, мы проходили весь маршрут с «глазком», но одно дело смотреть через видеоискатель камеры или на экране телевизора, и совсем по-другому это выглядит из окна медленно едущей машины. Удивительно было наблюдать двух-трехэтажные домишки с покосившимися балконами и пыльными окнами. Магазины с заколоченными витринами, следы от пуль на стенах. На проезжей части только две колеи. Снег на тротуарах едва утоптан. Прохожих не видно, и это в десять часов утра! За все то время, что мы ехали, нам навстречу попался только один извозчик, который вытаращился на наш экипаж, как уфолог на НЛЮ. Такое чувство, что мы находимся в уездном городе, через который прошла армия батьки Махно.

¹⁰ Подвойский Николай Ильич (1880–1948) – советский партийный и военный деятель. С ноября 1917-го по март 1918-го – Народный комиссар по военным и морским делам РСФСР. Сменен на этом посту Л. Троцким. Должность Председателя Всероссийской Коллегии по организации и формированию РККА занимал с 12 января 1918 года.

Первых пешеходов мы увидели только при въезде на Страстную площадь. И то это оказался патруль. Один из солдат поднял руку. Что-то подсказывало мне – нам приказывают остановиться только из любопытства. Я плавно затормозил и опустил стекло. Бэдмен осторожно сунул руку за отворот полушубка.

– Здравия желаю, господа хорошие! Документики попрошу, – простецки обратился к нам пожилой (на наш взгляд) солдат.

Он не делал никаких угрожающих жестов, его винтовка продолжала висеть на плече. Второй патрульный тоже не выказывал враждебности. Совсем молодой, безусый паренек восторженно разглядывал наш автомобиль. Увидев такое отношение, я немного расслабился, Мишка тоже облегченно вздохнул и вытащил из-за пазухи руку, которую держал на пистолете.

– Какие мы тебе господа, товарищ! – сказал я, протягивая патрульному первый мандат. – Господа все в Париже! – невольно вырвалось у меня.

Но солдат не заметил последней фразы. Его внимание было целиком поглощено чтением. Он медленно вел по строчке пальцем и шевелил губами. И тут я успокоился окончательно. Ну в самом деле, чего нам бояться за пятимиллиметровую титановую броню, да еще будучи вооруженными до зубов. Это аборигены должны нас бояться.

– Ого! Так вы из самого Петрограда! – минут через пять сказал патрульный, вытирая со лба обильный пот.

«От семи строчек умаялся, бедный!» – подумал я, а вслух добавил:

– Из него, родимого, из колыбели революции.

– А мандатик-то ваш неужто сам Ленин подписывал? – продолжал любопытствовать солдат.

«Что ты пишешь, Володенька?» – «Мандаты, Наденька, мандаты!» – «Сам ты, х... лысый!» – влез в голову старый анекдот. Я чуть не расхохотался. Мишка удивленно посмотрел на меня и сказал:

– Он самый, товарищ! При нас подписывал, мы его вот как тебя сейчас видели!

– Ну и какой он? Товарищ Ленин? – никак не успокаивался патрульный.

– Красивый! – брякнул Суворов, и мне пришлось закусить губу. Еще немного, и я взорвусь от смеха.

– Прости, дорогой товарищ, нам ехать пора! – с трудом выдавил я, забирая свой документ.

– Товарищи, товарищи! А как называется ваш антомобиль? – влез в разговор молоденький напарник.

– «Вождь угнетенного пролетариата Италии товарищ Спартак», – ответил Мишка. – Из самого Питера едем, через заносы и метели. Спасибо доблестным рабочим Путиловского завода, которые и сделали этот замечательный самобеглый экипаж. – Бэдмена понесло. Еще немного, и до патрульных дойдет, что над ними издеваются. Надо сваливать.

– Мы в Кремль правильно едем? – спросил я старшего патруля.

– Правильно, правильно, отсюда до Кремля верста с гаком.

– Ну, счастливо, товарищи! – Я рванул машину с места, окатив солдат снегом из-под колес.

Всю оставшуюся до цели дорогу мы ржали как сумасшедшие. Уже не глядя по сторонам, мы проехали Тверскую до конца, проскочили Манежную, взлетели по Никольскому спуску и очутились на Красной площади. Здесь я заметил открытые ворота в Никольской башне и притормозил. Пока часовой рассматривал наш мандат, мы с Мишкой вышли из машины и, закутив, стали осматриваться. Пейзаж абсолютно сюрреалистический. Совершенно пустую площадь пересекали несколько тропинок. И не скажешь, что в другие времена жизнь здесь бьет ключом. Наконец «вратарь» разобрался с нашим документом, созвонился с командованием и приглашающе махнул рукой. Я попытался выяснить, как нам найти коменданта, но через минуту появился начальник караула, залез на подножку машины и стал показывать дорогу.

В кабинете коменданта Кремля, скупо обставленном поцарапанной канцелярской мебелью, сидело двое. За стоящим в центре письменным столом разместился представительный седовласый мужчина, породистое лицо которого выдавало в нем бывшего офицера. Вот только держался он как-то скованно. Зато второй человек, развалившийся на стуле у стены, чувствовал себя вольготно. Этот типчик с узкой лисьей мордочкой и бегающими сальными глазками сразу мне не понравился. И разговор начал именно он, визгливым голосом заорав, как только мы переступили порог:

– Почему нас никто не предупредил о вашем приезде? Каким местом вы там в Питере думаете?

– Заткнись, урод! – завелся Мишка, не переносящий, когда на него кричали. – Пославший нас сюда товарищ Ленин обычно думает головой, а не жопой, как ты!

«Лисенок», не ожидавший такого напора, удивленно замолчал. Я решил взять инициативу на себя, пока не дошло до рукопашной.

– Начнем с самого начала! Во-первых, здравствуйте! Я Иванов, а это товарищ Суворов, мы сотрудники центрального аппарата ВЧК. В Москву приехали по личному заданию товарищей Ленина и Подвойского. Вот секретное предписание, – сказал я, доставая из внутреннего кармана второй мандат. – Кто из вас комендант?

– Я комендант, – откликнулся седой, – штабс-капи... тьфу, командир Чернов. А это товарищ...

– Председатель солдатского комитета Яков Зоникман, – отчеканил «лисенок», злобно сверкнув глазками. При этих словах на лице коменданта мелькнула гримаса брезгливости. Быстро просмотрев документ, Чернов хмыкнул и передал бумагу Зоникману. Тот только что на зуб этот листок не попробовал: и перечитал раза четыре, и минуты три изучал подписи и печати. Наконец откинулся на стуле и разочарованно вздохнул – придраться было не к чему.

– Что вы хотите от нас? – спросил комендант.

– Нужны помощники – три-четыре толковых человека. Работа предстоит большая, – ответил Мишка, – нам необходимо обследовать Большой дворец. По имеющимся данным, где-то там спрятаны архивы царского министерства иностранных дел. Они необходимы нашим товарищам, ведущим сейчас очень сложные переговоры с немцами в Брест-Литовске.

– Когда приступите? Ведь вам надо отдохнуть с дороги, – сказал комендант, – добрались-то удачно?

– Нормально добрались, а отдыхать нам некогда! Пока мы здесь будем прохладиться, на западе может произойти катастрофа.

– Как говоришь-то гладко! Никак из бывших? – мерзко ухмыляясь, влез в разговор Зоникман.

– Что?! – одновременно взревели мы с Бэдменом. – Да я член РКП с пятнадцатого года, потомственный рабочий, – продолжил я, – и не тебе, гаденыш, гавкать на нас! Мы сюда не в бирюльки играть приехали! Будешь препятствовать нашему делу – мы тебя по закону революции, без суда и следствия!!! – Я демонстративно положил руку на кобуру «нагана».

– А полномочии у нас самые широкие, – небрежно пояснил Чернову Мишка, – ну, так даете людей?

– Конечно, конечно! – радостно сказал комендант, чувствовалось, что унижение Зоникмана доставляет ему необыкновенное счастье. – Пойдемте со мной, я сам отберу вам бойцов.

Во дворе комендант приказал построить дежурный взвод. Пока он выкликал фамилии солдат, мы с Мишкой удивленно разглядывали полузасыпанные воронки от снарядов крупного калибра. Мы, конечно, знали, что в Москве велись бои во время октябрьского переворота, но у нас как-то не укладывалось в голове, что можно стрелять из пушек по Кремлю. Наконец кандидаты в помощники были отобраны, а остальные солдаты отправлены назад в казарму. Чернов объяснил отобраным бойцам, что они поступают в наше распоряжение. Мишка коротко

рассказал, чем нам придется заняться. Во время его монолога я внимательно рассматривал лица собравшихся и остался удовлетворен результатами наблюдений. Интеллектом ребята не блистали, но и дебильных рож среди них не было.

После инструктажа Чернов, попросившись с нами, отправился к себе, а Зоникман продолжал ошиваться поблизости, и когда мы направились к Большому дворцу, небрежно пристроился рядом.

– А ты куда намылился? – спросил его Мишка.

– Я пойду с вами, – ответил Зоникман.

– На хрена ты нам сдался?! Вали отсюда! – Я грубо схватил председателя солдатского комитета за воротник и коленом в задницу придал ему ускорение в обратном направлении. Вот тут и произошла самая большая наша ошибка – такого подлого человечка, как Зоникман, надо было держать рядом на коротком поводке. Пока мы лазили по подвалам, он развил бурную деятельность, пытаясь по своим каналам проверить нашу легенду. Послав несколько запросов по телеграфу в Петроград и получив через несколько часов ответы, Зоникман сумел сделать соответствующие выводы. И хотя существовала высокая вероятность того, что мы были посланы с самого верха и низовые исполнители просто не знали о нашей миссии, мстительная натура толкнула Зоникмана на авантюру с нашим арестом. Он срочно собрал активистов солдатского комитета и объявил им, что в Кремль с подрывным заданием проникли агенты контрреволюции. А также, решив убить сразу двух зайцев, добавил, что бывший штабс-капитан Чернов является соучастником. Комендант был схвачен немедленно, а возле нашей машины устроена засада.

Ничего не подозревая о происходящих наверху событиях, мы со своими помощниками спокойно занимались поисками, которые осложнялись наличием в подвалах огромного количества пустых и набитых разным барахлом сундуков, а также поломанной мебели и утвари. Поэтому искомое мы обнаружили только часа через три. Находка представляла собой три десятка зеленых деревянных ящиков, размером примерно 60 на 30 сантиметров, обитых медными полосами. По счастливой случайности первым на этот штабель наткнулся я, а не солдаты. Мне сразу бросилось в глаза более-менее современное исполнение этих «контейнеров» и отсутствие на них многолетней пыли. Вскрываю штык-ножом первый попавшийся ящик. В плотно набитой соломе лежат какие-то предметы, завернутые в мягкую ткань. Осторожно разматываю самый большой сверток и застываю в изумлении – у меня в руках корона Российской империи. В остальных свертках оказались держава и скипетр.

Слегка оправившись от первого впечатления, я по рации обрадовал Мишку и, захлопнув крышку, стал звать солдат. Выстроившись цепочкой, мы стали подавать ящики к лестнице, ведущей наверх. Я молился только об одном – чтобы какой-нибудь олух не уронил и не раскокал упаковку. Но все шло нормально – бойцы оказались рукастыми, и что особенно приятно – не задавали вопросов. Сказано, что грузим архив, – значит, грузим архив. А то, что сундучки довольно легкие для бумаг, – так пускай начальство думает.

Вскоре весь штабель перекочевал к выходу, и я вышел на улицу, чтобы подогнать машину, а Мишка остался охранять нашу драгоценную находку. После сырой духоты подвала на поверхности прихватывал морозец, и я замешкался в дверях, застегивая полушубок. Это меня и спасло. У кого-то из сидящих в засаде не выдержали нервы, и он выстрелил. Пуля угодила мне точно в левую сторону груди и выбила из дверного проема в тамбур. «Меткий, черт, – подумал я, кубарем скатываясь вниз по ступенькам. – И хорошо, что не из винтовки!»

Похвалив себя за предусмотрительно надетый бронежилет, вызываю по рации Бэдмена и сообщаю ему о засаде. Мишка, приказав помощникам оставаться на месте и ничего не трогать руками, поднялся ко мне. Оглядев мою лежавшую на полу фигуру и увидев на полушубке рваную дыру, Суворов как-то неуловимо переменился в лице и, ничего не спрашивая, скользнул к

двери. Сняв с головы фуражку, он осторожно выглянул и тут же отпрянул. Снаружи грохнуло несколько выстрелов, от дверного косяка полетели щепки.

– Их там человек десять, надо прорываться к машине! – оглянувшись на меня, сказал Мишка. – Ты как? Бежать можешь?

– Надо проверить. – Я заворочался, вставая. – Похоже, ребра целы, но синяк будет конкретный. Нормально, воевать могу.

– Отлично, а то до машины метров семьдесят. Еще не хватало тебя, борова, тащить на себе, – сказал Бэдмен, вынимая из-под полы полушубка «Ксюху» и откидывая приклад. – Ну, мы им сейчас устроим цыганочку с выходом.

– Ты там поаккуратней, это же все-таки наши люди!

– Эти «наши» несколько месяцев назад после штурма Кремля пленных мальчишек-юнкеров штыками кололи! А ты их пожалеть решил! Исусик!!! – Суворов, отвлекая внимание, выбросил в дверь фуражку. Грянул одинокий выстрел. Мишка тут же высунулся и дал две коротких прицельных очереди – снаружи раздался вскрик, грохнул нестройный залп. – Гранаты давай!

Я сунул Бэдмену четыре «эргэдэшки» и достал свои пистолеты. Два «стечкина», по восемнадцать патронов в каждом. Ладно, работаем цыганочку с выходом. Сейчас выскочим, как Буч Кесседи и Сайлес Смит на боливийскую армию¹¹. Мишка вслепую выбросил первую гранату. Едва осколки упали на землю, Суворов спокойно вышел на крыльцо и не спеша прицельно швырнул остальные «РГД», тут же снова укryвшись за косяком. Когда утихло эхо тройного взрыва, мы выскочили во двор с оружием на изготовку, но воевать было не с кем. Бэдмен положил гранаты удивительно точно.

– Счастливый путь в загробную обитель! – злобно ощерясь, сказал Мишка.

Такого выражения лица я у своего друга еще не видел. Только теперь я понял, за что он заработал свой позывной.

– Ну да, под солнцем остается победитель! – осторожно кивнул я.

– Смотри-ка, наш знакомец Зоникман. Так и знал, что без него не обошлось! – сказал Мишка, тыкая сапогом в бок окровавленное тело.

На шум стали сбегаться солдаты гарнизона, выбрались из подвала наши помощники. На наше счастье, председатель никого, кроме погибших активистов, не посвятил в свои планы, и теперь бойцы толклись, недоуменно спрашивая друг у друга, что случилось. Один из умирающих прошептал, что в Кремль проникли враги и что Чернов их пособник. Заподозрив неладное, я, шепнув Мишке, чтобы не расслаблялся, бросился искать коменданта. Он оказался заперт в собственном кабинете, под охраной последнего оставшегося в живых активиста. Винтовка полетела в одну сторону, солдатик в другую, и я ворвался в помещение.

– Вижу, что вы победили! – вместо приветствия сказал Чернов. – Что дальше?

– А дальше вы должны выйти к своим людям и сказать, что Зоникман пытался поднять мятеж против советской власти, а присланные из Петрограда товарищи доблестно его подавили.

– Хорошая идея! – Комендант поднялся из-за стола и пошел к выходу, но в дверях оглянулся и, посмотрев на меня, многозначительно произнес, нарочито утрируя произношение: – Товарисч!

«Догадался, что мы засланные казачки!» – понял я. Но вряд ли поделится с кем-нибудь своими догадками. Офицерская честь не позволит. Выйдя во двор, Чернов быстро навел порядок. Удивительно, но о гибели в полном составе солдатского комитета никто не жалел. Видимо, Зоникман со своими соратниками задолбал всех.

¹¹ Легендарные бандиты Дикого Запада. После облавы, устроенной на родине, скрылись в Боливию, где продолжили заниматься прежним бизнесом. Но во время одного из ограблений банков мимо проходил армейский батальон...

Мишка стоял возле «Росинанта» и задумчиво разглядывал легкие царапины на краске – кто-то пытался открыть дверь штыком.

– Поздравляю, товарищ старший сержант! – сказал я. – Окропили снежок красненьким! Ну, почему нельзя было тихо-мирно?

– Толстовец хренов! Пока ты коменданта освобождал, я тут поспрашивал одного из задохликов с пристрастием. Оказалось, что наш плюгавый дружок, пока мы по подвалам лазили, с Питером связался, и ему там сказали, что никого в Москву не посылали. Вот он и решил нас повязать.

– Эту гниду надо было сразу кончать!!! Еще при первом разговоре!

– Вот теперь я слышу слова настоящего пацифиста! Иди спроси у Чернова насчет транспорта – тридцать ящиков в машину не войдут!

– А ты решил все захватить! Ну, ты жаден!!!

– Не хватало еще этим гегемонам долбаным оставлять. – Мишка плюнул в сторону трупов и полез в машину. А я пошел к коменданту. Через два часа колонна из одного автомобиля и трех подвод выехала из ворот Никольской башни и двинулась в направлении Тверской заставы. Начинало темнеть.

Глава 8

Этот успех настолько окрылил нас, что, даже не успев распаковать все ценности, мы с Мишкой сели планировать новую акцию. На этот раз объектом нашего внимания стала Янтарная комната. Практически сразу возникла идея отбить раритет у немцев при перевозке из Царского Села в Кенигсберг. Моментом вторжения был выбран отрезок пути от дворца до аэродрома. У этого решения было несколько плюсов: во-первых, мы действовали на своей территории, во-вторых, все экспонаты надежно упакованы и с немецкой пунктуальностью пронумерованы (так что потом не возникнет проблем со сборкой), в-третьих, нам было просто приятно показать фашистским гадам кукиш.

Разведка – залог успеха. Пришлось выехать в Питер для подробной рекогносцировки. По косточкам был разобран весь маршрут транспортировки. «Комната» перевозилась пятью грузовиками. По первоначальному плану мы должны были изобразить немецкий патруль. Но количество охраны заставило усомниться в нашей способности быстро и бесшумно провести захват. Колонну сопровождали три мотоцикла с пулеметами на колясках. Да в каждом грузовике сидело по автоматчику. Конечно, можно вырубить всех управляемыми фугасами, но при этом велика вероятность повредить груз. Для решения этой проблемы пришлось как следует напрячь мозги. В результате мы пришли к выводу, что вдвоем нам не справиться – надо звать Гарика.

В ответ на предложение Гарик покрыл нас по телефону трехэтажным матом, мол, за каким х... отрываем его от съемок. Но, узнав о предыдущей удачной экспедиции, загорелся и, сказав, что таких дураков, как мы, оставлять без присмотра нельзя, немедленно выехал. При виде нашего броневика удивлению Игоря не было предела, а при виде сокровищ Алмазного фонда он вообще впал в прострацию. Только через час с большим трудом нам с Мишкой удалось оторвать Гарика от созерцания трофеев и привлечь к обсуждению плана. Быстренько просмотрев собранные разведданные, Игорек почти сразу выдал идею.

– Ребята! Брать надо не грузовики, а самолет! Втихаря проникаем на аэродром, бесшумно снимаем ближнюю охрану. Кто-нибудь поднимает самолет, а остальные прикрывают взлет и отрываються! – сказал Гарик.

– А кто поведет самолет? – засомневался я. – Мы же в аэрошколе только на «Цеснах» летали? И ладно бы поднять... А посадить?

– Что там за самолет? – решил уточнить Горыныч и включил воспроизведение записи одного из «глазков». – Ого! Вот это экзотика – «Фокке-Вульф-200»! Я думал, будет обычный «Юнкерс»-пятьдесят второй...

– Да там же ящиков почти на целый вагон! – пояснил я. – В обычный транспортник все не влезут!

– Так то, что это именно «Кондор», – даже лучше! Мне проще будет!

– То есть? Ты хочешь сказать, что сможешь пилотировать этот аппарат? – моему удивлению не было предела.

– Ты понимаешь, недавно игрушку одну себе на комп поставил, «Битва за Атлантику» называется, так это как раз авиасимулятор «ФВ-200» оказался. Имитация кабины – дотошнейшая. Я теперь расположение всех приборов, рукояток и рычагов знаю! Почти 30 часов «налетал»! – улыбнулся Горыныч.

– Ты воображаешь, что говоришь? – офигел Мишка. – По компьютерной игре самолетом управлять научился и в бой? Это же билет в один конец на небеса! Камикадзе хренов!

– Мужики! Не горячитесь! – примирительно сказал Горыныч. – Принцип пилотирования мы знаем. Уже давно без инструктора летаем. Налет у каждого – больше 100 часов. Так в чем

разница? В управлении? Как раз управление «ФВ-200» я изучил. Ничего особо сложного там нет. Вот «Боингом» управлять я бы не рискнул, а «Кондором»...

– Ладно, поднять ты его поднимешь, но ведь посадка гораздо сложнее! – продолжал упорствовать Мишка. – В общем, ты как хочешь, но мне друзей терять неохота! Пока не научишься управлять этим «Кондором» в реале – мы тебя на дело не берем!

Горыныч сник, прекрасно зная, что Мишка прав. Но через полминуты снова поднял голову:

– Парни! Есть идея! Насколько мне известно – в США полно частных аэроклубов. И в некоторых из них есть образцы антикварной техники! Причем образцы в исправном состоянии, летающие! Так, может, мне туда податься? Ну-ка, Мишаня, глянь в инете – есть ли в Америке хоть один «Кондор»!

Мишка присел к компьютеру и защелкал клавишами. Мы с Гариком сгрудились вокруг него, напряженно следя за поисками. Наконец, через десять минут мы удовлетворенно откинулись от монитора – нужный самолет нашелся. Причем в нормальном, рабочем состоянии. Где-то на Среднем Западе США.

– У тебя американская виза не просрочена? – деловито спросил я Горыныча.

– Вроде бы нет! – машинально ответил Гарик, что-то напряженно обдумывая. – Слушайте, а ведь один хрен у меня ничего не выйдет!

– Что так? – оторопели мы с Мишкой. – Сам ведь только что предложил такой вариант!

– Да то, что авиасимулятор – авиасимулятором, а без бортмеханика управлять этой машиной – никак! Там достаточно сложная регулировка двигателей...

– И что?

– А то, что придется брать самолет вместе с экипажем! И, в стиле угонщиков второй половины XX века, помахивая у виска пистолетом...

– Хорошая идея! – немедленно отреагировал Мишка. – А не будут слушаться – грохнешь самого ббрзого!

– Вот и ладушки! – улыбнулся Гарик.

Мы все вздохнули с облегчением – выход из положения был найден. Но Мишка немедленно сломал весь кайф:

– А где сажать? Это же не «Цесна», а тяжелая четырехмоторная машина!

– Для этого прекрасно подойдет лед озера! – подкинул я мыслишку. – Зима в тот год, по отзывам современников, была лютой! Наверняка ведь толщина льда была сантиметров сорок-пятьдесят!

– А если там снежные наносы? – Мишка словно решил подработать «адвокатом дьявола». – Гробанешься только так!

– Ну, проверим все предварительно, – усмехнулся я. – Если надо – расчистим!

– Угу, бульдозер с собой возьмем, – хмыкнул Мишка, по привычке продолжая выдумывать трудности. Но было видно, что он уже готов согласиться.

– Ну что? Принимаем план в первом чтении? – обрадовался Гарик.

– Ладно, я согласен! – кивнул Суворов.

– Тогда так! Высадку произведем вот здесь. – Я показал на карте место. – Проверим толщину льда и снежного покрова. Если будет недостаточно – отменим операцию на фиг – здоровье дороже! Сразу установим радиомаяк, нарисуем посадочный знак. Потом на «Росси» добираться до аэродрома, проводим захват. Тебе, Горыныч, сокол ты наш комнатный, – штурвал в руки. А мы с Мишелем прикрываем твой отлет. Встречаемся на озере.

– Да тут же лету пятнадцать километров, на пять минут. А вам по земле добираться не меньше часа, – прикинул в уме расстояние Игорь.

– Ничего, подождешь, а чтобы не скучал – будем поддерживать постоянную радиосвязь.

Общий план можно было считать утвержденным. Осталось проработать детали. А также обзавестись необходимой одеждой, документами и соответствующей легендой.

В кратчайшие сроки нам пошили на заказ по комплекту черной «эсэсовской» униформы. Гарику с Мишкой достались петлички штурмбаннфюреров, а мне, исполняющему обязанности водителя, – петлицы шарфюрера. Конечно, сначала хотели взять шмотки напрокат, на какой-нибудь киностудии, но в одежде с чужого плеча мы бы выглядели ряжеными. Расположение всех знаков и регалий на мундире нам подсказал специальный консультант. Очень не хотелось завалиться на какой-нибудь мелочи. Если в кино такие промахи сходили с рук, то мы поплатимся жизнью.

С документами пришлось повозиться гораздо дольше, чем в предыдущей экспедиции. Ведь то, что прокатило в восемнадцатом году, не прокатило бы в развитом бюрократическом государстве. Опять пришлось обращаться к консультанту, который честно отработал свой гонорар. Дошло до покупки наборов специальных шрифтов для печатной машинки. Но в конце концов «на выходе» получились отличные документы (лучше настоящих, – сказал Горыныч), осталось только оправить именные удостоверения в обложку установленного образца.

Подбор оружия не занял много времени. На себя навесили уже проверенные «стечкины», а в тайники «Росинанта» загрузили пару «калашей» и один «ПК». В довесок Мишка все-таки прихватил десяток «Шмелей». «Может пригодиться», – загадочно усмехнувшись, сказал наш браваый пулеметчик.

С языком особых проблем не было. Курсы с полным погружением в языковую среду дали себя знать – мы теперь вполне сносно говорили на трех языках. Вообще, если все пойдет нормально, то говорить нам придется только при въезде на территорию аэродрома. А для общения с солдатами охраны должно хватить нескольких фраз. Произношение необходимого разговорного минимума мы отработали с репетитором. Он даже поставил нам берлинский выговор.

Наконец приготовления закончены, и поход начался. Прекрасным летним утром мы на «Росинанте» и «Газели» тронулись в Ленинградскую область. (Вот хохма – город снова стал Санкт-Петербургом, а область осталась Ленинградской.) До предполагаемой точки высадки добрались на второй день, к вечеру. Решив слегка передохнуть после довольно тяжелой поездки (перед не менее тяжелой), поставили палатку. Увлечшись разговором у костра, засиделись допоздна, но проснулись на рассвете. Надели мундиры, проверили оружие, включили рации, миниатюрные динамики закрепили на околышах фуражек, а микрофоны – на воротниках. Чтобы прогнать мандраж, выпили коньячку.

– Я слышал, что пилоты-камикадзе перед вылетом тоже принимали по чашечке саке, – не преминул вернуть Гарик.

– Тьфу на тебя, зараза, не каркай! – сказал мрачно-сосредоточенный Мишка.

– Ладно, Штирлицы, тронулись! – скомандовал я.

Открыли «окно» в торце фургона. В прошлом стоял сильный мороз, градусов под тридцать, но погода была солнечная. Ну, еще бы, в нелетную погоду немцы не стали бы проводить транспортировку. Трава вокруг рамки «окна» начала покрываться инеем. Я первым выпрыгнул наружу и чуть не утонул в сугробе – снега было по грудь. Ребята выскочили следом. Некоторое время мы сосредоточенно барахтались, пытаясь продвинуться вперед.

– Да, мужики, жалко, мы с собой бульдозер не взяли, – посетовал Гарик.

– Ага, и пару валенок в придачу! – поддержал его Мишка. – Колотун, однако, а мы в тонких хромовых сапогах.

– Лезем назад, я, как обычно, оказался самым умным, – ответил я. В фургоне у меня были припасены и валенки, и снегоступы. – А ведь хрен мы здесь на машине бы проехали, даже на нашей сверхпроходимой.

К счастью, высокие сугробы оказались только у берега. А дальше озеро сверкало почти не припорошенным льдом. Мы наметили направление полосы и пробили по всей ее длине несколько лунок. Толщина льда варьировалась от 40 до 60 сантиметров.

На установку радиомаяка и разметку посадочного знака мы потратили два часа и успели изрядно замерзнуть. Может быть, наши шикарные шинели и грели где-нибудь в Берлине, но для той же цели в России они явно не годились. Сам знак в виде буквы «Т» мы, вспомнив аналогичный случай в старом советском фильме¹², нанесли на лед из баллончиков с черной краской.

– Какие же мы балбесы! – с чувством сказал Игорь, когда, закончив все приготовления к посадке, мы ввалились в базовую реальность и стряхивали снег, стоя по колено в зеленой траве. – Зачем мы эту форму сейчас напялили, ну кому тут на нас смотреть, белкам, что ли? Надо было нормальные зимние комбезы взять и пару снегоходов. А ведь теперь нам еще к аэродрому ехать через посты ГАИ. Хороши мы будем, если нас тормознут!

– Да, накладочка вышла! – представив себе лицо остановившего нас инспектора, мы расхохотались. Пришлось разоблачаться до пояса. Путь до аэродрома, который и в наше время был военным, не занял много времени. Где-то в километре от цели мы развернули «окно» и перегнали в прошлое «Росси». Дорога была вполне прилично укатана, и наш броневичок за пару минут домчал до КПП.

– Парни, делайте морды лопатой, – давал я последние советы, – а ты, Гарик, когда будешь с часовым разговаривать, не забывай цедить слова, как будто перед тобой быдло.

– Schweigen! Nach links! Nach rechts! Im Laufschrift! Wie sprichst du mit Oberkommandierenden?¹³ – гаркнул Игорь.

– Отлично! – похвалил я. – Так и держись, не выходи из образа, Faschistische Schwein!¹⁴

– Но-но! Попрошу без оскорблений! Gib, verwalte das Auto, Fahrer!¹⁵

– А мы, собственно, уже приехали!

Машина почти уткнулась бампером в ворота. Охранники, издали увидевшие приезжих, успели выйти из будки и теперь держали нас под прицелом. Знали бы эти придурки, что броню нашего экипажа можно пробить только из пушки. Гарик опустил стекло со своей стороны. Старший по караулу, в звании обер-фельдфебеля, подошел, заглянул в салон и вежливо произнес:

– Legen Sie vor die Dokumente, bitte!¹⁶

Гарик, не поздоровавшись, не кивнув, молча сунул документы караульному. Фельдфебель стал их внимательно рассматривать. Но подкопаться там было не к чему. Тогда старший внимательно осмотрел машину, глянул на номера (они были берлинские), приказал открыть ворота и, передавая назад документы, удивленно спросил Игоря:

– Entschuldigen Sie, Herr Sturmbanaf..uhrer. Kommen Sie unmittelbar aus Berlin hierher?¹⁷

– Mit welchem Ziel intressierst du dich, Soldat?¹⁸ – прищутив глаза, вкрадчиво поинтересовался Горыныч. Фельдфебель стусевался и, махнув рукой в сторону ворот, пробормотал:

– Sie k..onnen vorbei fahren!¹⁹

Гарик повернулся ко мне и заорал:

¹² Фильм «Корабль пришельцев». Посадочный знак там наносился печной сажей.

¹³ Молчать! Направо! Направо! Бегом! Как говоришь со старшим по званию? (нем.)

¹⁴ Фашистская свинья (нем.).

¹⁵ Давай рули, водила! (нем.)

¹⁶ Предъявите, пожалуйста, документы!

¹⁷ Извините, господин штурмбаннфюрер, вы сюда непосредственно из Берлина прибыли? (нем.)

¹⁸ С какой целью интересуешься, солдат? (нем.)

¹⁹ Проезжайте! (нем.)

– Warum stehst du? Fahr los!!²⁰

Так беспрепятственно мы миновали КПП. Я мельком глянул на солдат. По сути, они уже покойники, ведь обратно мы будем прорываться с боем именно сквозь них. Мелькнуло румяное, курносое, совсем не арийское лицо. А ведь через десять минут именно моя пуля может войти этому парнишке в лоб. «Брось», – мысленно сказал я себе, – его никто не звал на эту землю».

Провозившись с подготовкой места посадки, мы выбились из графика, и нужный нам самолет уже прогрел двигатели. Возле него толпилось человек десять охранников. Мы напрямиком отправились к ним.

– Von allem zu stehen! In eine Reihe gebaut zu werden!²¹ – командовал Игорь, вальяжно выходя из машины. Солдаты бросили свои дела и привычно вытянулись в струнку. Мы с Мишкой тоже покинули салон и разошлись в стороны, чтобы не перекрывать друг другу директрису стрельбы. Нервы у нас были на пределе, и секунд тридцать мы просто молча простояли. Никто не решался первым открыть огонь по живым людям, которые пока не сделали нам ничего плохого. На лицах солдат начало проступать недоумение. Поняв, что сейчас весь план может рухнуть из-за нашей нерешительности, Бэдмен выхватил «Ксюху» и дал длинную очередь. Половина солдат рухнула на снег, а остальные схватились за оружие. Горыныч по плану должен был захватить самолет, поэтому, обнажив ствол, наш друг рванулся к люку. Я извлек пистолеты и с двух рук завалил уцелевших охранников. Мишка, сменив магазин, стал стрелять по механикам, снимавшим колесные упоры. Через несколько секунд все было кончено. За шумом работающих двигателей нашу пальбу еще не слышали. Это давало нам лишнее время.

– Летчиков взял! – прошелестел в наушнике голос Гарика. – Один из них рыпаться начал, так я его...

– Молодец! – похвалил я друга. – Надеюсь, что это был не бортмеханик?

– Нет! – уверенно ответил Гарик. – Командир экипажа – этакая белокурая бестия с Рыцарским крестом на шее...

– Закончили трепаться! – прервал нашу беседу Бэдмен. – Давай выруливай на старт, пока нас не засекали!

Я убрал трап и снял последние колесные упоры. Гарик на секунду выглянул из самолета, помахал нам рукой и захлопнул люк. Через минуту двигатели стали набирать обороты, тяжелый транспортник, постепенно ускоряясь, покатил по полосе. И тут над аэродромом взвыла сирена. Наверное, с вышки у ворот заметили лежавшие на снегу у наших ног трупы и подняли тревогу. Бэдмен молча достал из багажника «Шмель», вскинул его на плечо, и вышку слизнуло огненное облако. Сирена смолкла.

– Не люблю шума! – усмехнулся Мишка, доставая следующий огнемет.

Но тревогу подхватили на других вышках. То там, то здесь начинала орать сирена. Я достал еще один «Шмель», и мы стали методично уничтожать источники шума, пока пеналы с огнеметами не кончились. Между тем самолет благополучно оторвался от земли и, сделав круг над полем, ушел к точке рандеву. А вокруг нас начали посвистывать пули.

– Серега, валим! – крикнул Суворов. Мы запрыгнули в машину и погнались к воротам, на ходу Мишка, приспустив на пару сантиметров стекло, бил из «АКСУ» длинными, на расплав ствола, очередями, с виртуозной скоростью меняя магазины. Наконец перегретый автомат стал плеваться пулями, а не стрелять, но «Росинант» уже проскочил выжженное пятно на месте КПП. Я сунул Бэдмену свой «АПС» и, наступив на педаль газа, погнал машину к «окну». Погони не было...

²⁰ Почему стоишь? Поехали! (нем.)

²¹ Всем стоять! Построиться в одну шеренгу! (нем.)

По общему согласию, ящики с янтарными панелями решили подбросить родному государству. На имя фирмы-однодневки арендовали склад, сложили там нашу добычу, а потом позвонили на номер телефона доверия ФСБ. А чтобы не приняли за шутку – заявили, что на складе наркотики. Жаль, мы не видели лица оперативников, проверивших наш звонок! Но я с друзьями и так получил море удовольствия, перечитывая заметку в газете «Московский комсомолец», где говорилось о «находке века». Журналисты выдумали массу подробностей о «заранее спланированной операции силовиков», «чеченском следе» и тому подобной чепухе.

Глава 9

После успешно проведенной операции с Янтарной комнатой мы сразу стали готовиться к новой акции. Несмотря на то что посадка на полосу, покрытую полутораметровым слоем снега, далась ему не даром, Гарик горел желанием отправиться на подобную прогулку еще раз. Мишка зарылся в Интернете, разыскивая новую цель, и через пару дней выдал очередную сенсацию. Оказывается, при разрушении храма Христа Спасителя было безвозвратно утрачено большинство икон. Их аккуратно демонтировали, погрузили на грузовики и вывезли в неизвестном направлении. Больше их никто не видел. По отдельным косвенным ссылкам можно было предположить, что бесценное сокровище досталось американскому миллионеру Арманду Хаммеру, в то время большому другу Советского Союза, или Элеоноре Рузвельт.

Послав Горынычу вызов, мы с Мишкой тут же кинулись на Волхонку с «глазками» в руках. Подоспевший через час Гарик застал нас бродящими по паперти собора.

– Ну, удалось напасть на след? – нетерпеливо крикнул Гарик, выскакивая из машины.

– Пока нет, уничтожение храма заняло несколько месяцев, работы начались восемнадцатого августа, пятого декабря было два взрыва, иконы должны были вывезти в этом промежутке, – ответил Мишка, не отрывая взгляда от видеоискателя, – а мы только-только добрались до начала работ.

– Есть, мужики, – порадовал я ребят, – иконы снимали несколько дней и складывали на хранение в дощатом сарайчике. Вывозили их в два этапа.

– Какие будут предложения? – спросил Гарик, раскуривая трубку. – Будем брать в пути или накроём разом перед вывозом?

– Мужики, икон много, и размер их весьма велик! – сообщил Мишка, нарезав вокруг пребывающего в прошлом сарайчика несколько кругов. – Чтобы их вывезти, понадобится три-четыре «КамАЗа».

– Даже если мы купим грузовики, то в центр города на них нас все равно не пустят, – сказал я. – Нужен специальный пропуск. Мало того, что добыть пропуск – большой гемморой, так ведь и стоянка рядом с храмом привлечет лишнее внимание!

– Значит, надо отследить конечную точку маршрута вывоза в тридцать первом году! – подвел итог Горыныч. – Прыгайте в «Росси», поехали!

– Чтобы не ездить два раза, ты, Мишка, следи за колонной первого этапа, а я буду следить за второй, – посоветовал я, настраивая «глазок», – а то, не дай бог, они в разные места поедут.

Опасения не оправдались – обе колонны полуторок шли в одном направлении. Слежка привела нас к воротам военного аэродрома «Чкаловский».

– Все ясно, наверняка народное достояние покинуло страну воздушным путем, – прокомментировал положение Горыныч. – Насколько мне помнится, здесь и до войны был военный аэродром. Здесь нам иконы не взять!

– Значит, устроим засаду по дороге! – сказал я. – Поехали тем же путем назад, поищем подходящее место!

Место нашлось на Лермонтовском проспекте славного города Люберцы, там, где в наше время тихо угасает завод имени Ухтомского. Местечко и в двадцать первом веке достаточно пустынное, а в тридцатые годы двадцатого – просто глухое.

Грузовики решили остановить под видом сотрудников ГПУ. Наш бронированный «Росинант» подходил к данной эпохе идеально. Надо только обзавестись необходимой униформой и документами. Вопрос о дальнейшей судьбе икон даже не вставал, мы как-то сразу решили преподнести их в дар Русской православной церкви. Осталось только проработать вариант передачи. Уже когда обсуждался вопрос временного хранения отбитых ценностей, Мишку осенило:

– Мужики, тут даже думать нечего! На этом заводе, – взмах руки в сторону завода имени Ухтомского, – сейчас всю сдаются складские помещения. Давайте арендуем подходящее на подставную фирму. Когда возьмем груз, далеко возить не придется. Сложим иконы там, а потом позвоним властям – мол, забирайте!

– Отличная мысль, Миха, так и сделаем, – сказал Горыныч, – давайте решать, какую колонну будем брать!

– Что решать? Будем брать обе! – ответил я.

– Но ведь если возьмем первую, то вторую нам не взять – охрана будет настороже, да и маршрут могут изменить!

– Первую будем брать в одной реальности, а вторую в другой, – пояснил я. – Что нам стоит открыть «окно» два раза?

Горыныч был вынужден согласиться, что такой вариант вполне может прокатить. Решив не откладывать дело в долгий ящик, мы немедленно отправились в администрацию завода, оформлять аренду помещения. По пути мы продолжали обсуждать план предстоящей авантюры. Сошлись на том, что просто тормознем полторки, разоружим охрану, если будет сопротивление – подавим, действуя по обстоятельствам. Но при просмотре пустующих помещений от первоначального плана дружно отказались. Один из складов располагался почти рядом с забором, выходящим на трассу. Я тут же предложил смонтировать прямо здесь стационарное «окно». При таком раскладе не было нужды перегружать иконы с машины на машину. Захваченные полторки загоним прямо на склад, «окошко» свернем, и ни одна зараза из тридцать первого года не сможет нам помешать в разгрузке. Потом выгоним пустые автомобили назад, в их время, и пускай потом местные чекисты ищут бесследно пропавшее помещение.

Детальную подготовку начали уже на следующий день. Действовали по уже отработанной схеме – Мишка занимался подготовкой документов, Горыныч проверял технику и снаряжение, а я готовил одежду, оружие и прорабатывал легенду. Дело уже стало привычным, и справились мы в этот раз всего за неделю. Последний день посвятили доскональной проверке с помощью «глазков» места и времени предстоящего театра военных действий.

Операция началась в будний день, после полудня. Снаряжение, одежду и оружие мы завезли на склад накануне. Переоделись, привычно проверили оружие. Открыто на поясах висели «наганы», кроме них захватили уже полюбившиеся стволы – у меня, как обычно, два «стечкина», у Мишки «Ксюха», у Гарика – «Гюрза». Чтобы спрятать этот арсенал, пришлось поверх гимнастеров надевать так называемые пыльники – тяжелые плащи из грубого брезента. Погодка была подходящая – сухой, ясный день середины сентября.

Первая операция прошла без сучка и задоринки. Тормознули колонну, предъявили сопровождающим ценности стрелкам Гохрана распоряжение об изменении маршрута. Быстренько загнали полторки на склад. Охранники, поняв, что дело неладно, решили возмутиться, но мы быстро пресекли все попытки сопротивления. Обезоруженных бойцов приставили к разгрузочным работам. Уже через час опустевшие грузовики вернулись в свое время.

А вот со второй экспроприацией сразу начались проблемы. Колонна послушно остановилась по нашему требованию. Но старший охранник наотрез отказался менять маршрут, пришлось начать разоружение прямо в тридцать первом году. Разозленный тупым упрямством этого здоровенного питекантропа с треугольничками младшего командира в петлицах, я от души врезал ему в печень. Тоненько взвизгнув, детина рухнул на ноздреватый асфальт. Остальные охранники схватились за винтовки. Мишка, выхватив «Ксюху», дал над головами стрелков длинную очередь. Это практически не подействовало – только два ближайших охранника залегли, выронив оружие, а прочие продолжали приближаться к нам, лязгая затворами. Водители тоже стали выбираться из машин. Если вся эта толпа сейчас бросится на нас, мало не покажется.

Мы быстро отступили за свой броневик и открыли огонь. Стреляли в воздух. Только трое самых азартных бойцов получили по пуле в ногу и теперь валялись на дороге, оглашая окрестности громкими воплями. Это немного охладило атакующий порыв уцелевших. Стрелки рассредоточились и открыли ответный огонь. Водители стали разбегаться по обочинам. Бой начал принимать позиционный характер. Коротко посоветовавшись, мы решили не геройствовать и отступить на «базовую». Мишка полез в «Росси», чтобы дать задний ход. Но в этот момент сзади послышался шум мотора. Оглянувшись, мы увидели подъезжающий со стороны Люберец грузовик, полный вооруженных людей. Я и Гарик, не сговариваясь, замолотили по ним в три ствола. Прошло несколько секунд, и грузовик с пробитыми покрывками, развороченным радиатором и разбитым лобовым стеклом съехал в кювет. Через борт горохом посыпались красноармейцы с винтовками наперевес.

Ситуация стала критической. Сейчас солдатики оклемаются, врубятся в обстановку и ударят по нам из десятка стволов. Мы с Гариком торопливо залезли в салон броневика. Мишка с места рванул машину к спасительному «окну» прямо по «целине». Но удача уже окончательно покинула нас, не проехав и десяти метров, «Росинант» наскочил правыми колесами на какую-то кочку и перевернулся.

– Ну, все, теперь полный пиздец! – отчетливо сказал Гарик. Он в этот момент находился на правом переднем сиденье и теперь пытался слезть с Мишки. Я помог Горынычу перебраться в заднюю часть салона. Суворов, при ударе приложившийся головой о боковое стекло, не подавал признаков жизни.

Меня начала разбирать злость. Теперь я уже был готов убивать этих ни в чем не повинных красноармейцев и охранников. Перезарядив свои пистолеты, я выбрался из машины через ставшую верхней, правую дверь. Наш противник, увидев постигшее нас несчастье, стягивался вокруг поверженного «Росси». Шли в полный рост, не скрываясь. Одним взглядом схватив окружающую обстановку, рывком ухожу в сторону от броневика. Первыми легли, получив по пуле в ляжку, стрелки Гохрана. Затем настала очередь красноармейцев.

Когда из машины, кряхтя и матерясь, выбрались Горыныч и Бэдмен, противник был надежно обездвижен. Со всех сторон доносились стоны и вопли. Здоровые молодые парни валялись на земле, зажимая раны, и даже не пытались геройствовать. Увидев, что непосредственной опасности нет, Гарик убрал свою «Гюрзу», сунул мне в руку фляжку с коньяком и пошел собирать разбежавшихся водителей. Мишка, к счастью, отделался лишь огромной шишкой на голове. Хлебнув коньячку, мы, вдвоем, попытались перевернуть свою бедную машинку. Но только совместными усилиями десятка приведенных Гариком шоферюг нам удалось поставить наш «танк» горизонтально.

Столь неудачно начавшаяся операция закончилась полным успехом и без существенных потерь с нашей стороны. Уже через полчаса мы выгнали со склада разгруженные полуторки и взялись за учет трофеев. В наших руках оказались все пропавшие без вести иконы. Правда, состояние их было весьма плачевным, но после необходимой реставрации они вполне могут занять свое место в новом храме. Мы быстренько погрузили свое оборудование, снаряжение и оружие в «Росинант» и отправились праздновать очередную безумную победу. По дороге я позвонил в милицию из телефона-автомата и сообщил дежурному о заложенной на складе взрывчатке. Такую фишку мы придумали специально, для ускорения процесса поисков «подарка». Могу представить себе удивление саперов, нашедших вместо бомбы реликвии, считавшиеся утраченными восемьдесят лет назад.

Пребывая в эйфории от нашей удали, ловкости, безнаказанности, мы чувствовали себя равными богам и не догадывались, что своими экспедициями нарушили глубинные законы вселенной. Чем чаще мы включали темпор-машину, тем больше становилось ответвлений от единого некогда потока времени. И чем больше мы вносили изменений, тем чаще происходили пробой между потоками реальностей.

Пробой реальности 1

Охотник Андрей Шевчук, по кличке Шустрец, лежал на ржавой крыше старого дома. Моросил мелкий неприятный дождь, который начался еще засветло. С высоты пятого этажа ему прекрасно был виден громадный пустырь, раскинувшийся на месте художественного театра. На пустыре была забита стрелка главарей банд «Глазастых» и «Железных коней». Лидера «Глазастых» – Александра Данчука, по кличке Полковник, Андрей разыскивал уже три недели.

Встреча была назначена на полночь, но первый патруль «Железных коней» появился часов в девять. Еще через полчаса на крыше соседнего дома появилось трое снайперов. Мощная оптика винтовок, за которую банда получила свое название, не оставляла сомнений в их принадлежности. Вскоре весь пустырь был оцеплен по периметру, даже на крыше, где лежал охотник, появилось трое боевиков, от которых ему пришлось тихо избавиться. За пять минут до назначенного времени прикатил со своими орлами Мишка Ло, и на минуту рев их мотоциклов разорвал тишину.

Полковник приехал точно в назначенный срок. Глядя на этого невысокого человека с невыразительной внешностью, никто бы не сказал, что он главарь самой молодой городской банды. Но благодаря невиданной жестокости «Глазастые» уже завоевали авторитет и сильно потеснили другие группировки в их традиционных сферах влияния. В большей степени благодаря тому, что Полковник и его люди были выходцами из войск специального назначения.

Полковник собственноручно убил несколько полицейских офицеров, и правительство города не поспешило на вознаграждение за поимку этого опасного преступника. В расклеенных по всему городу листовках сообщалось: «Сто золотых за живого или пятьдесят за мертвого». Андрей решил не жадничать, поскольку брат Полковника живьем было изначально бесполезной затеей.

Главари сошлись лицом к лицу точно посередине пустыря. Скорее всего, их разговор не займет много времени, через несколько минут раздадутся выстрелы со стороны «Глазастых», которые положат конец господству «Железных коней» на центральных улицах города.

Охотник начал действовать немедленно. По всему пустырю одновременно рвануло три десятка толовых и дымовых шашек, заложенных им утром. Осколки от взрывов еще не успели упасть на землю, а Шустрец уже летел по тросу с крыши, надвигая на глаза ноктовизор. В густом черном дыму, затянувшим поле боя, Андрей успел преодолеть половину расстояния до того места, где стояли главари. Но тут пришли в себя уцелевшие боевики – ничего не видя, «Железные кони» открыли беспорядочную пальбу, в то время как «Глазастые» залегли и начали отползать к проезжей части, стреляя по заранее размеченным секторам. Оставалось надеяться, что охотника не зацепит случайная пуля. Единственный зрячий в этом хаосе, Шевчук на бегу прицельно снимал короткими очередями наиболее опасных для него горестрелков. Но плотность огня была настолько высокой, что несколько раз досталось и ему – спасли только титановые пластины в комбинезоне. Превозмогая боль в сломанных ребрах, он все-таки добрался до Полковника. Тот уже расправился с Мишкой Ло и использовал труп как бруствер. С разбегу полоснув лидера «Глазастых» тяжелым тесаком по шее, Андрей подхватил отрубленную голову за волосы и рванулся сквозь строй боевиков к их машинам. Группы прикрытия обеих банд не стали стрелять по дымовой завесе, опасаясь попасть в своих, поэтому сцепились между собой. Все были настолько заняты этим делом, что когда охотник, пристрелив водителя, вскочил в первый попавшийся джип, ему никто не препятствовал.

Бросив кровоточащую голову на заднее сиденье, Шевчук рванул вверх по бульвару. На пересечении бульвара с центральной улицей машину сильно тряхнуло, глаза резанул яркий

белый свет. «Черт, на мину налетел», – подумал Андрей, но джип продолжал двигаться вперед и слушался руля. «Пронесло!» – с облегчением вздохнул Шустрец, но внезапно увидел вокруг себя десятки автомобилей. От неожиданности охотник резко нажал на тормоз. В следующую секунду в задний бампер джипа влетела какая-то легковушка. Едва от мозга поступил сигнал: «погоня!», натренированные до автоматизма мышцы Андрея уже выполняли императив. Одна рука подхватила страшный, но ценный трофей, другая рука выхватила оружие, ноги вынесли тело из ловушки – машины. Но едва оглядевшись по сторонам, Шевчук понял, что на эту ситуацию у него нет готовых решений. Вокруг него действительно стояли почти новенькие, чистенькие автомобили с горящими фарами. Но, что самое удивительное, в домах, окружающую площадь, ярко светились окна. По тротуарам двигалась плотная толпа нарядно одетых людей. Внимательно присмотревшись, Андрей даже различил за деревьями, которые внезапно выросли на месте сплеленных десять лет назад, статую поэта. Это чудо буквально сразило охотника, поскольку он прекрасно помнил, что памятник взорвали в прошлом году у него на глазах.

Вместо привычной городской тишины, лишь изредка нарушаемой звуками выстрелов, здесь было довольно шумно, поэтому Шевчук не сразу услышал, что к нему уже минутой обращается стоящий рядом человек. Лишь только когда незнакомец дернул его за рукав, Андрей, наконец, обратил на него свое внимание.

– Вы очень резко затормозили, я просто не успел... – говорил мужчина, но, внезапно разглядев предмет, который прижимал к груди этот странный парень в порванном и перепачканном комбинезоне, неудачливый водитель глухо хрюкнул и бросился поперек потока машин на тротуар, поближе к людям. До конца жизни несчастного преследовал вид немигающего, залитого кровью глаза. Внезапно осознав необходимость какого-то действия в ответ на сложившуюся обстановку, Андрей огляделся уже вполне осмысленно. Прямой и непосредственной опасности не было. Шевчук убрал оружие в кобуру и, подобрав с пола джипа тряпку, завернул в нее свой трофей. Несколько секунд охотник раздумывал – брать или не брать машину, но со всех сторон путь преграждали другие машины. Поэтому Шустрец, по крышам и капотам добравшись до тротуара, смешался с толпой и зашагал в сторону двора, где он припрятал свой броневик. Но там вместо трехэтажной развалюхи возвышалось сияющее огнями высотное здание. Это окончательно добило охотника.

Через пятнадцать минут на место происшествия прибыла патрульная группа. Милиционеры обнаружили посреди грандиозной вечерней пробки на Страстном бульваре брошенный джип неизвестной конструкции, без номеров и с пулевыми пробоинами. Весь салон этой странной машины был залит свежей кровью, а единственный свидетель, он же виновник ДТП, утверждал, что неопознанный автомобиль свалился чуть ли не с неба, а его водитель нес в руках отрубленную человеческую голову.

Глава 10

После трех вылазок подряд мы решили взять тайм-аут. Мишка зарылся в компьютере, Гарик снова отправился на Куликово поле доснимать свой фильм, предупредив, чтобы вызывали его по малейшему поводу. А я решил махнуть на недельку в Египет, где до этого ни разу не был.

Первым делом я отправился на экскурсию к пирамидам. Возле этих гигантских сооружений я провел целый день. Моей главной задумкой было снять фильм о постройке последнего уцелевшего чуда света. Моя видеокolleкция пополнилась большим количеством эффектных кадров, но особенно поразил меня способ постройки. Я не увидел тысяч рабов, тащивших на волокушах гигантские блоки из каменоломен, также я не увидел и атлантов, силой мысли укладывающих гранитные кубики по 150 тонн весом. Древние строители оказались гораздо более умными. Когда в видеоискателе первый раз показались люди, устанавливающие опалубку и потом заливающие ее бетоном, я оторопел. В тот момент мне даже показалось, что я неправильно установил на темпор-глазке дату. Но факт оказался фактом. Все пирамиды возводились непрерывным бетонированием. Теперь понятна удивительная точность подгонки блоков, в щель между которыми нельзя вставить лезвие. Кстати, сфинкс тоже оказался отлитым из бетона.

Плюнув на остальные достопримечательности Египта, я стал ходить к пирамидам каждый день. К концу тура на моем ноутбуке уже не хватало места. По приезде домой я показал отснятый материал Бэдмену, но особого восторга Мишка не проявил. Вдвоем мы за пару часов смонтировали пятнадцатиминутный ролик, имитирующий ускоренную запись. В нем был сведен весь процесс постройки с нуля и под «ключ».

– Ну и кто на это будет смотреть? Где наш зритель? – задал я потолку риторический вопрос, когда мы закончили монтаж клипа.

– Один зритель, второй, третий, восьмой... – отозвался Мишка, непрерывно глядя на монитор.

– Ты кого считаешь? – спросил я друга.

– Пока ты в Африке прохлаждался, я от нечего делать сайт в Интернете создал, – ответил Суворов, – скинул на него все наши фото и видеоматериалы, а также Гариков фильм о Бородинской битве. И ты представляешь, за четыре дня несколько тысяч посетителей, причем их количество растет в геометрической прогрессии. Вот только что разместил твой ролик, а народ на него уже попер.

– А как называется твой сайт?

– «Заметки путешественников по времени», – гордо ответил Мишка.

– Ты что наделал? – воскликнул я. – Ты же сдал нас, как стеклотару!

– Ничего страшного, Серега! – спокойно ответил Суворов. – Это же Интернет, во-первых, концов к нам не найдешь, а во-вторых, тут еще и не такие сайты попадают. Большинство зрителей считает наши материалы отлично сделанной компьютерной графикой.

– А меньшинство?

– А меньшинство верит, что мы действительно путешествуем по времени, но эти же люди верят и в летающие тарелки, и в Атлантиду, и в планету Фаэтон. Ты бы посмотрел, что они на чате пишут. Если бы они это вслух говорили – уши бы в трубочку завернулись.

– Да, интересных ты нашел зрителей!

– Уж какие есть! Кстати, одна дама настойчиво домогается встречи с нами. Сетевое имя – Мария-Антуанетта.

– Ого!

– Вот-вот! Я лично ей отказал, а ты смотри сам. Если тебе интересно, то я подгоню ее электронный адрес.

– Мне еще не хватало свиданий с экзальтированными дамочками, начиталась, наверное, на ночь Блавадской. Или наоборот – считает себя крутым веб-дизайнером и будет просить поделиться опытом.

– Нет, Серега, мне кажется, что она журналистка. И хочет наваять про нас статью или даже, чем черт не шутит, снять передачу. Вот смотри – в почте от нее свежее послание: «Только что просмотрела ваш новый фильм. Он великолепен. Такая альтернативная версия постройки пирамид весьма меня заинтересовала. Очень прошу о встрече с вами. Конфиденциальность гарантирую». Встретился бы, поговорил с ней, а то не отстанет.

– А сам-то что? Это ведь ты у нас любитель женщин. Тебе и карты в руки.

– Я не любитель, а узкоориентированный профессионал, – сделал серьезное лицо, сказал Мишка. – И своим профессиональным нюхом чую – здесь, кроме умной беседы, ничего не обломится, а я предпочитаю девушек определенного возраста, спортивного телосложения и с ограниченными интеллектуальными данными.

– Знаю-знаю, чтобы была красивой дурой и в первый же день в постель ложилась. Не работаешь ты над собой, надо расширять круг своих интересов, – шутливо попенял я Суворову. – Ладно, уговорил, черт красноречивый, пойду на свиданку. Скинь даме сообщение, что я жду ее через час в ресторане «Джонка» на Тверском бульваре. Пусть спросит у метрдотеля господина Иванова.

– Чего это тебя на экзотическую кухню потянуло? – спросил Мишка, набирая текст на клавиатуре.

– Ну, не тащить же ее в «Аль-Казар», где нас каждый официант по имени знает. Вдруг придется уходить от дамы в отрыв, – сказал я. – Какие еще новости, кроме твоего веб-проекта?

– Гарик звонил, говорил, что пребывает в шоке от увиденного. Перегнал мне через файлообменник три гига отснятого материала. Я глянул одним глазком и тоже обалдел – такой мясорубки мне видеть не доводилось. Людей там просто ломтями шинкуют. Кровища так и брызжет во все стороны. Руки, ноги отрубленные летают. Хочешь взглянуть?

– Нет, спасибо, у меня скоро обед, не хочу портить аппетит. Может, все-таки поедешь со мной?

– Нет, спасибо, – передразнил меня Мишка, – у меня столик в «Аль-Казаре» заказан, там сегодня телятинка с трюфелями. А тебя жареными кузнечиками накормят, будешь потом животом мучиться. Ладно, поезжай, тебе отсюда до центра минут сорок по пробкам добираться. Если дама окажется симпатичной и в меру глупой – зови меня на помощь.

Я начал собираться, но вдруг Мишка сказал мне почти вдогонку:

– Да, кстати, я узнал фамилию офицера, отдавшего приказ корпусу Тучкова, – это Беннигсен. Тот самый – командующий русской армией при Прейсиш-Элау и Фридланде. Мотив его поступка просматривается довольно четко – зависть к Кутузову.

– А в результате бездарно погибло крупное подразделение и русские проиграли битву.

– Я также выяснил, по архивным данным, – продолжил Мишка, – что этот корпус якобы прикрывал Старую Смоленскую дорогу и весь день бился с польским корпусом Понятовского в районе деревни Утица и Утицкого кургана. Прикинь?

– Чудеса! Но мы же в том лесу не призрак видели, а вполне реальных солдат.

– Вот так и рождаются загадки истории! – подмигнул Мишка.

Обдумывая эту информацию, я попрощался с Суворовым и поехал на Тверской бульвар. Пробок почти не было, и уже через полчаса я взял столик в «Джонке», предупредив метрдотеля, что у меня будут гости. К счастью, никаких жареных кузнечиков в меню не оказалось, и я, заказав легкую закуску под острыми китайскими соусами и бутылку самого дорогого в этом кабаке шампанского (не китайского, а французского), принялся ждать Марию-Антуанетту.

Настроившись на долгое ожидание, я был приятно удивлен, когда уже через десять минут мэтр подвел к моему столику элегантно одетую девушку лет двадцати пяти. Глядя на ее скромный костюмчик из последней коллекции Лагерфельда, сумочку от Гуччи и неброские, но явно очень дорогие украшения, я тихо порадовался, что с утра побрился и надел свежую рубашку.

Демонстрируя полузабытые хорошие манеры, я торопливо вскочил, слегка поклонился и предложил присесть. Пока девушка листала объемистую книжку меню, я внимательно ее разглядывал. Светло-каштановые волосы, загорелая матовая кожа, серые глаза подчеркнуты легким дневным макияжем. Сделав заказ – чашку куриного бульона со специями и сухарики из соевого теста, она посмотрела на меня. Я был голоден и попросил мраморного мяса и креветок в кляре. Пока официант исполнял заказ, я разлил по бокалам вино.

– Полагаю, господин Иванов? – мягким чарующим голосом спросила девушка.

– Вы будете смеяться, но моя фамилия действительно Иванов. Зовут меня Сергей, – ответил я. – А вы, значит, Мария-Антуанетта?

– Вы будете смеяться, но меня действительно зовут Мария, Мария Качалова, Антуанетта – мой сетевой псевдоним.

– Чем продиктован ваш интерес к нашему сайту? – спросил я.

– Я журналист, веду в журнале «Космополитен» рубрику «Новое в Сети», там я стараюсь рассказывать о самых оригинальных сайтах Рунета. И вот буквально на днях совершенно случайно я наткнулась на вашу страничку. Меня буквально ошеломил объем и качество представленного материала. Но главная интрига для меня заключалась в том, что компрафику подобного рода делают крупные компании, с большим составом высококвалифицированных сотрудников. Число этих компаний можно пересчитать по пальцам, да и вкладывают они в производство клипов большие деньги. А вы появились словно бы ниоткуда. Поэтому я так настойчиво пыталась с вами связаться, а получала в ответ молчание.

– Но я только сегодня утром вернулся в страну и сразу назначил вам встречу, – стал оправдываться я.

– И уже успели обновить свою страничку новым роликом!

– Ну, это заняло всего пару часов, – скромно сказал я.

– Пятнадцатиминутный ролик вы делали всего два часа. Невероятно! А сколько времени у вас заняла работа над фильмом о Бородинской битве?

– На съемки полтора месяца и две недели на монтаж, – брякнул я и прикусил язык, поняв, что проговорился. Каждый дурак может догадаться – такое время может уйти только на съемки документального фильма. Тут подали горячее, и мы молча приступили к еде. Мария, ловко обращаясь с палочками, о чем-то напряженно думала. Через несколько минут, промокнув губы салфеткой, она сформулировала новый вопрос:

– Вы хотите сказать, что ваши фильмы не компьютерная графика, а натурные съемки?

– Да, – пришлось сознаться мне, терпеть не могу врать в открытую хорошему человеку, уж лучше не договорить. Но я уже сказал «А», теперь волей-неволей придется говорить «Б».

– Но при съемках такого масштаба должна быть задействована масса народа – актеры, статисты, операторы. Для аналогичного фильма Сергея Бондарчука был сформирован отдельный кавалерийский полк. Но я что-то не слышала, чтобы у нас в стране проходили... – в этом месте Мария замолчала и снова задумалась. «Сейчас догадается», – понял я. Минуты две Качалова, отхлебывая мелкими глотками шампанское, смотрела мимо меня. Наконец она сделала выводы из имеющейся у нее информации.

– Сергей, вы действительно путешествуете по времени? – тихо спросила Мария. По ее лицу было видно, что ей очень не хочется получить положительный ответ. Это поколебало бы все ее представление о мироустройстве. Ведь путешествия по времени всегда относились к разряду фантастики.

– Да, – односложно ответил я. Некоторое время журналистка смотрела на меня, словно сомневаясь в моем или своем умственном здоровье. Но, видимо, Качалова была неплохим профессионалом, потому что быстро взяла себя в руки.

– У вас есть еще какие-то доказательства, кроме фото– и видеоматериалов? – задала Качалова новый вопрос.

– Конечно, есть! Хотите потрогать руками императорские регалии или Янтарную комнату? Или побывать на казни Емельяна Пугачева? Принять участие в отражении татарского набега или немецкой танковой атаки? – Я знал, что меня заносит, но ничего не мог с собой поделать.

– Хотелось бы чего-нибудь материального! – ответила Мария.

– Хорошо! – Я полез во внутренний карман и извлек на свет алмаз «Шах». – Надеюсь, такая образованная девушка умеет определять подлинность бриллиантов.

Мария осторожно взяла камень и поднесла его к глазам. Через несколько секунд я убедился в высокой квалификации журналистки – она достала из сумочки небольшую лупу.

– Очень похож на настоящий, все надписи на своих местах, а что лежит в Алмазном фонде?

– Он же, в нашей реальности теперь два «Шаха». Тот, который вы держите в руке, принесен из 1918 года. Практическим путем мы установили, что теория перемещений по времени гораздо более сложна, чем, например, в фильме «Назад в будущее». Любое проникновение в прошлое вызывает ответвление новой реальности.

– То есть вы можете изменить любое произошедшее событие, но на настоящем времени это не отразится? – Мария схватывала на лету.

– Совершенно верно, нам удалось все попытки, даже покушение на Ленина, но ведь вы не слышали о том, что вождь мирового пролетариата застрелен в 1918 году из автомата Калашникова.

– Насколько мне помнится, тогда в Ленина стреляла Фанни Каплан! – сказала Мария.

– У несчастной девушки была сильная близорукость, да и пользовалась она бельгийским «браунингом» калибра 6 миллиметров. А этот игрушечный пистолетик с трудом пробивает толстое пальто.

– А какие-нибудь еще загадки прошлого, кроме строительства пирамид, вы раскрыли? – спросила Мария.

– Стыдно, но нет! Даже эти пресловутые пирамиды попали в кадр совершенно случайно – я просто поехал отдохнуть в Египет. Мы просто технари, а не гуманитарии.

– А какое у вас образование? – поинтересовалась журналистка.

– Высшее, но к нашей деятельности не имеющее никакого отношения. Я закончил Московский энергетический.

– Да уж, моя подготовка как-то больше подходит к путешествиям по времени. У меня за плечами исторический факультет МГУ, – улыбнулась Качалова.

– Теперь я понимаю ваш вопрос о загадках прошлого, – сказал я, – профессиональный интерес? Мы даже не задумывались над этой темой. Подкиньте какую-нибудь идею!

– Ну, например, тайна Атлантиды, Баальбекская платформа, гигантские рисунки на плато Наска. Был или не был Всемирный потоп, строили ли в действительности Вавилонскую башню, существовал ли на самом деле Иисус Христос? И таких вопросов миллион! Вам, наверное, следует завести штатного консультанта.

– Хорошо, попробуем воспользоваться вашим советом. Но мы все больше занимаемся сугубо утилитарными делами.

– Например, какими? – спросила Мария. Наша милая беседа постепенно превращалась в настоящее интервью. Мне надо быть настороже.

– Прикладными! – расплывчато ответил я. – Послушайте, Мария, а что вы собираетесь делать с моим рассказом? Реклама нам ни к чему!

– Сергей, вы же здравомыслящий человек! – Качалова удивленно посмотрела на меня. – Ну что я могу сделать с вашими откровениями? В журнале их напечатать? Так мне никто не поверит! А вопросы я задаю с целью удовлетворения своего личного любопытства. Ведь не каждый день удастся встретиться с путешественниками по времени.

И действительно, что это я всполошился? Если я сейчас встану и уйду, журналистка никогда не найдет меня – Москва город большой, а Сергеев Ивановых в нем тысяча пятьдесят! Качаловой, наверное, и вправду просто интересно!

– Извините за подозрение, Маша. Что вы еще хотите узнать? – спросил я.

– Знаете, Сергей, мне сейчас в голову лезут только глупые вопросы. Мне надо обдумать ту информацию, которой вы поделились, – Мария посмотрела на часы. – Ого! Уже восемь вечера! Мы с вами заболтались. Давайте встретимся еще раз.

– Давайте, но я надеюсь, что мы с вами встретимся еще не один раз. В целях соблюдения конспирации свяжемся по электронной почте. – Я подозвал официанта и расплатился по счету. Мы с Качаловой вместе вышли на улицу. – Вас подвезти?

– Нет, спасибо, я на своей. – Мария показала на припаркованную рядом ярко-синюю «девчачью» машинку – «Пежо-206». – А вы знаете, что здесь рядом, на Страстном бульваре, недавно произошло загадочное происшествие?

– Нет, я был за границей, да и вообще новостями не очень интересуюсь, – ответил я.

– Пять дней назад, вечером, посреди пробки возле киноконцертного зала «Пушкинский» обнаружили брошенный автомобиль. Неизвестной конструкции, по-видимому, самосбор, без номеров. Весь салон был залит кровью. Очевидцы утверждали, что машину покинул молодой человек в рваном комбинезоне военного образца. И что самое интересное, якобы этот парень нес в руках отрубленную человеческую голову.

– Наверняка статья об этом случае появилась в «Московском комсомольце». В этой желтой газетенке любят дешевые сенсации, – сказал я.

Мария хотела что-то протестующе ответить, но тут у меня запиликал сотовый телефон. Я извинился и достал трубку. Звонил Мишка.

– Серега, беда! – взволнованным голосом начал Бэдмен. – Мне только что звонил Гарик, он в Москве.

– Ну и что? – не понял я. – Соберемся, отметим его приезд!

– Мне показалось, что он не в себе, причем очень. Так что бросай все и рви в «Песочницу»! – Мишка повесил трубку.

– Маша, извините, но мне пора, труба зовет! – сказал я. – До встречи в Сети!

– До встречи! – ответила Качалова.

Я прыгнул в свой «Росинант» и помчался на Симферопольское шоссе. К «Песочнице» мы с Мишкой подъехали почти одновременно. Ворота участка стояли открытые настеж. У гаража раскорячилась «Газель». Через минуту из подвала вылез Гарик. Он, пыхтя, тащил на плече «ПК».

– Горыныч, что случилось? – заорал Мишка. – Ты что, на войну собрался?

– Там татары наших, как капусту, шинкуют! Наемники в доспехах прут македонской фалангой! Я этим уродам сейчас устрою! – прокричал в ответ Игорь и, скинув пулемет в кузов фургона, где уже громоздилась куча стволов и патронных ящиков, снова кинулся в подвал. Мы с Бэдменом догнали «защитника православного воинства» только в дверях оружейной. Наш друг, надрываясь, выволакивал со склада ящик с гранатами.

– Гарик, остановись, стрельбой ты ничего не добьешься! – сказал я.

– Не добьюсь, так душу отведу, не могу я больше на это смотреть! – ответил Игорь, но в нем будто что-то перегорело, и он, бросив ящик, сел на бетонный пол. – Вы бы видели, что там

творится! Кровища рекой хлещет, руки-ноги в разные стороны летят. Давайте сделаем хоть что-нибудь!

– Так у Мамаю войско триста тысяч человек, пулеметы там не помогут. Максимум тысяч пять положим, – сказал я, – нужны пушки. Ну, допустим достанем мы необходимые орудия. Так ведь втроем мы больше чем из одной стрелять не сможем. А как отреагируют русские на появление артиллерии на поле боя? Примут нас за архангелов?

– У русских к тому времени уже были пушки! – вставил слово Суворов.

– Да, но стояли они только на стенах Кремля, а князю Дмитрию нужна полевая артиллерия. – Сейчас главным для нас с Мишкой было уболтать Гарика, чтобы он успокоился. – Наилучшим решением было бы появиться за несколько лет до Куликовской битвы и подготовить материально-техническую базу.

– Московское княжество при Дмитрии не вылезало из войн. Сначала подавление мятежа тверского князя, потом поход на волжских болгар. Так что начинать придется очень рано, лучше всего до строительства каменной крепости в Москве. Заодно и при сооружении укреплений поможем. Можно сразу спроектировать стены под размещение на них артиллерии, – сказал Мишка, – а представиться можно архитекторами из Европы. Где тогда были самые грамотные архитекторы?

– В Италии! – Ответил Горыныч, вставая с пола. – Тут может открыться большой простор для внедрения. В то время к князю Дмитрию поступало на службу много иностранцев, приблизительно как при Петре Первом. Большинство из волонтеров не были православными, а многие так и вообще не христиане. Дмитрию нравилось быть крестным отцом своих новых подчиненных.

– Вот и отлично! Разыграем мастеров широкого профиля из Италии. Эдаких многостаночников, как Леонардо да Винчи. Примем православие из рук князя. Построим белокаменный Кремль, начнем изготовление пушек на месте, соберем и обучим необходимое количество пушкарей и, чем черт не шутит, мушкетеров. Создание этих подразделений может положить основу регулярной армии. А с войском нового типа, вооруженным огнестрельным оружием, русские разнесут орду Мамаю в клочки. – Это мое заявление грозило стать программой на несколько лет. – Только подготовиться нужно очень тщательно!

Глава 11

После того как нам удалось успокоить Гарика, он решил все-таки продолжить съемки своего фильма. На всякий случай с ним поехал Мишка, а я остался в Москве на хозяйстве. Провожая друзей, я пошутил, что, если они сорвутся оба, то мне одному не удастся их остановить. В ответ на эту реплику Горыныч только мрачно кивнул. Уж ему-то было отлично известно, сколько поводов для срыва может найтись при виде битвы такого рода.

Пребывая в одиночестве, я за пару дней закончил монтаж полнометражной ленты о строительстве пирамид и после окончания работы заскучал. Спасением для меня послужило пришедшее по «мылу» письмо от Марии. В первых двух абзацах Качалова изливала славословия по поводу нашей гениальности и мастерства. Это меня сразу насторожило. Ну, конечно – в третьем абзаце своего послания Маша тонко и завуалированно просила взять ее в прошлое. Девушке очень хотелось окунуться в атмосферу таинственных перемещений по времени. Видеокадры из прошлого журналистку уже не удовлетворяли.

Немного поразмыслив, я решил, что небольшая прогулка в Москву начала двадцатого века ничем Марии не повредит, да и мне позволит развеять скуку. Поэтому я отправил Качаловой сообщение о согласии на экскурсию, предупредив о соблюдении необходимой конспирации при подготовке. Маша должна была самостоятельно обзавестись одеждой носимого на рубеже веков фасона. Особого труда ей это не составит. Модных журналов того времени можно найти великое множество. Я не взял на себя смелость подбирать платье для молодой девушки.

Видимо, процесс выбора сильно увлек Марию, потому что в следующий раз она связалась со мной только через три дня. Оказалось, что модель платья Маша нашла довольно быстро, но много времени отнял пошив. Качалова не поленилась прислать мне свою фотографию в новом прикиде, то ли чтобы я полюбовался на нее, то ли чтобы оценил степень соответствия наряда заданному времени. Имея опыт нескольких походов в начало века, я не нашел в Машинной одежде никаких явных несообразностей.

Наконец подготовительный этап был закончен, и я назначил Марии встречу. Высадку решил производить на хорошо знакомой 2-й Тверской-Ямской улице, достаточно безлюдной в любые времена, но находящейся поблизости от исторического центра. Качалова была немало удивлена, когда на встречу я приехал на фургоне «Газель» и пригласил девушку внутрь. Но удивление Марии переросло в изумление, когда, пощелкав клавишами на ноутбуке, я нажал «Ввод», и в задней части салона открылось окно в ясный, солнечный день ранней осени. Маша посмотрела наружу через лобовое стекло – там была видна слегка пыльная, но все еще яркая зелень июля, накрапывал дождь. Тогда девушка посмотрела на меня и прошептала: «Фантастика!» Кажется, Мария до последней секунды не верила в реальность машины времени.

Я выпрыгнул наружу через «окно» и огляделся. Вокруг никого. Что и следовало ожидать – ведь накануне я облазил тут все с «глазком» в руках, тщательно выбирая место и время высадки. Для прогулки я выбрал погожий денек в начале октября 1902 года. Не хотелось страдать от жары летом и от холода зимой.

– Прошу вас, мадемуазель, – сказал я, подавая Марии руку. Она осторожно, даже как-то крадучись, ступила на булыжник мостовой и сделала несколько шагов. – Машенька, не беспокойтесь, гравитация здесь такая же, как в наше время.

– Сергей, пожалуйста, не смейтесь надо мной. Вы уже бывалый путешественник, а я здесь первый раз и очень боюсь. Будьте снисходительны. – Мария умоляюще посмотрела на меня.

Я усмехнулся. И куда только делась самоуверенная, знающая себе цену девушка из третьего тысячелетия? Когда я свернул «окно», Маша вцепилась в мой рукав и прижалась, дрожа всем телом:

– Что случилось? Машина времени сломалась?

– Господи, Маша, не пугайтесь вы так! Это всего лишь процедура для маскировки места входа. Так же легко я могу произвести обратное действие, – я развернул «окно», и Качалова, увидев интерьер салона «Газели», слегка успокоилась. По крайней мере перестала дрожать. – Извините, что не предупредил. Когда мы испытывали развертку-свертку «окна», я тоже испытывал похожие чувства. Чтобы вас окончательно утешить, могу сказать, что пока мы находимся здесь, вы ни на секунду не постареете. Любые материальные предметы, в том числе наши тела, попав в иную реальность, как бы консервируются.

Я снова свернул «окно», Мария взяла меня под руку, и мы неспешной походкой направились в сторону Тверской. На ходу я инструктировал журналистку, как себя вести в этой обстановке:

– Ни с кем не заговаривайте. Возможно, кто-то будет задавать вопросы, отвечайте только, если обращаются непосредственно к вам. Родной язык за сто лет почти не изменился, но вы можете машинально вставить какое-либо сленговое слово или идиому. Так что, как говорят наши бритоголовые современники, фильтруйте базар. Мы будем выдавать себя за богатых иностранцев, поэтому, произнося что-то по-русски, постарайтесь имитировать легкий акцент. Кстати, каким-нибудь зарубежным языком владеете?

– Да, английским свободно!

– В принципе неплохо! При посторонних будем общаться по-английски. Но все-таки в разговоре старайтесь не касаться тем, связанных с нашим прибытием из будущего. Здесь очень многие отлично знают и английский, и французский, и немецкий. Нам было бы лучше владеть испанским или итальянским.

– Сергей, а вы говорите на всех этих языках?

– Да, но немного хуже по-французски. Пришлось изучить необходимый набор. А потом, изучив один язык, гораздо проще выучить другой.

Вскоре мы вышли на Тверскую улицу и продолжили свою прогулку в направлении Кремля. Мария во все глаза смотрела на дома, на витрины магазинов, на извозчичьи пролетки и кареты богачей, на лица и одежду прохожих. Ей все казалось необыкновенно красивым и каким-то милым и уютным. Ведь улица, по которой мы шли, была почти в два раза уже современной нам. Ни одного здания в стиле сталинского ампира. Не видно даже знаменитого первого московского небоскреба – десятиэтажки инженера Нирнзее. Этот дом будет построен только через несколько лет.

Вскоре я заметил взгляды, которые бросали на нас идущие навстречу люди. Враждебности в них не чувствовалось, скорее доброжелательное любопытство. Видимо, внимание привлекала наша одежда. Я прекрасно помнил по прошлым визитам в эту эпоху, что мой сшитый на заказ костюм из тончайшей чесучи светло-шоколадного цвета, вкупе с широкополой мягкой велюровой шляпой придавал мне вид богатого нерусского денди, одетого по последней парижской моде. Теперь же рядом со мной шла красивая девушка, наряд которой тоже нельзя было назвать повседневным и обыденным. На Маше был темно-зеленый приталенный жакет из легкого габардина и длинная шелковая юбка цвета морской волны. Головку девушки очень украшала элегантная шляпка с вуалью. Я знал, что мы будем привлекать внимание своей непохожестью на окружающих, ведь для того, чтобы точно соответствовать нужному времени, необходима более длительная подготовка. Поэтому я постарался дополнить нашу непохожесть дорогими аксессуарами, придающими нам вид хотя и чудаковатый, но респектабельный и богатый. Я по жизни терпеть не могу никаких мужских украшений, но здесь нацепил булавку для галстука с огромным бриллиантом (из Алмазного фонда) и вдел в манжеты запонки с маленькими сапфирами. В правой руке я держал трость красного дерева с золотым наконечником в виде головы тигра с глазами из опалов. А Мария демонстрировала великолепные антикварные нефритовые серьги и кулон с крупными изумрудами. Так что прохожим действительно было на что поглядеть.

Не забыл я и про безопасность. Под пиджаком в наплечной сбруе привычно прятались два «стечкина» и четыре запасные обоймы. Но в этом походе я не рассчитывал на проблемы. Слишком мирная здесь жизнь.

Вскоре мне надоел повышенный интерес со стороны местных жителей. Поэтому на Страстной площади мы сели в наемный экипаж и приказали извозчику не спеша ехать по Бульварному кольцу. Машинным восторгам по поводу увиденного не было предела. Она то и дело принималась щебетать по-английски, расхваливая и здешние красоты, и колоритных людей, и воздух, не загрязненный автомобильными выхлопами.

Объехать все достопримечательности города удалось часа за три. Такая прогулка на свежем воздухе сильно разбудила аппетит, и мы отправились обедать в знаменитый трактир Тестова. Мария в первый раз попробовала блюда настоящей, не испорченной десятилетиями общепита, русской кухни. Расстегаи, кулебяки и блины очень отличались по вкусу от тех, что нам доводилось вкушать в наше время, даже в самых дорогих ресторанах. После затянувшегося на полтора часа сытного обеда мы снова взяли коляску и катались по Москве до самого вечера. Последним пунктом нашей культурной программы стало посещение Большого театра (идея Марии). Давали оперу «Жизнь за царя», после 1917 года ставшую «Иваном Сусаниным». Я, к своему стыду, вообще первый раз был в Большом театре, а Качалова сказала, что до начала капитального ремонта посещала все более-менее значимые постановки. Даже сейчас девушка уверенно называла фамилии солистов и увлеченно следила за действием на сцене. Я же в основном рассматривал публику. Как выяснилось, здесь мужчины надевали в театр фраки, а дамы блистали в весьма откровенных вечерних платьях. От обилия драгоценностей слепило глаза. Наши с Марией костюмы были вполне приличны для прогулок по улице, но явно не годились для посещения таких мероприятий. Поэтому в антракте, чтобы не обращать на себя внимания, я даже не стал выходить из ложи в фойе.

После спектакля мы снова взяли извозчика и поехали к месту высадки. Маша, устав от обилия впечатлений, молча любовалась мягким светом газовых уличных фонарей. Возле Тверского-Ямского переулка извозчик остановился.

– Извини, барин, но дальше не поеду, пошалить там стали! – сказал мужик. Я показал «водиле» предпоследний оставшийся после сегодняшней прогулки золотой червонец, целое состояние по здешнему времени, но извозчик, облистав внезапно пересохшие губы, отрицательно мотнул головой:

– Нет, барин, не соблазняй, мне жизнь дорога!

– Ладно, езжай, любезный! – Я все-таки сунул мужику золотой. – Спасибо, что хотя бы предупредил!

До свернутого окна предстояло пройти около пятидесяти метров, но 2-я Тверская-Ямская, в отличие от магистральной 1-й Тверской-Ямской, была практически не освещена. Я как-то не подумал, что нам придется возвращаться почти в полной темноте, и поэтому не взял ни фонарик, ни прибор ночного видения. Оставалось полагаться на собственное зрение. Пару минут мы постояли неподвижно, пока глаза привыкали к чернильному мраку. Достав из кобуры «стечкин», я почти силой потащил Качалову за собой. Ведь, увидев в моей руке оружие, Маша поняла, что ситуация действительно опасна, и сильно испугалась. Когда до спасительного «окна» осталось не больше десяти шагов, я нажал на ПДУ кнопку развертки. В базовой реальности был день, и из развернувшегося «окна» хлынул поток света, как от включившегося прожектора. В этом свете я успел увидеть выметнувшиеся из-за кирпичного каретного сарая три приземистые фигуры. Блеснули лезвия ножей. Я толкнул Марию в салон «Газели» и, развернувшись, выстрелил в ближайшего нападающего. Пуля вошла ему между глаз и снесла полчерепа. Два других налетчика, ошеломленные произошедшим, бросились наутек, но через пару метров получили по пуле в затылок. Уже не слишком торопясь, я подобрал гильзы, перешел в свою машину и закрыл «окно». Бледная Мария сидела на заднем сиде-

нье, ее била крупная дрожь. Я достал из бардачка фляжку с коньяком и заставил журналистку сделать большой глоток. Антишоковое подействовало быстро – Качалова перестала дрожать, щеки порозовели.

– А вы опасный человек! – сказала Маша, отбирая у меня фляжку и делая второй глоток. – И даже безжалостный. Вы ведь вполне могли отпустить тех двоих.

– А они бы потом зарезали еще несколько невинных людей, – сказал я, – отдайте коньяк, вам еще домой ехать!

– Да, конечно, извините, я как-то забыла о существовании ГАИ, – Мария казалась уже вполне пришедшей в себя. – Ваше хладнокровие спасло мне жизнь, простите мне мою слабость, просто я никогда не видела, как убивают. А ведь у вас даже руки не дрожат.

– Не могу сказать, что привык стрелять по людям, просто тренировки с оружием сказываются. А вас можно поздравить с боевым крещением!

– Хорошенькое крещение, я чуть не умерла со страху!

– Предлагаю выпить еще по глоточку и перейти на «ты», – мы по очереди приложились к фляжке, – ты, Маша, теперь мой боевой товарищ.

– Да, товарищ, раскисла, как мокрая курица. Но, даже несмотря на пережитый ужас, меня буквально переполняет восторг. Спасибо, Сережа, ты подарил мне незабываемое приключение. – Мария выглянула наружу. – Ой, а почему здесь еще день?

– Потому, что мы вернулись в ту же минуту, из которой отправились. Твой фотограф, сидящий в красной «Ниве» на той стороне улицы, даже не успел соскучиться.

– Ты знал?!

– Да, я засек его, когда приехал на встречу. Можешь ему передать, что он лопух! И про твой диктофон под одеждой я тоже знаю. А вот про твой разговор с редактором журнала могу только догадываться. Как он воспринял запись нашей с тобой беседы? Потребовал более весомых доказательств или счел это полной чепухой? Ты поэтому на вторую встречу пригласила фотографа?

– Ты все знал с самого начала и тем не менее устроил мне такую великолепную прогулку? Я чувствую себя последней свиньей. Извини, Сергей, я, пожалуй, пойду! – Мария открыла дверь и выскочила на тротуар.

– Маша, – сказал я в спину удаляющейся девушки, – я не обижаюсь – ты просто делала свою работу. Но теперь подумай – либо мы будем друзьями, либо ты будешь раскручивать сенсацию. Что тебе будет интереснее?

– Я подумаю! – очень серьезно ответила Качалова. – А что бы предпочел ты?

– Я бы предпочел первый вариант! – Махнув на прощание рукой, я сел за руль и погнал машину на бешеной скорости, давая выход накопившимся эмоциям.

Глава 12

На следующий после похода в начало века день я отправился на Куликово поле – навестить друзей. По кислым мордам ребят я догадался, что накануне что-то произошло. Я насел на товарищей с расспросами и вскоре узнал правду. Игорю все-таки удалось уговорить Бэдмена на авантюру. Они выкатили свою «Газель» в центр поля, поставили прямо перед позициями Передового полка, развернули «окно» и открыли по наступающему неприятелю стрельбу из пулеметов. Но генуэзские наемники оказались не робкого десятка и, невзирая на потери, продолжили атаку. И через пару минут, израсходовав все снаряженные ленты, мои друзья отстреливались из пистолетов от лезущих в кузов панцирников. Пришлось в срочном порядке закрывать «окно».

Внимательно просмотрев запись этого знаменательного сражения, я долго ругал Мишку и Гарика. Ведь в этот раз они были на волосок от гибели. На экране было отчетливо видно, как в спину бросившемуся к компьютеру Мишке попало два арбалетных болта. Бронежилет, конечно, выручил. А что было бы, если стрелы ушли бы выше или ниже? В голову или по ногам? Бэдмен не смог бы закрыть «окно», и в нашу реальность, убив моих друзей, полезли бы тупые, но не боящиеся крови головорезы. Да здесь на многие километры вокруг не останется ничего живого!

Как следует обматерив этих авантюристов, я вырвал из них обещание никогда больше так не поступать. Вскоре мы вместе сидели в палатке за накрытым столом, отмечая мой приезд. Пили мало, налегая в основном на сухое красное вино. Поддавшись настроению момента, я рассказал друзьям о своих встречах с Марией.

– Серега, да ты, кажется, влюбился! – подвел итог моим откровениям Горыныч. – С чего бы еще ты стал так стелиться!

– Влюбился или не влюбился, но Серега не прав, посвятив постороннего человека в наши дела, – отрезал Мишка, но тут же призадумался. – Хотя нам уже давно нужно вливание свежей крови, вот только не было подходящей кандидатуры.

– Если эта девушка действительно такая умная и образованная, то сможет нам что-нибудь подсказать, – уже вполне серьезно сказал Гарик. – Ведь мы зациклились на одном и том же! Все рвемся отечество защищать. А как это лучше сделать и в какой момент, толком не знаем!

– Эх! – выдохнул Бэдмен. – Прав Серега, прав, мы чистые технари, нам остро не хватает базовой гуманитарной подготовки. И поисками исторических фактов в Интернете мы не перебежся.

– А если она на нас власти наведет? – вспомнил про безопасность Гарик. – Линять придется в аварийном порядке, а у нас ничего не готово. А ведь линять придется в другое время, здесь нас разыщут в любом государстве!

– Ну, начнем с того, что власти она при всем своем желании навести не сможет. Доказательств у нее нет, кроме аудиозаписей наших разговоров, – сказал я. – А кто из власть имущих, находясь в здравом уме и твердой памяти, поверит, что какие-то придурки в каком-то сарае на коленках собрали машину времени из лампового ЭВМ и микроволновки.

– Спасибо за придурков, – расхохотался Гарик, – я как представляю себе эту картину: сарай, в нем верстаки, заваленные мотками медной проволоки, шестеренками и радиолампами. И три пьяных балбеса, кувалдами забивающих заклепки в странную конструкцию, напоминающую гибрид паровоза и радиоприемника!

Мы с Мишкой тоже заржали, вообразив такую сцену.

– И ведь опять ты прав, сукин сын! – отсмеявшись, согласился с моими доводами Бэдмен. – Нет у нее на нас ничего и не будет, а тому, что уже есть, – никто не поверит! Но, судя по твоему рассказу, тут вопрос в другом – захочет ли она сдать нас властям? Скорее всего,

нет! Серега! Поверь моему опыту старого бабника, однако похоже, что ты очень ее заинтересовал. Не как красавец-мужчина, не обольщайся, а как человек, сделавший что-то неординарное, выходящее за рамки ее понимания. Дамы любят все загадочное.

– Хорошо, если ты окажешься пророком, Мишка, – сказал я, – не буду скрывать – Маша мне действительно очень понравилась. И конечно, больше в интеллектуальном плане, а не в сексуальном. Хотя девушка она красивая.

– Все, спекся, товарищ! – сделал вывод Горыныч. – Хотя тебе можно позавидовать. Это мы с Мишелем путаемся с развратными дурами и радуемся, если не попалась жадная до денег стерва.

За разговорами просидели до самого рассвета, как в старые добрые времена на Круглом холме. А утром я вернулся в Москву. И почти сразу отправил сообщение Маше с предложением о встрече и указал номер своего сотового телефона. Мария позвонила мне через несколько минут, словно она дежурила у компьютера, ожидая моего письма.

– Сергей, огромное вам спасибо, что связались со мной. Я сама не могла решиться на это, хоть вы и сказали о том, что не злитесь на меня.

– Маша, мы ведь перешли на «ты». Поэтому бросай свои интеллигентские рефлексии и приезжай обедать в «Аль-Казар». Буду ждать тебя в два часа дня. Там сегодня седло барашка под соусом бешамель. Ты даже можешь взять свой диктофончик, но говорить мы будем исключительно на отвлеченные темы. Например, об оперном искусстве, я в этой области профан, вот ты меня и просветишь.

– Ну и шуточки у тебя, Сережа! Я не только диктофон принесу, а могу целую пресс-конференцию созвать. Но, как я понимаю, ты назначаешь мне не деловую встречу, а свидание?

– Угадала! Приятно иметь дело с умной девушкой. Так ты согласна?

– Согласна!

Ради такого случая я не поленился побриться и напялить костюмчик. Ровно в четырнадцать ноль-ноль я сидел за своим постоянным столиком в «Аль-Казаре». На этот раз Маша опоздала на пятнадцать минут – но ведь у нас, можно сказать, первое свидание, а не бизнес-ланч. Видимо, Мария тоже оценила этот нюанс, потому что и прическа, и макияж были у нее совершенно другими, а вместо делового костюма – эффектное летнее платье. Машенька и так была девушкой броской, а тут ее внешность убила меня просто наповал. Только теперь я понял, какой она была в повседневной жизни. Соответственно и разговор у нас пошел легкий, необременительный. Первые полчаса мы рассказывали разные веселые истории из своей юности. Только когда принесли горячее, Мария все-таки решила задать серьезный вопрос.

– Сережа, извини мое профессиональное любопытство, но я мучаюсь второй день – как ты определил, что у меня диктофон?

– Элементарно, my dear reporter! – Я протянул к Маше левую руку, демонстрируя часы. – С виду это обычный «Tag Heuer»²², но по нижнему краю циферблата расположены крохотные светодиоды. Это индикаторы всевозможных датчиков, встроенных моим другом в корпус часов. Сейчас все огоньки горят зеленым – значит, никакой опасности не существует. А если бы крайний слева светился красным – то это означало бы, что в радиусе полутора метров работает какой-нибудь электронный прибор. Чувствительность датчика такова, что он не реагирует только на кварцевые и электронные часы, да еще на кардиостимулятор.

– Потрясающее устройство! И такое миниатюрное! Неужели твой друг может делать такие вещи?

– Бывает, что и покруче. Любимый конек Гарика – пайка и монтаж под микроскопом. А зачем далеко ходить – ведь сборку всех темпор-машин проводил именно Игорь.

– Какой у тебя интересный друг! – восхитилась Мария.

²² Марка часов.

– А второй мой друг, Михаил, компьютерный ас. Все программное обеспечение для наших установок делал он, – сказал я. – Да, друзья у меня просто золотые. Кстати, я вчера навещал их – они сейчас на Куликовом поле, снимают фильм о битве с Мамаем. Я получил от ребят добро на введение тебя в курс наших дел. Если ты, конечно, перестала думать о сенсационном репортаже.

– Огромное им спасибо за подобное доверие. Говорю честно – думать я не перестала, – ответила Мария, – но чем больше думаю, тем яснее становится мысль бросить этот репортаж как бесперспективный. И потом, я работаю в солидном женском журнале, а не в дешевом бульварном листке. Моим читательницам вряд ли будет интересно читать о тех битвах, в которых вы участвовали. Гораздо интереснее было бы написать о вас, трех друзьях, сделавших удивительное открытие. Но этот рассказ пришлось бы делать в форме фантастического. А подобная подача материала в моем издании не приветствуется. Так что за сохранность вашей тайны ты можешь не беспокоиться.

– Хорошо, будем считать, что ты принята в команду. Членские взносы принимаются в виде оригинальных идей! Понимаешь, Маша, главной своей задачей мы считаем улучшения благосостояния нашей Родины. Уж прости за патетику! Но предпринимать какие-либо усилия на настоящем отрезке времени мы считаем бесполезным – генофонд нации безвозвратно испорчен, у власти стоят бездарные правители, страной правят олигархи. Гораздо проще вмешаться в прошлое.

– А чем я конкретно могу вам помочь? – спросила Мария.

– Нам необходим человек с историческим образованием. Нужно точно рассчитать момент приложения силы.

– Как вы себе это представляете?

– Скорее всего в форме военной и технической помощи.

– То есть с пулеметом на татарскую орду?

– Нет, это слишком утрировано. К тому же подобные варианты мы уже пробовали. Наша задумка как раз состоит в том, что к моменту прихода орды русские сами бы додумались до пулеметов. Ну, не пулеметов, конечно, а хотя бы до примитивных орудий. А наша задача – обеспечить умным людям необходимую моральную, физическую и финансовую поддержку. Вот такой, вкратце, сценарий нашей пьесы. Причем противником могут быть не татары, а половцы, хазары, французы, немцы, поляки, турки. Этот список огромен – слишком много завоевателей рвалось на Русь во все времена. Вот ты и должна определить точную дату, когда наше вмешательство принесет наибольший эффект, при минимальных жертвах с обеих сторон.

– Сложное вы даете мне поручение! А главное, возлагаете на меня огромную ответственность. Тыкни, мол, Маша, пальцем в какой-нибудь год, и мы ворвемся туда и наломаем дров.

– Ты хочешь отказаться? – спросил я.

– Мне надо хорошенько подумать, – ответила Мария. – Нет, не над вашим предложением – тут я согласна. И в принципе я разделяю ваши взгляды на историю нашей страны, и в студенческие годы мы с сокурсниками часто придумывали сценарии вмешательства в события прошлого. Так что вы просто даете мне в руки инструмент для воплощения моих юношеских прожектов. Необходим тщательный, кропотливый анализ всей доступной информации. Нужно будет покопаться в архивах, полазить по Интернету. В общем, задали вы мне работу.

– Если хочешь, мы можем принять тебя в нашу официальную фирму. Будешь проведена на должность консультанта с соответствующим окладом. Ты, конечно, девушка материально обеспеченная, но несколько тысяч долларов в месяц наверняка не будут лишними. В общем, все условия для творчества мы тебе обеспечим.

– Хорошо, Сережа, нанимаюсь к вам на службу. – Мария протянула мне руку, и я крепко пожал ее. – Когда приступать?

– Все дела с завтрашнего дня, а сегодня мы гуляем, – я заказал шампанского, – Машенька, поднимем бокалы в честь нашего союза!

И праздник продолжался! Через полчаса мы заказали еще одну бутылку. Потом еще и еще. Потом я предложил Марии осмотреть мою коллекцию холодного и огнестрельного оружия. И, к моему немалому удивлению, девушка согласилась. Предусмотрительно вызванное метрдотелем такси доставило нас к моему дому. После осмотра оружия Маша стала разглядывать украшавшие мою спальню японские гравюры восемнадцатого века – в основном эротического содержания. Немудрено, что вечер для нас закончился на гигантской шкуре саблезубого тигра возле камина. Тело Маши оказалось упругим и гибким, а губы мягкими и податливыми. Мы безумствовали до утра. На рассвете Маша, держась рукой за стену, прошла в ванную. Вышла она только через полчаса, целомудренно завернувшись в махровую простыню. К ее выходу я успел приготовить крепчайшее кофе и поджарить тосты. Присев рядом со мной, Мария задумчиво посмотрела в окно. Над Строгинским заливом вставало солнце.

– Да, Сережа! Умеешь ты доставить девушке удовольствие! – весело сказала Мария и, взяв меня за руку, провела моей ладонью по своему лицу. – Что это было?

– А может быть, это и есть любовь? – сказал я, нежно глядя девушку по волосам.

Мария посмотрела на меня очень внимательно, но ничего больше не сказала. Завтрак прошел в молчании. Минут через пятнадцать, пригубив бокал со свежавыжатым апельсиновым соком, Качалова сказала:

– Сергей, а ты знаешь, почему не бывает дружбы между мужчиной и женщиной?

– Нет, – ответил я, чувствуя в ее вопросе подвох.

– Потому, что друзей не трахают! – заключила Мария, и я почувствовал, как внутри меня что-то обрывается. – Как мы теперь будем строить свои профессиональные отношения?

Не в силах говорить, я тупо смотрел на эту прекрасную девушку, которая только что выбила из-под меня землю.

– Ты предлагаешь все забыть? – наконец выдал я из себя.

– Ну, делать вид, что это был сон, не получится! Извини, Сережа, милый, но я еще не готова к серьезным отношениям. Но будь уверен – этой ночи мне не забыть!

Невероятным усилием воли я взял себя в руки. Закончив завтрак, Маша оделась, и я отвез девушку домой. Жила Качалова на Кутузовском проспекте, в так называемом «цековском» доме. Договорившись, что заеду за ней в полдень, я погнал «Росинанта» на бешеной скорости по еще довольно пустынным утренним улицам. Опомнился только на Симферопольском шоссе, у самого поворота к «Песочнице». Мне захотелось сделать что-нибудь безумное, я, набив в тайники броневика целую кучу оружия, рванул обратно в город. Припарковавшись на стоянке у съезда с Большого Каменного моста таким образом, чтобы оказаться в прошлом почти у самой переправы через Неглинную, набираю на клавиатуре компа дату – 1382 год. Год взятия Москвы Тохтамышем. Схватив в руки «ПК», я выскакиваю через «окно» наружу. Мне, можно сказать, «повезло» – ведь день и часы с минутами я выбирал вслепую. Орда как раз пошла на приступ. И, судя по распахнутым воротам – последний приступ. Глаза мне застлал кровавый туман ярости. Очнулся я, только когда израсходовал все патроны. Все пространство вокруг меня, до самых стен, было устелено трупами. Под ногами, на россыпи гильз, валялись три пулемета и несколько автоматов. Видимо, я не утруждал себя сменой магазинов, а расстреляв один рожок или ленту, просто отбрасывал ствол и хватал из кузова новый. Я огляделся по сторонам – ни одного живого врага. Только в проеме ворот какое-то шевеление – это москвичи добивают прорвавшихся в город ордынцев. Наконец движение в глубине башни прекратилось, и гигантская кованая створка с грохотом опустилась на место. Что ж, я не только душу отвел, но и помог отстоять родной город. В прошлый раз Москву взяли из-за коварства хана Тохтамыша, якобы пошедшего на переговоры. Теперь наученные горьким опытом жители вряд ли

еще раз добровольно откроют ему ворота. Подобрал с поля боя свое оружие и закрыв «окно», я уже спокойно поехал домой.

У меня было много времени, чтобы подготовиться к введению в должность нашего нового консультанта.

Пробой реальности 2

Белый свет залил блистер кабины боевого самолета. И тут же с явно слышимым щелчком пропал. Командир элитного ударного подразделения воздушных сил ВМФ Российской империи подполковник Антон Крюков машинально взглянул на тактический экран – все в норме, только засветились красным светом пиктограммы каналов спутниковой навигации и телеметрии с авианосца «Владимир Мономах». Затем Антон посмотрел на своего ведомого – истребитель-бомбардировщик «С-150» из эскадрильи «Черный орел» шел за ним в левом пеленге.

– Командир! Что это было? – удивленно спросил сидевший рядом оператор вооружения поручик Дементьев.

– Не знаю, – ответил Крюков. – Проблемы с навигацией, переходи на запасной канал!

– Есть, командир! – Поручик принялся за работу.

– Полсотни-третий! Ответь полсотни-первому! – запросил подполковник своего ведомого, капитана Левшина.

– Ответил! Полсотни-третий! – раздался в наушниках флегматичный голос капитана.

– Отказ навигации! Продолжаем выполнение задания! Основная цель – тяжелый крейсер халифата «Меч пророка»!

– Понял, командир! – подтвердил ведомый.

Антон вопросительно посмотрел на Дементьева.

– Глухо, командир! – несколько растерянно сказал оператор. – По всем трем каналам глухо!

– Спокойно, поручик! Что бы ни случилось – спокойно! – твердо сказал Антон. Поручик был молодым и шел на боевое задание второй раз. – Возможно, вспышка белого света была от действия какого-то нового оружия. Курс мы не меняли, поэтому крейсер вскоре должен появиться на наших тактических радарх.

Крюков оказался прав, и через семь минут на экранах появились сигналы.

– Командир! Неужели разведка подвела?! – удивился Дементьев. – Кораблей охранения почти в два раза больше!

– Последние данные с разведспутников и авианосца поступили к нам до этой вспышки. Всего десять, нет, уже одиннадцать минут назад. И вряд ли противник успел подтянуть дополнительные силы в этот район, – ответил подполковник. – Это могут быть ложные цели, я видел такое в боях над Суэцем во время второго джихада!

– Полсотни-первый! Ответь полсотни-третьему! – Судя по голосу, Левшин вышел из своей обычной флегмы.

– Полсотни-первый! Слушаю! – ответил Крюков.

– На курсе 275, удаление 500 наблюдаю группу надводных целей! Количество целей не совпадает с данными разведки! Наши действия? – запросил Левшин.

– Боеголовки ракет в режим селекции тоннажа! Нижняя планка – 20 000! Повторяю – 20 000 тонн!

– Принято! – уже более спокойным голосом ответил ведомый.

– Атакую! Слева 30, до цели 400, план номер три! – четко скомандовал Крюков.

– Принято! Атакую! – отрепетовал Левшин.

Истребители-бомбардировщики «С-150», повернув влево, легли на боевой курс...

Командир авианосца «Авраам Линкольн» ВМС США Гарри Кондейл был разбужен сигналом с мостика. Вахтенный офицер доложил Кондейлу, что самолет ДРЛО засек приближение к эскадре неопознанных воздушных высокоскоростных целей.

АУГ²³ из состава 5-го флота во главе с «Линкольном» находилась в Персидском заливе из-за очередного обострения конфликта с Ираном. Командующий группой вице-адмирал Тимоти Китинг был предупрежден о возможных провокациях со стороны иранцев, но эти самолеты шли с юга.

– Ну, что тут у вас? – спросил командир, поднявшись из своей каюты в БИЦ²⁴.

– Цель групповая, высокоскоростная, патруль засек их на удалении 700 миль, но дежурная пара «Томкэтов» на перехват не успела. Цель движется со скоростью 4 Маха, – ответил офицер поста ПВО. – Минуту назад они повернули влево и теперь следуют точным курсом на нас. Учитывая их скорость – время до контакта 2 минуты.

– Боевая тревога! – объявил командир. Гигантское тело авианосца наполнилось громким «кваканьем» сирен и грохотом ног. Несколько тысяч моряков спешили занять свои места по боевому расписанию. Палубная команда приступила к подготовке взлета пары «F-14».

– Что за шум? – брюзгливо спросил подошедший адмирал Китинг, оторванный тревогой от чтения последнего номера журнала «Hunting & Fishing».

Адмирал недоуменно посмотрел через плечо оператора на тактический дисплей. И в этот момент группа целей разделилась. Через секунду вместо двух точек на радаре появилось несколько десятков.

– Цель задействовала имитаторы! – объяснил оператор, не отрывая глаз от экрана. А спустя десять секунд добавил: – И поставила радиоэлектронные помехи!

– Противник забил все командные частоты, полностью потеряна связь с кораблями охранения! – доложил вахтенный офицер.

– Эта группа явно атакует нас! – Адмирал слегка побледнел. – Иранцы?!

– Для иранцев они слишком хорошо оснащены! – Кондейлу тоже сделалось не по себе.

Почти целую минуту в БИЦе царила тишина. Все офицеры смотрели на покрывшиеся сплошными засветками экраны радаров.

– Перехват невозможен!!! – офицер поста ПВО был близок к панике. – Мы не можем различить цели, мы их просто не видим!!!

– Сделайте хоть что-нибудь, они же нас сейчас прикончат! – заорал адмирал.

В сторону приближающихся самолетов были выпущены все зенитные ракеты, вслепую, по выбранному компьютером случайным целям, открыли огонь комплексы «Вулкан-Фаланкс» правого борта.

Но все эти действия оказались тщетными.

Авиационные противокорабельные ракеты «Шестопер», используемые истребителями-бомбардировщиками ВМФ Российской империи, были предназначены для борьбы с устаревшими, но защищенными толстой бортовой броней кораблями халифата. Для надежного поражения цели на «Шестоперах» стояли кумулятивные фокусно-плазменные боеголовки, при номинальном весе БЧ в пятьсот килограммов, имевшие мощность, аналогичную 12 тоннам тротила. И таких ракет каждый «С-150» нес по две штуки.

Ракеты, выпущенные экипажем Крюкова, вошли в борт авианосца. Первая на полметра выше подводной защиты, проделав пробоину диаметром 20 метров и разрушив прилегающие отсеки на глубину половины корпуса. Но даже такая чудовищная рана не смогла бы вывести гигантский, водоизмещением 95 000 тонн, корабль из строя. Однако вторая ракета проделала

²³ Авианосная ударная группа.

²⁴ Боевой информационный центр.

аналогичное отверстие напротив кормового эшелона силовой установки²⁵. Ядерный реактор не перенес близкого взрыва. Сработала аварийная защита, реактор был заглушен, и корабль временно, до разгона на рабочую мощность носового эшелона ЯСУ²⁶, остался без энергии и хода.

Ракеты, выпущенные экипажем Левшина, сделали горку и ударили сверху в идущий по инерции плавающий остров. Первая полностью разрушила надстройку, убив всех, кто в тот момент находился в боевом информационном центре, ходовой и штурманских рубках. А вторая последовательно пробила 50-миллиметровые стальные настилы полетной, ангарной и главных палуб и нырнула в трюмный отсек, который, по замыслу конструкторов, должен был являться самым защищенным, после ЯСУ, местом на корабле. Именно в трюмном отсеке находились запасы авиационного топлива и боезапаса. На беду американцев, путь «Шестоперу» преградила наполовину пустая цистерна с авиационным керосином, где, по чьему-то упущению, не была включена система заполнения инертным газом. Чудовищный взрыв вскрыл корабль, как консервную банку. Затем сдетонировали остальные цистерны и погреба боеприпасов. «Линкольн» завалился на борт и стал быстро погружаться.

Завершив противоракетный маневр, самолеты легли на обратный курс.

– Отлично сработано, ребята! Благодарю от лица службы! – по общей связи сказал Крюков.

– Рано благодарить, командир! – ответил капитан. – Параметры цели не совпадают с данными бортового вычислителя. К тому же я хорошо рассмотрел пораженный корабль – это не «Меч Пророка».

Антон не стал переспрашивать, он хорошо знал своего ведомого и поверил ему сразу. На принятие решения у командира ушло не больше пяти секунд.

– Разворот на повторную атаку! Боеголовки в режим селекции подвижных целей! Будем атаковать до полного уничтожения!

«Черные Орлы» повернули назад, на едва пришедшую в себя от стремительной атаки американскую эскадру. В бомбоотсеках русских истребителей-бомбардировщиков висело по два десятка мощных тактических ракет ближнего боя.

²⁵ На авианосцах типа «Честер Нимитц» два реактора, которые в целях повышения живучести корабля разнесены по длине корпуса.

²⁶ Ядерная силовая установка.

Глава 13

После случившегося со мной нервного срыва я долго не мог прийти в себя. Но при Марии не показывал виду, крепился, как только мог. Прошло около недели с нашего памятного свидания, и в Москву вернулись Мишка с Гариком. Церемония их знакомства с Качаловой слегка отвлекла меня от грустных мыслей.

А тут еще грянула сенсация мирового масштаба. Подразделение американского 5-го флота в Персидском заливе было почти полностью уничтожено двумя неизвестными самолетами. Уцелело только несколько вспомогательных кораблей.

Сообщения прессы пестрели прилагательными с приставкой «не». Неслыханная наглость нападавших. Невиданные способы ведения боя. Абсолютно не знакомое ни одному военному специалисту вооружение. Непонятное ожесточение атакующей стороны – после того как у самолетов кончились ракеты, пилоты начали обстреливать корабли из пушек с бреющего полета. И только когда бой перешел в ближний, бомбардировщики удалось сбить. Один из летчиков, сильно обгоревший и контуженный, попал в плен. По телевизионным каналам несколько раз мелькнули кадры любительской съемки какого-то моряка, на которых были видны загадочные летательные аппараты, крылом обратной стреловидности напоминающие русский «Су-47» «Беркут», но гораздо более тяжелые и мощные, с полностью отсутствующей внешней подвеской – все оружие скрывалось внутри корпуса. А еще по телевизору часто показывали фото захваченного человека, вполне европейской наружности. На какие-либо вопросы пленный отвечать отказывался.

Мария сумела хорошо воспользоваться предоставленным ей карт-бланшем. И буквально на следующий день после приезда моих друзей Маша порадовала нас аналитической запиской.

Год: 1606.

Событие: Свержение Лжедмитрия I.

Цель вмешательства: недопущение свержения и убийства Лжедмитрия.

Последствия вмешательства: гражданская война, названная современниками «Смутное время», будет пресечена в зародыше.

Метод вмешательства: подавление мятежа Василия Шуйского 17 мая 1606 года.

Способ осуществления: вступление в войско Лжедмитрия I в марте – апреле 1605 года, заблаговременная инфильтрация в ближнее окружение царя под видом иностранных наемников, формирование из наемников и(или) русских добровольцев надежного полноценного подразделения численностью до батальона, обучение солдат владению огнестрельным оружием (рекомендуется использовать кремневые мушкеты со штыками), в ночь с 16 на 17 мая 1606 года занять ключевые позиции в городе и Кремле, в случае выступления Шуйского организовать сопротивление лояльных царю частей, постараться обеспечить физическое уничтожение заговорщиков.

Вероятность успеха: 95 %.

Первым не выдержал Горыныч:

– Ты что же, предлагаешь самозванцу Гришке Отрепьеву помогать? Да он же Москву полякам сдал! Если уж пресекать гражданскую войну, то помогать следует Минину с Пожарским. А этот самозванец даже нормальных похорон не удостоился! Насколько мне помнится, его прахом выстрелили из пушки!

– Игорь, – подозрительно ласковым голосом начала Маша, – если ты в истории не рубишь, получая информацию об этом периоде из фильма Хотиненко²⁷, то и не лезь в спор с профессионалом! Москву полякам гетмана Жолкевского сдали семеро бояр, одно из правительств Рос-

²⁷ Имеется в виду блокбастер Владимира Хотиненко «1612».

сии Смутного времени, Минин с Пожарским явились с ополчением только в 1612 году, а из пушки стреляли Лжедмитрием Вторым²⁸.

– Ни фига себе, а сколько всего было Лжедмитриев? – спросил смущенный такой отповедью Игорь.

– Четверо, – продолжила Маша, – и, кстати, именно царь Дмитрий менее всего подходил под определение «самозванец». Во-первых, никакой это не Гришка Отрепьев. Отрепьеву в то время было больше сорока лет, а Дмитрий был молодым человеком, около двадцати пяти лет. К тому же Гришка был в Москве личностью известной, и перепутать с царем его никак не могли. А выдумки, что Отрепьев и Дмитрий одно лицо, были запущены братьями Шуйскими уже после убийства молодого царя.

– Вот как! – только и сумел выдать Гарик, раздавленный «железными» доводами.

– Во-вторых, даже если бы Дмитрий действительно был самозванцем, он за неполный год принял гораздо больше полезных для страны и населения законов, чем его предшественники Иван Грозный и Борис Годунов! Прежде всего Дмитрий объявил свободу торговли, промыслов и ремесел, сняв все прежние ограничения. А вслед за тем отменил притеснения тем, кто хотел выехать из России, въехать в нее или свободно передвигаться по стране. Для крестьян он ввел новый закон о холопстве, отменяющий передачу холопа по наследству преемникам старого хозяина. Дворянам вернули имения, отобранные еще Грозным. Служилым людям вдвое увеличили жалованье. Судопроизводство стало бесплатным. В Россию стали во множестве приглашать иностранцев, владеющих профессиями, необходимыми в Московском государстве.

– Я про это даже и не слышал, – сказал я, – в школе о правлении Лжедмитрия Первого говорилось в двух строчках, мол, тогда-то пришел, тогда-то свергнут разъяренными москвичами. Насколько я помню, Тушинскому Вору отведено гораздо больше места в учебниках.

– Вот-вот, а ведь именно Дмитрий первым стал строить планы покорения Крыма. Началось ускоренное производство оружия, устраивались маневры, но со смертью молодого царя эти замыслы пришлось отложить на добрых восемьдесят лет, как, впрочем, и дипломатическое сближение с западноевропейскими странами, о чем всерьез думал Дмитрий.

– А как быть с мнением о том, что Лжедмитрий восшествия на престол с помощью поляков, которым и обещал половину России? Да и женился он на католичке Мнишек, – вставил слово Мишка.

– Важны не обещания, а их исполнение. Что касается «продажи Руси полякам» и «уничтожения православной веры» – ни малейших следов подобных предприятий не смогли отыскать и самые ярые враги Дмитрия. Наоборот, все современники свидетельствуют о том, что Дмитрий собирался царствовать всерьез и надолго, не уступая и пяди земли бывшим «покровителям». Очень быстро в Москву приехал польский посол Гонсевский, официально – чтобы поздравить царя с восшествием на престол, а неофициально – напомнить о данных Сигизмунду обязательствах. Бедняга посол получил, как выражались в старину, полный афронт. От каких бы то ни было территориальных уступок Дмитрий отказался, с простодушным видом разводя руками и уверяя, будто «недостаточно крепко сидит еще на царстве, чтобы принимать такие решения». Войну со Швецией, как ранее обещал королю, тоже не развязал, объясняя это теми же причинами. Более того, сам перешел в наступление, высказав сильнейшее неудовольствие тем, что король именуется «великим князем», и потребовал, чтобы впредь в официальных посланиях его именовали не иначе как императором. По строгим дипломатическим правилам того времени это означало, что московский царь требует от короля Сигизмунда признать Речь Посполитую стоящей на ступеньку ниже России. Примерно так же обстояло дело и с паном Мнишеком, возмечтавшим стать русским магнатом. Дмитрий щедро отсыпал ему денег, но вместо обещанных в полное владение Новгорода и Пскова показал кукиш с мас-

²⁸ Все-таки стреляли прахом Лжедмитрия Первого. Мария несколько увлеклась...

лом, не пожаловал будущему тестю и паршивой деревушки. Нет уж, раздаривать свое царство Дмитрий отнюдь не собирался. А царская невеста Марина, которую Дмитрий, судя по всему, искренне любил, прибыв в Москву, вынуждена принять причастие по православному обряду, а в то время это много значило!

– Крутой парнишка, даром что самозванец! – похвалил Горыныч.

– То, что крут, тут ты прав, а вот то, что самозванец, это вряд ли, – продолжала Мария, – видите ли, ребята, в последнее время всплыло на свет несколько обстоятельств, которые позволяют точнее идентифицировать царя Дмитрия с царевичем Дмитрием. Конечно, Годунов не отдавал приказа на убийство царевича. Борис был чрезвычайно умным человеком и знал, что убийство Дмитрия только повредит ему. Но не было и случайной смерти. Мать царевича Марфа Нагая сумела переиграть Годунова и вывести сына из-под вечно висящей над ним угрозы.

– Да как же так? – не выдержал я. – Ведь Годунов назначил специальное расследование гибели царевича. В Углич приехала комиссия во главе с Василием Шуйским. Вердикт комиссии был однозначен – несчастный случай.

– Ну да, порезался ножиком во время эпилептического припадка! – саркастически проговорила Маша. – Комиссия и не могла доказать ничего другого, так как работала со специально подготовленными свидетелями. А все опасные для замысла царицы люди, в основном приставленные Годуновым, были либо выведены из строя заранее, либо погибли в день происшествия, в разгар спровоцированных Нагой беспорядков.

– А как же мертвый мальчик, официально опознанный как царевич? – не унимался я.

– Ты вспомни, кто участвовал в опознании! Мать и ближние бояре и слуги! Что им стоило заранее найти подходящего по возрасту и телосложению мальчишку и выдать за царевича.

– Так ведь они зарезать его должны, как же так, ведь невинный ребенок? – изумился Гарик.

– Нравы, Игорь, были такие, родных братьев резали и душили, что уж говорить о чужом ребенке. Наверняка какой-нибудь сиротка.

– Ладно, Машенька, все возражения по поводу кандидатуры снимаются, – подвел я итог прениям.

Исследования Марии показали, что эффективное воздействие на события новой истории требует затрат большого числа материальных ресурсов, при довольно низком проценте успеха. И наоборот – чем глубже погружение в пучину времен, тем легче изменять события. Именно поэтому Мария и предложила попробовать провести акции по удержанию на престолке перспективного самодержца «Лжедмитрия» Первого.

Но нас сильно смущала легитимность его власти, поэтому Мишка с Гариком отправились в Углич, чтобы на месте разобраться в событиях 1591 года. А я с Машей остался в Москве и занялся подготовкой к «выходу».

Для начала мы прошлись с «глазками» по историческому центру города, просматривая места предстоящих «боев». Мы стали свидетелями торжественного въезда «Лжедмитрия» в Москву, венчания на царство в Успенском соборе Кремля, а затем убийства молодого царя. Надо сказать, что мне паренек понравился. Даже то, как достойно он принял смерть, многое говорило о характере. Да, за такого самодержца не грех было вступить, тем более что его преемник – Василий Шуйский был прямой противоположностью Дмитрию. Мерзкий оказался дядечка, с вечно бегаящими глазками.

Ребята вернулись из командировки через четыре дня. За это время они с «глазками» успели исследовать отрезок от 1582 до 1591 года. Их данные наглядно доказывали – цесаревич выжил!

– Права оказалась Мария, подменили мальчика! – говорил Горыныч, комментируя видеозаписи. – Где-то за неделю до убийства. Вот смотрите, начало мая – это Дмитрий, а вот на этих

кадрах, пятнадцатого мая – двойник! Действительно, очень похож, а издалека так и вообще не отличить! Всем посторонним было сообщено, что двенадцатого числа у царевича был приступ падучей. А вот пошла запись так называемого «несчастливого случая»!

На экране было видно, как мальчик-двойник под присмотром сопровождающих возвращается из церкви. Затем экс-царица Марфа с братом отправились в трапезную обедать, а «царевич» с четырьмя мальчиками пошел во двор, поиграть в «ножички». Их сопровождали три няньки. Внезапно от ворот донесся какой-то звук, все присутствующие одновременно посмотрели в ту сторону.

– Отвлечение внимания, – прокомментировал Мишка.

В этот момент одна из няnek, сурового вида дама лет сорока, извлекла из складок сарафана узкий стилет и решительно вогнала его в горло пацану. Мальчишка судорожно схватился за рукоятку и упал. «У царевича приступ падучей!» – завизжала убийца. Присутствующие отступили на пару шагов. Самый старший из мальчиков побежал в терем, сообщить о происшествии. Когда тело «царевича» перевернули, несчастный ребенок уже не дышал. Дальше начались странности – выскочившая Нагая, вместо того чтобы броситься к «сыну», схватила какой-то дрын и захала по голове одной из няnek (но не убийце!). «Сука, это твой выbleядок Оська зарезал Дмитрия!» – заорала царица.

– Вот этой фигни мы не поняли! – честно признался Гарик, останавливая изображение. – Кто эта женщина, за что она получила по башке от царицы, что за Оська и почему обвинили именно их?

– Скорее всего это Василиса Волохова, агент годуновского резидента Битяговского, – пояснила Маша. – Она или ее сын Осип могли заметить подмену. Вот от них и предпочли избавиться по горячим следам.

– Ладно, едем дальше, – сказал Горыныч, запуская запись, – на шум сбежался народ, около сотни человек, но этого Марфе показалось мало, и она приказала ударить в набат. Науськаные царицей, горожане бросились громить дом царского представителя, дьяка Михаила Битяговского. Побили не только его, а и всю свиту и родственников. Всего погибло...

– Пятнадцать человек, – подхватила Машенька, – и последним убитым в результате учиненного Нагой самосуда оказался тот самый Осип Волохов. Его даже вытащили из церкви, в которой он пытался укрыться.

– Точно, все так и было, ты как будто присутствовала при этом, – сказал Мишка, – беспорядки продолжались до самого вечера. Видимо, во время них «партия Дмитрия» ликвидировала всех свидетелей. Концы в воду!

– Эта ситуация понятна! – подытожил я. – Теперь надо сравнить личности Дмитрия-маленького и Дмитрия-большого. Бэдмен, готовь программу для идентификации!

Через полчаса, сравнив по нашим видеозаписям изображения юного царевича и человека, известного как Лжедмитрий Первый, мы убедились – это один и тот же человек!

– Выходит, что самозванец оказался вовсе не самозванцем! – сделал вывод я. – Ну что, мужики, поможем первому российскому императору удержаться на престоле?

– Помогать всем униженным и оскорбленным, слабоумным и умалишенным – наша прямая обязанность! – отшутился Гарик.

– Вопросов нет, Серега, беремся за дело! – просто сказал Мишка.

Глава 14

В начале февраля 1605 года мы втроем подъезжали к небольшому городу-крепости Путивлю, где в тот момент отсиживался Дмитрий, потерпевший в конце января поражение под Добрыничами. Я и Гарик двигались верхом, а Мишка правил повозкой, груженной оружием и боеприпасами. Момент для инфильтрации был выбран наиболее удачный. После военной неудачи и дезертирства некоторой части войска, в основном поляков, будущий царь должен испытывать недостаток добровольцев. А до массового перехода бояр под знамя «самозванца» было еще несколько месяцев.

Подготовка к этой акции заняла несколько месяцев. Пришлось покупать коней, а породистые верховые лошади равнялись по стоимости легковому автомобилю среднего класса. Затем нам пришлось заказывать у мастеров-реконструкторов аутентичную одежду, оружие, доспехи и сбрую для лошадей. Доспехи представляли собой наборы из кольчуги, наплечников, нагрудников, поножей, наручей и шлемов. Внешний вид доспехов полностью соответствовал эпохе, но материалом служил дорогой титановый сплав. И эти наборы обошлись нам дороже новенького «Мерседеса» каждый. Такой же комплект, но с улучшенной отделкой, мы везли в подарок Дмитрию.

Подготовка оружия заняла отдельное место. С огнестрельным дело решилось достаточно быстро – для скрытого ношения были выбраны проверенные пистолеты Стечкина, а для открытого – 7,62 мм охотничьи винтовки «Манлихер» образца 2002 года, с богатой серебряной отделкой. Холодное оружие нам изготовил известный в узких кругах кузнец. Проверка на месте показала, что предложенные им сабли, ножи и кинжалы не только представляют известную художественную и эстетическую ценность, но действительно изготовлены из стали, не уступающей в качестве дамасской.

Программу подготовки завершил набег в 1830 год, на Московские оружейные склады Замоскворечья, откуда мы вывезли несколько сотен прекрасных егерских кремневых штуцеров, кавалерийских пистолетов, а также пару центнеров черного пороха. Но с собой в 1605 год пришлось взять только двести карабинов, сотню пистолетов да четыре ящика гранат «Ф-1», больше не влезло в повозку.

Целым караваном, состоящим из нескольких грузовиков, включая лошадиный фургон, мы отправились на юг, справедливо рассудив, что добираться до нужного места лучше по асфальту. Подобравшись как можно ближе к Путивлю, мы совершили переход в семнадцатый век и успели добраться до пункта назначения за один световой день. «Окно» свернули с нашей стороны, Маша осталась в «базовой» реальности.

– Кого там черт несет? – проорал смутно видимый в ранних зимних сумерках часовой со стены.

– Желаем вступить в войско государя! – зычно провозгласил Игорь.

Обветшавшие ворота медленно распахнулись, немилосердно скрипя несмазанными петлями. Мы пересекли обледенелый деревянный мостик надо рвом и въехали в крепость. Группа встречающих состояла из нескольких городских стрельцов и десятка казаков. Встреча была подготовлена грамотно! Казаки стояли в первом ряду, слегка наклонив в нашу сторону длинные древки упертых в землю пик. А стрельцы с легкими пищалями разместились поодаль. Судя по дымящимся фитилям, они были готовы в любой момент начинить нас свинцовыми шариками.

– Кто такие? – задал вопрос выступивший вперед рослый мужик с длинными заиндевелыми усами, судя по дорогой одежде и отделанной золотом сабле, старшина казаков.

– Мы дворяне из Англии, желаем вступить в войско царя Дмитрия! – ответил Гарик, стараясь не делать резких движений.

– Ну, добре! Нам бойцы нужны! – задумчиво сказал старшина, внимательно разглядывая нашу одежду и экипировку. – Неужели из самой Англии? Далеко вы забрались! А что в повозке?

– Оружие, – ответил я, – пищали и пистолы, больше ста штук!

– Ниче себе! – удивился старшина, делая знак своим подчиненным расступиться. – Тимоха, беги в терем, доложи государю, он как раз должен за трапезу с ближними сесть. А вы, господа хорошие, следуйте за мной! Савка, Жмых, позаботьтесь о лошадях!

Мы спешили и прошли в жарко натопленную караульню. Сбросили длинные шубы и подсели ближе к печке. Назваться дворянами из Англии нас надоумила Мария. Вряд ли в войске Дмитрия могут оказаться наши «соотечественники», по причине немалой удаленности Британских островов от предстоящего театра военных действий, так что мы можем изображать кого угодно, хоть принцев крови. А английским языком мы владели довольно сносно, так что, найдись здесь какой-нибудь полиглот, проверку пройдем.

Минут через пятнадцать прибежал запыхавшийся Тимоха и с порога прокричал:

– Государь просит прибывших быть его гостями и присоединиться к трапезе!

Штаб-квартира Дмитрия размещалась в добротном купеческом тереме, стоящем на каменном подклете. Нас провели в просторную горницу с низким потолком. За длинным дубовым столом сидело человек двадцать, судя по одежде – поляки, казаки и пара-тройка местных. Во главе стола сидел молодой человек, столь хорошо знакомый нам по видеозаписям, но совершенно не похожий на свой известный портрет.

– Welcome, gentlemen! Won't you sit down to the table!²⁹ – практически без акцента сказал Дмитрий, делая приглашающий жест. Нам освободили места по левую руку от царевича. Мы сели на скамью, и слуга тут же поставил перед нами кубки и тарелки, ножей и вилок здесь не водилось.

– Thank You for Your hospitality, Your Majesty! – начал я на прекрасном языке Шекспира³⁰, с оксфордским произношением, поставленным высокооплачиваемыми репетиторами. – My name is Sergey, I am a son of baron Winter, and these gentlemen are my younger brothers Harold and Michael. We arrived here to offer You our swords in the great cause of liberating Moskovia from the usurper³¹.

Дмитрий наморщил лоб, видимо, пытаясь перевести мою тираду. Наконец ему это удалось, и он, улыбнувшись, задал вопрос:

– What brings the sons of an English baron to our part of the world?³²

– We are younger sons and have no hope of getting any inheritanse, since youth we earn our living with our swords. There being peace in our country, we had to leave for the continent where wars are always waged. Last place of our service – Moritz Orange's army. I and Harold commanded cavalry companies, and Michael was in command of an eight-cannon battery.

We fought with Spaniards at Newpor-city. After the end of hostilities we wished to enlist in the army of king Sigismunde of Poland, but in Riga we heard, that the most experinced and skilful men of courage have gone to help the Russian tsarevitch to dethrone the usurper. We decided that our swords will not be superfluous on this expedition!³³

²⁹ Добро пожаловать, господа! Присаживайтесь за стол! (англ.)

³⁰ Английский язык времен Шекспира (XVI–XVII века) несколько отличался от современного.

³¹ Спасибо за гостеприимство, государь! Меня зовут Сергей, я сын барона Винтера, а это мои младшие братья, Гарольд и Майкл. Мы прибыли сюда, чтобы предложить свои мечи и руки, для помощи великому делу освобождения Московии от узурпатора (англ.).

³² Что привело сыновей английского барона в наши края? (англ.)

³³ Мы младшие сыновья барона, наследства нам ждаться не приходится, с юности мы зарабатываем на жизнь своим воинским умением. На нашей родине сейчас мир, пришлось ехать на континент, там всегда хватает войн. Последнее место нашей службы – войско Морица Оранского. Я и Гарольд командовали конными ротами, а Майкл – восьмиорудийной батареей. Участвовали в битве с испанцами при городе Ньюпор. После окончания боевых действий хотели поступить на службу к королю польскому

Дмитрий хмыкнул и пересказал присутствующим мой рассказ. Его соратники, узнавшие, что их назвали «опытными и умелыми храбрецами», заулыбались, и стали посматривать на нас уже не так настороженно. Чтобы усилить позитивное впечатление, я добавил по-русски:

– И мы рады видеть этих храбрецов воочию! – Что тут началось, молодые командиры, поляки и казаки повскакивали с мест, стали наперебой хлопать нас по плечам, предлагать выпить, орать, что мы тоже парни не промах, раз решили к ним присоединиться. Ледок недоверия был окончательно сломлен!

Прерванный нашим появлением обед возобновился. Ели горячие копченые колбасы, свиные окорока, каких-то жареных птичек, печеных гусей и вареных кур. Гарниром были каши, гречневая и перловая, тушеная и квашеная капуста, пареная репа. Пили довольно мерзкое вино, но зато литровыми ковшами!

Дмитрий вполголоса расспрашивал нас об организации армии у Морица Оранского, о боях с испанцами, о вооружении и снаряжении противоборствующих сторон, о нюансах новой линейной тактики. Он все больше и больше начинал мне нравиться, умный и эрудированный во многих сферах молодой человек. Этот разговор развеял последние сомнения по поводу целесообразности проводимой акции.

На следующий день, с утра нас попросили продемонстрировать привезенные штуцера и пистолеты. Такого оружия здесь, естественно, и не видели, но мы спокойно выдали его за последнее изобретение голландских оружейников. Кремневки, конечно, не «СВД», но по сравнению с фитильными пищалями они были как пулемет Калашникова в сравнении с пулеметом Максима. Хотя отличный стрелок и из пищали мог показать неплохой результат. Казаки и польские шляхтичи, все сплошь профессиональные воины, не смогли удержаться и стали показывать друг другу свое искусство стрельбы. Мы с друзьями тоже не остались в стороне и смогли продемонстрировать неплохую меткость. Гвалт стоял невероятный. Все наперебой восхищались новым оружием. Ну, еще бы, штуцер прицельно бил на триста шагов, а пистолет на пятьдесят. На перезарядку уходило всего тридцать секунд.

После того как мы сообщили о том, что в нашем распоряжении еще около двухсот таких ружей, наш авторитет поднялся до небес. А демонстрация ручных гранат, наверное, вознесла еще выше! Ближе к полудню, когда стал стихать стихийный митинг, Дмитрий пригласил нас к себе для серьезного разговора. В горнице вместе с ним были только Юрий Мнишек да два казацких и один польский полковники. Мы тут же вручили царевичу комплект доспехов, а его сподвижникам сабли «дамасской» стали.

– Сегодня я убедился, господа, что вы отличные бойцы и весьма предусмотрительные люди. Огромное вам спасибо за оружие! Получите за него полновесным золотом! Но вы же еще и опытные командиры, – начал Дмитрий, – сейчас в моем распоряжении совсем мало войск, и все командные должности заняты. Но ко мне постоянно стекаются добровольцы из местных жителей и людей, бежавших от Годунова. Возьмите на себя формирование и обучение из них пехотного полка, по типу тех, что существуют в нидерландской и немецких армиях. Сумеете справиться, я отблагодарю вас по-царски! Беретесь за дело?

– Думаю, да! – ответил я. – Когда приступать?

– Прямо сегодня! – ответил Дмитрий. – После обеда мы соберем всех желающих вступить в полк на площади. Вы перепишите людей, разделите их на роты. Огневого оружия сейчас нет, ваши мушкеты я раздал по сотням и хоругвям, но можете наделать пик, наконечников кузнецы сделали много. Как только будет возможность, дам вам огнебой!

Сигизмунду, но в Риге узнали, что самые опытные и умелые храбрецы отправились помочь русскому царевичу свергнуть узурпатора. Мы решили, что в этой экспедиции не будут лишними и наши клинки! (англ.)

– Мы их можем вооружить мушкетами за свой счет, – внезапно сказал по-русски Горыныч, который по легенде языком почти не владел, – есть у нас и пара пушечек, мы их по дороге сюда в лесу сховали. Все сделаем в лучшем виде, государь, не сомневайся!

Дмитрий и его командиры посмотрели на Гарика с некоторым обалдением. Мало того, что заговорил, так еще и про пушки наплел. Но протеста это не вызвало. Раз обещает человек, значит, имеет на то основания!

Мы обсудили с царевичем и полковниками еще некоторые детали, касаемые нового полка. В частности, добились права самим решать все кадровые вопросы в командном составе. Обсудили вопросы пищевого и вещевого довольствия. С прокормом проблем не было, а вот обмундированием своих людей нам было предложено заняться самим. Денежный оклад солдатам был положен три рубля в год, взводным пять рублей, ротным десять рублей, а нам по сто рублей. После победы нам обещали обширные земельные угодья и премию в 3000 золотых. Пообедав с Дмитрием и его соратниками, мы пошли на площадь, набирать людей.

– Чего ты нес?! – шепотом возмущался я. – Какие, на хер, пушечки? Ты чего, войну решил развязать? Здесь больше военных действий не будет! Скоро Годунов умрет, и бояре начнут переходить на сторону Дмитрия! Нам бойцы понадобятся только для уличных боев! Зачем нам пушки?

– Не ори на меня, баронская морда! – тоже шепотом отвечал Горыныч. – Мало того, что роль у меня без текста, так еще и повоевать нормально не дают! Если мы припррем сюда пару шуваловских «единорогов», то в уличных боях можем обходиться без пулеметов! Занять перекрестки, и стреляй вдоль проспектов картечью! Это же основы тактики, блин!

– Хватит собачиться, британцы хреновы! – вмешался в нашу ссору Мишка. – Гарик прав, пушки понадобятся, но как мы замотивируем их появление? Они здесь по дорогам не валяются! А в то, что мы привезли их из Голландии, нормальные люди не поверят!

– Ну так поверили же, что мы привезли оттуда две сотни ружей! – сказал я, немного успокоившись. – Здесь верят в то, что видят!

– Ладно, припррем пушки, а уж потом будем думать, какую лапшу всем на уши вешать! – сказал Горыныч.

На площади нас ждали добровольцы. Около четырехсот здоровых мужиков, в основном беглые холопы. Многие кое-как вооружены. Почти все сбиты в небольшие группы, с выборным атаманом. Эти банды и стали организационными единицами, отделениями и взводами. Все оставшиеся одиночки выбирались взводными командирами. Вскоре бесформенная толпа была разделена на три ротные колонны и особый взвод. В последний попали те, кто имел хоть какой-нибудь военный опыт. Таких набралось два десятка. Закончив организационное деление, мы стали выстраивать солдат, чтобы произвести перепись и подсчет. С этим мы проваландались до самого вечера. Общая численность полка составила 438 человек, так что правильной было бы назвать его батальоном. Но мы предполагали непрерывное пополнение новыми добровольцами. Назначив общий сбор на следующее утро, мы распустили новобранцев по домам. Своих казарм у свежесформированного подразделения пока не было.

На следующий день мы собрали свой полк за городом, в поле. Затем я с коня толкнул перед солдатами небольшую речь, повествующую о моем с братьями славном боевом пути, и кратко обрисовал перспективы дальнейшего сотрудничества. Бойцы уже были наслышаны, а многие вчера были свидетелями наших боевых талантов, так что описание подвигов, совершенных на берегах северных морей, было выслушано весьма внимательно. А после заявления о тотальном вооружении огнестрельным оружием послышались восторженные крики. Мишка отобрал полдесятка мужиков и, прихватив из городка два десятка саней, отправился к месту высадки за оружием.

Сменивший меня перед полком Гарик, выполняя директиву генералиссимуса Суворова «всяк солдат должен знать свой маневр», объяснил бойцам, что новейшей тактикой сейчас

является линейная. А для ее применения необходимо научиться грамотным перестроениям и меткой стрельбе. Это было воспринято нашими подчиненными с пониманием.

Не откладывая, мы с Гариком тут же начали строить солдат в колонны. Первейшим делом нужно было научить солдат запомнить свое место в строю. Мы не делали упора на хождении в ногу и строгом равнении рядов. Этому можно обучить потом, когда будут освоены основные приемы взаимодействия в составе рот или взводов. После полудня пришлось выделить группу кашеваров и отправить их с запиской к Мнишеку, который занимал в войске Дмитрия должность начальника тыла. Часа через два полк был накормлен горячим обедом. Разносолов, как на вчерашнем пиру у царевича, не было, поели простой гречневой каши с хлебом. Удивительно, но то, что мы с Горынычем ели вместе с солдатами из одного котла, сильно прибавило нам уважения.

После обеда учение пошло поживее, и к вечеру мы добились, что перестроение полка в роты и обратно уже не превращало подразделение в толпу. Из общей массы людей выделилось несколько толковых парней. Мы с Гариком решили присмотреться к ним повнимательнее. Нужны были хорошие командиры рот, а в будущем – батальонов.

Наутро грянула оттепель, температура поднялась почти до нуля, и учение пошло гораздо быстрее, ведь теперь не нужно было каждый час отогреваться у костров. Доставшиеся нам мужики вообще оказались очень понятливыми. А так как мы подробно объясняли перед каждым заданием, для чего нужно то или иное построение, то солдаты осмысленно старались делать все правильно. В этот день мы добились быстрого развертывания из походной колонны в четырехшеренговые линии. Уже в сумерках стали отрабатывать смену шеренг, но тут уставшие за день бойцы начали путаться. Пришлось дать людям передышку. В этот момент послышался скрип полозьев и топот коней. Из леса показался санный обоз. Во главе ехал Мишка. Привезенное и тут же розданное оружие воодушевило солдат. Усталости как не бывало. Мы немедленно приступили к подготовке завтрашних стрельб. Собирали людей повзводно и дотошно вдалбливали им, как заряжать, целиться и стрелять из новых мушкетов. Потом весь полк занялся изготовлением мишеней. Расходились уже в полной темноте.

Вечером, за ужином, Суворов рассказал нам, что после выгрузки оружия и боеприпасов свернул «окно» со стороны «базовой» и вместе с Марией смотался под Киев, где в одной из воинских частей совершенно официально проходила распродажа армейского обмундирования советских времен. Там они по дешевке купили полтысячи шинелей. А также приценились к кирзовым сапогам, летним хэбэ-комплектam, валенкам, ушанкам и тому подобным вещам. Шинели Мишка привез с собой, а за всем остальным нужно было снова гнать машину. На этот раз вызвался Гарик. А Бэдмен объявил, что с завтрашнего дня займется подготовкой отдельного взвода и превратит его в подразделение специального назначения.

Где-то через пару месяцев Дмитрий решил устроить нашему полку большой смотр. Конечно, он и до этого частенько приезжал посмотреть на маневры, но в этот раз мы готовились показать государю все свое уменье. За прошедшее время из массы неуклюжих мужиков выросло полноценное боевое соединение, готовое к выполнению любых задач. Причем количество новобранцев увеличилось в полтора раза, роты пришлось развернуть в батальоны. Кроме оружия и боеприпасов мы за несколько ходок сумели натаскать в семнадцатый век огромное количество снаряжения и обмундирования. Так что теперь солдаты щеголяли в новеньких шинелях советского образца, шапках-ушанках и валенках. Перепоясаны наши бойцы были офицерскими ремнями, на которых висели кожаные подсумки и штык-ножи. А в небольшом обозе размещались комплекты летнего обмундирования, яловые сапоги, запас тушенки, крупы и муки, четыре полевые кухни.

Мы так и не стали обучать солдат хождению в ногу, но что удивительно – через некоторое время солдаты при выполнении перестроений сами, без всякого давления с нашей стороны, стали двигаться синхронно.

Научить вчерашних крестьян метко и быстро стрелять, выполнять перестроения, драться штыком и прикладом было чрезвычайно сложно, но некоторых успехов мы добились. Но самым сложным оказалось заставить мужиков почувствовать себя воинами, способными достойно встретить любого врага.

Маневры начали ранним утром, еще затемно. Дмитрий с сопровождающими разместился на невысоком холмике. Я был с ним, чтобы пояснять действия бойцов по ходу дела. Гарик командовал пехотой, а Мишка – разведчиками и артиллерией. Перед холмом простиралось обширное поле. По правую руку от него, на опушке леса, были выставлены полторы тысячи мишеней. Полк в походной колонне вышел слева, из небольшой рощицы. Перед ним скакали конные разведчики. Заметив на опушке «противника», кавалеристы тут же доложили об этом командиру. Раздался свистком, и полк за пять минут развернулся в боевое построение, побатальонно в две линии, по четыре шеренги в каждой. Пушки разместились в центре и на флангах. Несмотря на глубокий снег, скорость движения была довольно высокой. Сблизившись с «противником» на триста метров, Мишка приказал артиллеристам открыть огонь. Орудия дали два залпа картечью, с промежутком в минуту. Затем по мишеням отстрелялись четыре шеренги первой линии. В атаку же пошла вторая линия с неразряженными мушкетами. Приблизившись к врагу на сто метров, они дали четыре залпа, примкнули штыки и бегом преодолели оставшееся расстояние. Дмитрий внимательно смотрел на опушку леса в подзорную трубу. Но и простым взглядом было заметно, что целых мишеней уже практически не осталось.

– Впечатляет! – повернулся ко мне царевич. – Меткая стрельба! И такого успеха вам удалось достигнуть за такое короткое время! С крестьянами!

– Во все времена основной массой любой армии были крестьяне! – ответил я.

– Не скромничайте, Винтер! – сказал Дмитрий. – От командиров тоже многое зависит! Что вы нам еще сегодня покажете?

– Сейчас полк сделает построение, называемое «каре». При этом можно держать круговую оборону. Обоз и артиллерия в центре, – начал объяснять я. Полк быстро перестроился. – А сейчас, господа, надо проследовать в дальний конец поля, там подготовлена укрепленная позиция, и наш полк изобразит штурм.

Все сели на коней и последовали в указанном направлении. Полк перестроился в три штурмовые колонны, артиллерия выдвинулась вперед. Укрепление представляло собой земляной вал, длиной сто метров, с частоколом поверху и низкими деревянными башнями на краях. Перед валом находился трехметровый ров. Пушки дали залп, левая башня разлетелась вдребезги, затем второй залп – конец правой башне. Третий залп проделал в частоколе несколько проломов. Полк пошел на штурм. Приблизившись на сто пятьдесят метров, задняя линия открыла беглый огонь. Под их прикрытием первая линия добежала до рва и забросала его связками хвороста. Прозвучал сигнальный свист. Огонь стих. Солдаты пересекли ров и по приставным лестницам и через проломы ворвались внутрь укрепления. Весь штурм занял не больше пятнадцати минут.

– Великолепно, Винтер, вы с братьями отлично поработали! – Дмитрий не мог сдержать удивления. – Ваши люди работают слаженно, как один человек. Пожалуй, то, что вы решили присоединиться ко мне, – немалая удача!

– Но, государь, только вы можете правильно воспользоваться плодами наших трудов! – сказал я. – Мы с братьями верим в правоту вашего дела и готовы и дальше удивлять вас! А теперь, по английскому обычаю, надо провести церемонию присвоения полку имени и вручения боевого знамени.

Этот «английский» обычай придумала Маша, она же разработала эскиз знамени. Гарик уже привез его из последней ходки на «базовую».

Полк построился в парадный расчет. Солдаты, вчерашние крестьяне, уже почувствовав себя людьми другой формации, решили щегольнуть выправкой, стояли навытяжку и старательно держали строй.

Царевич тоже проникся торжественностью момента. Приняв у подошедшего Гарика полковое знамя, Дмитрий развернул его, и по шеренгам прокатился вздох восхищения. Да, Машенька не подкачала! Знамя действительно получилось великолепным! На черном поле сверкал золотой Андреевский крест. В центре креста помещался лик Спасителя. В верхнем поле было вышито красным шелком: «1-й Ударный полк Русского ополчения». В нижнем поле золотом был выведен девиз: «С нами Бог, кто против нас!» Навершием флага стока служил серебряный двуглавый орел, размером с кулак.

Весь полк в едином порыве рухнул на колени. Я с «братьями» тоже опустил на одно колено. Царевич подошел к нам со знаменем. Он, видимо, хотел сказать какие-нибудь соответствующие случаю слова, но не смог из-за волнения. Краем глаза я увидел, что на лице Вишневецкого, Криницкого, атамана Заруйко и некоторых других польских и казацких полковников блеснули слезы. Только пан Мнишек остался невозмутим.

– Клянемся тебе, государь, перед Господом нашим, чей светлый лик изображен на этом знамени, что не посрамим сей стяг и всегда будем с честью нести его от победы к победе! – вдруг прорвало Горыныча. – Клянемся верой и правдой служить тебе и Земле Русской!

По рядам солдат нестройно, но многоголосо пронеслось: «Клянемся, клянемся!!!»

Глава 15

С момента нашей высадки в семнадцатом веке прошло уже четыре месяца. Все шло по плану. Из-за постоянного притока добровольцев пришлось формировать еще один полк, названный 2-м Ударным. В прилегающих к Путивлю областях вовсю свирепствовали «зондеркоманды» годуновцев. По доходившим до нас сведениям, села и городки, присягавшие Дмитрию, подвергались тотальному уничтожению. Людей без разбора убивали, строения сжигали. Уцелевшие целыми деревнями бежали под крыло царевича.

В этой обстановке мы с «братьями» внесли на военном совете предложение – посылать для отпора отрядам «зачистки» наши войска. Полякам и казакам было по большому счету наплевать на русских крестьян, и стремления защитить их они не испытывали. Поэтому на «антитеррористические операции» было решено посылать солдат из нашего полка.

Из самых лучших бойцов был набран отдельный батальон. Для мобильности все люди были посажены на коней. На задания солдат водили попеременно Мишка и Гарик. За первые две недели им удалось разгромить несколько «бандформирований» противника численностью до двух сотен человек. А на остальных навести такого страха, что мелкие отряды годуновцев уже не отваживались соваться на нашу территорию. Имея постоянное пополнение хорошо обученных бойцов из пехоты, конный батальон вскоре разросся до размеров полка. Его стали именовать 1-м Драгунским. Вскоре постоянное командование над ним принял Майкл Винтер, Гарольд Винтер взял под свою руку 2-й Ударный. В мае драгуны вообще не слезали с коней, пехотные полки тоже стали попеременно уходить в глубокие рейды. При одном только виде черного знамени с Андреевским крестом правительственные войска предпочитали отступать.

В конце мая разведка донесла, что под городом Кромы, где засело несколько сотен верных Дмитрию людей, сосредоточивается большое правительственное войско. Мы с ребятами не особенно беспокоились по этому поводу, зная, что вскоре командующий этой армией боярин Басманов перейдет на сторону Дмитрия. Сам царевич приказал выдвигаться к Добрыничам. Какое-то время он простоял под этим городком, непрерывно высылая агитаторов в войска противника. Мы с Гариком и Мишкой ждали смерти Годунова. Но произошло странное событие – в назначенный день Годунов не умер. Мало того, он провел основательную чистку среди командного состава, казнив князей Голицыных, Салтыкова и братьев Ляпуновых и еще несколько десятков сомневающихся. Простым воинам было выплачено жалованье, и они даже думать перестали о переходе на сторону Дмитрия.

Действо начало принимать неожиданный оборот. Стало ясно, что без боя нам царевича на трон не посадить. Но даже с нашей помощью это было весьма затруднительно – несмотря на прибытие нескольких тысяч казаков, верные Годунову части почти вчетверо превосходили войско царевича численностью. Мало того – командующим был назначен Михаил Скопин-Шуйский, молодой и талантливый военачальник. Мы с ребятами прекрасно знали, каким опасным он может быть противником. Именно в такой обстановке противоборствующие стороны встретились на реке Кроме.

Три дня мы были в перестрелке... Перед генеральным сражением Дмитрий и Михаил тщательно прощупывали друг друга. Оба прекрасно понимали, что этим боем может быть решена судьба всей кампании. Наконец под прикрытием тяжелых орудий саперы Скопина-Шуйского стали наводить переправу. С нашего берега ответили три десятипушечных батареи. Разбросанные вдоль берега стрелки поражали строителей моста прицельным огнем. К вечеру от переправы остались только рожки да ножки, почти все тяжелые орудия годуновцев были уничтожены. Потеряв три сотни человек, Скопин-Шуйский отвел свои войска от берега. Мы торжествовали, но радость была недолгой. Наутро на нашем правом фланге были обнаружены крупные соединения правительственных сил. Оказалось, что лобовая переправа была

отвлекающим маневром, а основная – осуществлена пятью километрами ниже по течению. Умница Скопин-Шуйский переиграл нас.

Нам осталось только принимать бой в очень невыгодном для нас положении. Уже к полудню разбитый вчера мост был восстановлен, и основная часть годуновцев переправилась на правый берег, охватывая полукольцом наш укрепленный лагерь. Началась артиллерийская дуэль. Здесь преимущества были на нашей стороне. Наши пушки значительно превосходили по тактико-техническим характеристикам здешние, да и подготовка расчетов была на высоте. Поняв, что пальбой он ничего не добьется, Михаил начал атаку.

Фронтальная часть нашего укрепления состояла из неглубокого рва, земляного вала и частокола, а боковые были просто прикрыты рогатками. Фронт удерживал я с 1-м Ударным полком, а левый и правый фасы соответственно Бэдмен со своими драгунами и Горыныч со 2-м Ударным. Вот по флангам Скопин-Шуйский и нанес основной удар, а на центральном участке годуновцы просто имитировали наступление, видимо, имея целью связать боем наши войска. Но воеводу ждал большой сюрприз. Рассчитывая одним рывком преодолеть заграждения и завязать рукопашную, что при громадном численном преимуществе годуновцев было бы для нас концом, Михаил продумал все правильно. Не смог он учесть только одного фактора – наша армия были вооружена невиданным здесь оружием. Уже на расстоянии трехсот метров правительственные войска стали нести огромные потери от беглого ружейного и орудийного огня. Атака захлебнулась. Поняв это, Михаил попытался отвести свои полки. Прекрасно контролируя обстановку, Дмитрий скомандовал общее наступление.

Я вывел свой полк за частокол. За минуту солдаты построились в две четырехшеренговые линии. Недаром мы муштровали их ползими, а потом всю весну водили в рейды. Над рядами взметнулось черное знамя с косым золотым крестом. Размеренным шагом мои бойцы двинулись на сближение с противником. Я с ротой конных разведчиков двигался на правом фланге. Изрядно прореженные полки годуновцев попятнулись, кто-то в панике бросился к переправе. Слышу в наушнике подшлемной гарнитуры голос Гарика: «Мы пошли!»

Ну, понеслась! Даю сигнал свистком. Четыре залпа первой линии, перестроение. В рядах противника зияют дыры, возле переправы уже настоящее столпотворение. Сигнал, и вторая линия бегом бросается в атаку. До врага уже пятьдесят метров, четыре залпа и удар в штыки. Годуновцы не выдерживают и бросаются в бегство. Но бежать особо некуда – позади река. С переполненного моста десятки человек падают в воду. С берега тысячами бросаются в плывь. Но еще держится конный полк под личным командованием Скопина-Шуйского. Только один этот полк по численности больше моего раза в два. Но моих сегодня не удержать. Пехота с разбегу врывается в ряды конников. Подоспевшая первая линия открывает беглый огонь. На всадников жалко смотреть – они гибнут сотнями. Я отдаю приказ вестовому, и через три минуты из лагеря на рысях прибывает десятипушечная батарея. Но ее помощь уже не нужна – строй годуновцев прорван. Мои солдаты орудут штыками на мосту. Направляю в прорыв резервный батальон. Армия Михаила разрезана пополам. Орудия разворачиваются жерлами на гигантскую массу прижатых к берегу людей. Пара залпов картечью, и по реке поплывут тысячи трупов. Но я пока не отдаю такой приказ. Это ведь тоже русские. Может быть, все-таки сдадутся. Интересно, а как дела на флангах?

– Переправа захвачена! Строй противника рассечен! – говорю я в микрофон. – Что там у вас?

– У меня полный порядок! – первым откликается Мишка. – Противник в панике бежит, я преследую!

– Не увлекайся особо! – советую я. – У них здесь народу, как грязи, увязнешь!

– У меня небольшая проблема! – подал голос Гарик. – Пошла рукопашная, а сломить врага никак не удастся. Не хочу я зря бойцов губить. Серега, если есть возможность, помоги огоньком с фланга!

– Сейчас, Гарик, посылаю пять орудий и роту из резерва! – ответил я, отдав необходимые распоряжения.

А между тем на моем участке сопротивление полностью прекратилось. Годуновцы начали складывать оружие. Я послал взвод разведчиков поискать воеводу. Минут через пятнадцать Михаил Скопин-Шуйский был найден. Держался молодой военачальник молодцом: плечи расправлены, голова гордо поднята.

– You perfectly battled, but the god today on our party!³⁴ – сказал я, принимая из его рук саблю.

– You, probably, also are the well-known baron Winter?³⁵ – вежливо кивнув, спросил воевода.

– When it I have had time to become famous?³⁶ – удивился я.

– Be not over-modest, baron, about your spring campaigns already compose legends! You managed to be in two places simultaneously!³⁷

– It is strongly exaggerated, as in any legend. Actually here with me two brothers.³⁸

– In that case I even am glad, that for me this war is already finished. At once three excellent commanders, instead of one is already too!³⁹

Когда с обменом любезностями было покончено, я приказал отвести воеводу в свою палатку. Один из батальонов пришлось целиком привлечь для конвоирования многочисленных пленных. Отправленная на другой берег разведка донесла, что уцелевшие улепетывают со всех ног, даже не помышляя об отпоре. Получив это известие, я тут же приказал первому батальону переправляться. Два оставшихся были развернуты на фланги. Через час Мишка и Гарик сообщили, что противостоящие им войска частично уничтожены, частично рассеяны, но большая часть взята в плен. Теперь за фланги можно было не беспокоиться, и оба моих батальона тоже ушли на левый берег с приказом выдвинуться километров на пять в сторону Орла. Вскоре появились «братья» Винтеры. Они оставили по одному батальону для прикрытия флангов и привели к переправе свои основные силы.

Мимо нас с гиканьем и свистом проскакало несколько тысяч казаков и шляхтичей. Кажется, сегодня им так и не удалось помахать саблями. Кто по мосту, а кто вплавь переправившись на левобережье, они начали азартно грабить опустевший лагерь годуновцев.

В наших полках дисциплинка была на высоте. Перейдя реку, никто из солдат даже не посмотрел в сторону бесхозного имущества. Выслав разведку, выделив команды для сбора раненых, убитых и трофейного оружия, мы с друзьями расположились на маленьком холмике у дороги. Один за другим подъезжали вестовые с донесениями от наших комбатов. Для такого боя потери были невелики. Из пятнадцати тысяч первоначального состава трех полков мы потеряли 282 человека убитыми и 740 ранеными. В плен было взято больше десяти тысяч человек, и это количество непрерывно увеличивалось. О захваченных пушках, пищалях и саблях мы даже не стали слушать, для нас это был бесполезный хлам.

Решив отметить столь чудесную викторию, мы с друзьями достали бутылку армянского коньяку. Но не успели мы еще налить и по стаканчику, как нам сообщили о прибытии царевича. Подъехал Дмитрий, сверкая подаренными нами доспехами и белозубой улыбкой, в окружении ближних и сотни охраны. Будущий император раскраснелся от удовольствия и жаркого

³⁴ Вы отлично сражались, но бог сегодня на нашей стороне! (англ.)

³⁵ Вы, наверное, и есть знаменитый барон Винтер? (англ.)

³⁶ Когда это я успел прославиться? (англ.)

³⁷ Не скромничайте, барон, о ваших весенних походах уже слагают легенды! Вы умудрялись быть в двух местах одновременно! (англ.)

³⁸ Это сильно преувеличено, как в любой легенде. На самом деле здесь со мной два брата (англ.).

³⁹ В таком случае я даже рад, что для меня эта война уже закончена. Сразу три отличных полководца вместо одного – это уже чересчур! (англ.)

майского солнца. Радостно поздравив нас с победой, царевич мельком глянул в сторону разграбляемого лагеря и заметил, что нет у него воинов более умелых и надежных, чем мы. Я краем глаза заметил косой взгляд Мнишека, брошенный в нашу сторону. Кажется, мы нажили себе нешуточного врага. Ведь раньше наиболее надежной частью войска считалось несколько сотен польской и литовской шляхты, чьими представителями были Вишневецкие и Мнишек, а теперь «у трона» появилась новая сила, способная повлиять на решения молодого царевича.

Спонтанно начавшийся военный совет быстро принял решение организовать стратегическое преследование разбитого противника. Улучив минутку, я приватно посоветовал Дмитрию немедленно, пока люди не оправались от шока, вызванного поражением, начать обработку пленных, с целью привлечь их на нашу сторону. Царевич согласился с моими доводами. Прекрасно зная его харизматическое обаяние, я не сомневался в успехе.

На следующий день большая часть пленных принесла присягу сыну Ивана Грозного, в их числе и Михаил Скопин-Шуйский. Все они были отданы под руководство Винтеров. Сам царевич со всей конницей, включая Драгунский полк, ускоренным маршем двинулся на Москву, чтобы не дать возможности Годунову собрать новое войско. Пехота осталась на месте для переформирования. Нам с Горынычем пришлось хорошенько напрячь мозги, продумывая организационную схему новых подразделений. С одной стороны, нам не хотелось иметь малобоеспособное, аморфное войско. Но, с другой стороны, было бы ошибкой нарушить сложившийся состав 1-го и 2-го Ударных полков, направляя опытных бойцов в новые части. Пришли к такому решению: каждая рота Ударного полка выделяла один взвод, на базе которого разворачивалась рота новобранцев. А место опытного взвода занимал учебный. Таким образом численный состав Ударных полков остался неизменным, и боеспособность практически не нарушалась. Зато в новых частях четверть состава состояла из инструкторов.

Только в середине июня переформированные полки пехоты выступили в поход. Время, потраченное на подготовку, не прошло впустую. Теперь каждый солдат-новобранец знал свое место в строю. Кроме бывших пленных, к нам прибыло несколько тысяч беглых крестьян и посадских. Теперь общая численность пехотных полков составляла больше двадцати пяти тысяч. С такой силой вполне можно было установить любой порядок на территории России.

Двигались мы не спеша, делая всего по двадцать-тридцать километров в день. На дневном и вечернем привалах проводились строевые занятия и стрелковая подготовка. Запас егерских мушкетов уже давно иссяк, но завозить новые мы не стали. Было решено организовать местное производство сразу по приходе в Москву. Ежедневно мы с Гариком вели долгие беседы с Скопиным-Шуйским. Историки, расхваливающие его, не вдали. Этот молодой воевода действительно был чрезвычайно умным, эрудированным, нешаблонно мыслящим человеком. Он на лету схватывал нюансы новой тактики, проистекающей из дальнейшего развития стрелкового оружия. И если мы с Гариком оперировали готовыми тактическими схемами, почерпнутыми из военных энциклопедий, то Михайло с ходу мог придумать что-то новенькое. Складывалось ощущение, что линейные построения не стали для воеводы откровением, зато привнесенные нами методы снабжения и тылового обеспечения войск повергли в шок. К чести Скопина-Шуйского, нужно сказать, что он сумел быстро привыкнуть к новому оружию, униформе, снаряжению, а на полевую кухню перестал таращиться уже через два дня. К тому же Михаил был просто приятным собеседником, прекрасно говорящем на нескольких языках, любопытным до любой информации, которую мы выдавали за новости из-за границы. Подаренный ему трактат Сунь-Цзы и Машино сочинение «Характер операций современных армий», являющийся выполненной по военным хроникам семнадцатого-восемнадцатого веков копией одноименного труда Триандафилова, Скопин-Шуйский изучал, как Библию. Ну а общение с нами даром никому не проходит, и вскоре Михайло стал своим в доску парнем. Теперь мы знали, на кого оставим армию в этой реальности после нашего возвращения.

Ушедший со своими драгунами Бэдмен регулярно докладывал по рации о легком продвижении. Сопротивления никто не оказывал. Москва была сдана без боя. Пятого июня Дмитрий торжественно вступил в столицу. Так никем и не отравленный Годунов, поняв бессмысленность своего дела, добровольно подписал отречение. Никаких репрессий Дмитрий не проводил. Одиозные фигуры прежнего режима были отправлены в ссылку, в свои имения. Простым народом первые шаги царевича на новом поприще были восприняты весьма одобрительно. Все уже устали от рек крови, проливаемых на Руси последние десятки лет. В новом царе чаяли видеть по-настоящему милостивого государя. Дмитрий полностью оправдал возлагавшиеся на него надежды.

Сразу после торжественной коронации в Успенском соборе на головы народа, как из рога изобилия, посыпались царские указы. Все репрессированные при Годунове и Грозном возвращены из острогов и поселений. Конфискованное имущество возвращено прежним владельцам. Выплачены все государственные долги, некоторые еще времен Ивана Третьего. Получили свободу все царские холопы. Объявили также полную свободу торговли и ремесел. Был разрешен свободный въезд и выезд из страны. Поступил также запрет на поиск и поимку беглых (Дмитрий прекрасно помнил, что большая часть его армии состоит именно из них).

Передавший нам последние новости Бэдмен добавил, что при оглашении этих указов стояла гробовая тишина. Такого никто не ждал. Но буквально на следующий день москвичей ждало еще одно потрясение. В город вошли пехотные полки. Посмотреть на это собралось больше народу, чем при въезде в Москву Дмитрия. С развернутыми знаменами, печатая шаг (научились-таки ходить в ногу, черти, причем без всякого «сена-соломы»), колоннами по четыре в ряд входили в столицу люди, полгода назад отчаянно бросившиеся в водоворот гражданской войны и сумевшие выбраться из него победителями. Горожан поражало буквально все – стройность рядов, непривычно легкие на вид ружья, одинаковые на всех, серо-оливковые мундиры странного покроя. Сначала по толпе прошел слух, что идут немцы. Но на реплики и вопросы зевак наши солдаты отвечали шутками-прибаутками на обычном русском языке. Я, Горыныч и Скопин-Шуйский ехали во главе колонны 1-го Ударного полка. Михаила знало в лицо большое количество народа, и появление воеводы рядом с нами породило массу самых нелепых слухов.

Царь Дмитрий Первый встречал нас у Кузнецкого моста. Эта выходка самодержца наверняка была грубейшим нарушением дворцового этикета. Подозреваю, что причиной выезда царя стало желание полюбоваться на верные ему войска. Здесь же, у моста, при всем присутствующем народе Дмитрий объявил о награждении братьев Винтеров поместьями и угодами, деньгами и ценными подарками. Командиры батальонов Ударных полков были возведены в дворянство и тоже пожалованы поместьями. Все солдаты были жалованы тремя рублями, грандиозной по тем временам суммой.

Все понимали, что присутствуют при зарождении армии нового типа, призванной стать гарантом порядка царствования молодого государя. Воодушевление горожан и солдат не было показным. Казалось, ничто не предвещает бури.

Глава 16

Беда, как обычно, пришла неожиданно. Мы ждали восстания в мае 1606 года, а беспорядки начались уже в сентябре 1605. Нельзя сказать, что это событие было для нас полностью внезапным. Кое-какие приметы указывали на бурную деятельность братьев Шуйских с середины августа. Да и Михайло несколько раз предупреждал, что его дядьки готовят какую-то пакость. Так что караулы были усилены, отпуска отменены, войска приведены в готовность номер два. В принципе необходимые приготовления были сделаны, но ожидали мы все-таки небольших возмущений, с криками провокаторов на площадях, буйством оплаченных представителей плебса. Но Шуйские сумели нас удивить. События сразу приняли угрожающий характер.

Я проснулся ранним утром пятнадцатого сентября от резких, пронзительных звуков сигнальных свистков. Погодка была мерзопакостнейшая, шел сильный дождь. Наш лагерь на Воробьевых горах поднимался по тревоге. Изба, где располагался штаб и комнаты высшего комсостава, стояла как раз на месте смотровой площадки базовой реальности, и с этой точки было отлично видно, что в Москве разгораются несколько пожаров. А с веранды в подзорную трубу можно было различить движение серых масс по улицам.

За считанные минуты построены в походные колонны полки уже выступили к городу, а я, Бэдмен, Гарик и Михайло Скопин-Шуйский все еще медлили садиться в седла. Мы вчетвером продолжали стоять под навесом на веранде, бессмысленно вглядываясь в залитую дождем панораму Москвы. Мы понимали, что момент, ради которого и была предпринята столь грандиозная акция, наступил. Но лично от нас теперь мало что зависело. Сейчас войска втянутся в уличные бои, и централизованное управление станет невозможным. Дело должна была решить выучка наших солдат и сообразительность наших офицеров.

Лето прошло спокойно. Еще в июне получив богатые подарки и деньги, вернулись домой помогавшие Дмитрию поляки и казаки. В Москве осталось только человек шестьсот-семьсот шляхтичей, в основном состоящих в личных дружинах Вишневецких и Мнишека. Иностранцы наемники числом до пяти тысяч, получив задолженность по жалованью за несколько лет, были распущены. Большинство уехало из страны в поисках новых приключений, но человек восемьсот, немало обрусевших за годы службы в Москве, влились в Ударные пехотные и Драгунские полки Новой армии. Так теперь называли сформированные нами подразделения, общая численность которых дошла до тридцати тысяч. В июле командармом был назначен Михаил Скопин-Шуйский. Лагерь Новой армии расположился вне стен города, на Воробьевых горах, и был обнесен капитальной дубовой стеной, превратившей его в мощную крепость. В начале августа полотняные шатры и палатки были заменены на избы, так что теперь лагерь стал похож на довольно большой городок. Это впечатление усиливалось грандиозными (по местным меркам) зданиями Оружейного, Пушечного, Порохового и Полотняного заводов. Теперь у нас были свои ружья, пушки, порох, униформа, португалии, седла, сапоги. А ниже по течению реки стояли конный завод и подсобное хозяйство. На следующий год мы планировали строительство Стекольного и Бумажного заводов.

К двум Ударным пехотным полкам прибавилось три простых пехотных, которые стали теперь отличаться от ударных не качеством солдат, а количеством и составом артиллерии. В ударных было три десятиорудийных батареи пушек и одна десятиорудийная батарея гаубиц, а в простых пехотных полках только по две десятиорудийных батареи пушек. Драгунских полков стало три, причем в их составе было по две шестиорудийных батареи пушек.

Официально эта сила готовилась для завоевания Крыма, но готова была дать отпор любому внутреннему врагу, посягнувшему на установившийся порядок. Но до сентября таких не нашлось. И тут сказывалось не только наличие мощной армии, но и проводимая Дмитрием

внешняя и внутренняя политика. За несколько месяцев правления молодого царя страна буквально расцвела. Объявленные свободы промыслов и торговли создали новый средний класс купцов и промышленников. Освобожденные из кабалы крестьяне сумели вырастить невиданный урожай. А Дмитрий с нашей подачи сделал и вовсе невиданное – простил все недоимки, отменил все (!!!) подати и сборы, установив единый подоходный налог. И деньги рекой устремились в опустевшую после раздачи милостей казну.

Так что недовольных, кроме Василия Шуйского и его братца, практически не было. Но эти два прохиндея создали активность, как целая группа оппозиции. Наша агентура постоянно доносила о распространяемых Шуйскими слухах про самозванство нынешнего царя, про якобы нарушаемые Дмитрием православные обычаи, про готовящуюся свадьбу с католичкой. Одновременно Василий стал собирать болтающихся по лесам разбойников, прельщая их возможностью вволю погулять при мятеже. Хотя большая часть разбойников была разогнана рейдовыми группами драгун, но Шуйские все-таки смогли найти достаточное количество людей для своих замыслов.

Вот с этой силой нам и пришлось столкнуться дождливым сентябрьским утром. По только что поступившим донесениям разведчиков перед рассветом в Москву вошло несколько тысяч неплохо вооруженных бойцов. Охранявшие ворота стрельцы пропустили их беспрепятственно. Да три-четыре тысячи Шуйские держали внутри городских стен. Дальнейшие события показали, что на сторону мятежников перешли два стрелецких полка с пушками.

Кремль в эту ночь охранялся 3-м батальоном 1-го Ударного. Наши ветераны легко отразили попытку мятежников прорваться внутрь. Затем комбат Гришка Усатый вскрыл запечатанный пакет. Составленный специально на случай мятежа приказ гласил: обеспечив царю Дмитрию максимальное прикрытие, прорываться вместе с ним из города к лагерю Новой армии. В случае невозможности обеспечить безопасность царя при прорыве, занять круговую оборону и держаться до подхода подкреплений.

Реально оценив обстановку, а Кремль в это время окружало уже тысячи две народу при нескольких пушках, Усатый приказал своим солдатам забаррикадировать ветхие ворота и разойтись по стенам, оставив в резерве одну роту. Узнавший о мятеже Дмитрий стал рваться в бой, но Гришка сумел охладить пыл молодого царя.

Диспозиция на случай восстания у нас была разработана доскональнейшая. На ней вряд ли могло сказаться отсутствие двух драгунских полков, ушедших проводить разведку боем к Перекопу. Хотя наш противник наверняка надеялся, что такая недостача численного состава скажется на боеспособности.

Согласно плану 3-й Пехотный, являясь общим резервом, остался в лагере на случай осложнений. 1-й Ударный, 1-й Пехотный и 1-й Драгунский полки отправились к западным воротам, а 2-й Ударный и 2-й Пехотный к южным. У моста через реку, напротив Чертольских ворот, западную группу ожидал первый заслон мятежников. Тысячи три бойцов при пяти пушках. При нашем приближении переправа взлетела на воздух. Напрасные хлопоты! Такой вариант был предусмотрен. Чуть выше по течению еще летом был незаметно построен плавучий мост, тщательно замаскированный, он дождался своего часа в камышах. Посланная к нему группа через пятнадцать минут донесла, что мост полностью исправен и вскоре прибудет на место.

Развернувшаяся на берегу батарея открыла по мятежникам убийственный огонь. Не призывший к такому сброд стал разбегаться. Драгуны, под прикрытием пушек, вплавь пересекли реку и, мгновенно разогнав уцелевших, заняли оборону, прикрывая плацдарм. Под надежным прикрытием, в спокойной обстановке саперы наладили переправу, и уже через полчаса вся западная группа была на другом берегу. Если Шуйские планировали надолго остановить нас на этом рубеже, то они ошиблись. Вторым препятствием стала довольно крепкая городская стена. Наверху, между зубцами, дымились многочисленные фитили пищалей. Ворота, естественно,

были заперты. Наша артиллерия снова выдвигается вперед. Несколько залпов, и ворота разнесены в клочья, а в стене проделаны два аккуратных, но больших прохода. Стрельцы, быстро узнав на собственной шкуре меткость наших солдат, оставили позиции и рассеялись по близлежащим улочкам. Дорога была открыта!

Согласно диспозиции 1-й Пехотный, являясь частным резервом западной группы, осуществлял наружное блокирование. Разбившись на роты, полк выстроился вдоль стен. В город вошли 1-й Ударный и драгуны.

Не так повезло ведомой Гариком и Скопиным-Шуйским южной группе. Двигаясь вдоль Москвы-реки вниз по течению, они были атакованы крупным отрядом татарской конницы, вышедшим из-за Донского монастыря. Завязался нешуточный бой, который солдаты были вынуждены принимать в походных колоннах. Вот здесь и сказалось отсутствие в этой группе кавалерии. Вскоре пошла рукопашная. Упорядочить сражение Игорю и Михайле удалось только через полчаса. Командарм сумел вывести из общей свалки две сотни конных разведчиков и тут же бросить их на фланги неприятеля. Воспользовавшись моментом, пехота смогла перестроиться и перезарядить ружья. Подтянулась артиллерия. Через несколько минут беглым огнем противник был отогнан, но постоянно нависал над флангом группы, грозя новой атакой. Полки были вынуждены идти к городу в штурмовых каре, постоянно отстреливаясь. Темп движения резко снизился. В таких условиях группа не могла выполнить поставленную перед ней задачу. Гарик по радиации поставил в известность меня и Бэдмена о проблеме. Но сейчас помочь мы им не могли. Наши батальоны уже втянулись в уличные бои. Узнав об этом, командарм принял решение вызывать из лагеря резервный 3-й Пехотный полк. Но вернувшиеся через несколько минут вестовые доложили, что лагерь тоже атакован татарами. Разведчики вскоре уточнили их численность. Узнав это, мы поняли – наше положение стало угрожающим. Татар было тысяч пятьдесят.

Стало ясно, почему Василий Шуйский пустился на такую, с первого взгляда, авантюру. Ведь, не призови он на помощь татар, мы бы покончили с мятежом за несколько часов. А теперь неясно, чья возьмет! Эх, не смогли мы, жители двадцать первого века, предусмотреть азиатскую хитрость предков!

Вскоре, поняв, что укрепленный лагерь Новой армии им не взять, татары всей массой навалились на Южную группу. Горыныч и Михайло оказались прижатыми к городской стене в районе Крымского двора. Входить в Москву, имея на хвосте орду, ребята не решились.

А между тем у западной группы обозначился определенный успех. Двум батальонам 1-го Ударного удалось, прорываясь через многочисленные уличные баррикады, дойти до Кремля. Засевший там Гришка Усатый уже успел к тому времени отразить два приступа и, не видя подмоги, готовился со своими солдатами подороже продать жизнь. Из-за низкой облачности и продолжавшего идти дождя видимость была очень небольшой, но опытный комбат, услышав частую стрельбу и увидев замешательство в тылу мятежников, сумел сообразить, что помощь близка.

Собрав батальон в кулак, Усатый пошел на прорыв. Озверевшие солдаты, огнем в упор и штыками разметали заслоны и бросились на соединение с подкреплением. Во время этой безумной атаки был ранен в голову царь Дмитрий. По счастливой случайности рана оказалась касательной. Солдаты на руках вынесли своего государя в расположение 1-го Ударного, прямо к моему КП. Обняв отважного комбата, я сразу начал выводить войска из боя.

Этому очень мешали толпы повалившихся на улицы москвичей. Коварный Василий Шуйский распространил слух, что иноземцы убивают царя, и горожане кидались на всех чужих. Нам с большим трудом удалось отойти к Чертольским воротам. И уж совсем чудом к нам сумел пробиться Вишневецкий с небольшим отрядом шляхтичей. Пожары разгорались все сильнее, толпы мародеров грабили дома. На узких улочках завязалась общая резня.

Я с Бэдменом приняли решение отходить к Воробьевым горам, в лагерь. Но прежде надо было выручить застрявшую на противоположном берегу южную группу. Мы решили переправиться через реку и ударить татарам во фланг. Вот тут мы с Мишкой крепко поругались – никак не могли решить, кто пойдет на выручку, а кто возглавит эвакуацию раненых солдат и царя в лагерь. Каждый рвался в бой. Пришлось даже кинуть жребий. Идти на выручку судьба выбрала меня.

Собрав два батальона 1-го Пехотного, батальон драгун, всю полковую артиллерию, раненых и убитых, Мишка двинулся к лагерю. Проводив друга, я повел войска к Москве-реке. Напротив Крымского двора нашли два десятка лодок. Первая группа сумела незаметно переправиться и занять позиции вдоль берегового откоса. Вся переправа заняла от силы полчаса. Солдаты гребли, как сумасшедшие. Наконец на правом берегу очутились все. Построившись под прикрытием драгун, батальоны пошли в атаку.

Шесть тысяч пехотинцев и две тысячи всадников бросились на впятеро превышающего по численности противника. Удар был страшен. Татарская орда была мгновенно рассечена на несколько частей. Мы стали молотом, а войска Гарика и князя Михайлы – наковальной. Мы гнали полчища врагов прямо на пушки 2-го Ударного. Через час с ордой было покончено. Вырваться удалось нескольким сотням. Их не преследовали, не было сил. Выставив охранение, мы принялись собирать раненых и убитых.

Бэдмен, тоже сумев разгромить оставленный возле лагеря татарский отряд, выслал нам два свежих батальона 3-го Пехотного полка и повозки для раненых. Только к вечеру мы добрались к Воробьевым горам. Потери были громадными: около двух тысяч убитых и шесть тысяч раненых. Так закончился первый день мятежа.

Едва забрезжил серенький рассвет, мы собрали всех офицеров на военный совет. Потери были даже среди комсостава. Не хватало трех ротных и одного комбата. На некоторых из присутствующих белели свежие повязки.

Не отошедший от вчерашней горячки Бэдмен стал злобно ругать разведку, прошляпившую подход к Москве огромной орды. Командиры разведрот сидели, понутив головы, хотя, как выяснилось позже, их вины в произошедшем не было. Татары тоже не были дураками и шли к городу оптимальным с точки зрения скрытности маршрутом, а на близких подступах сняли несколько наших дозоров. Так как пропажа дозоров произошла накануне мятежа, то по этому происшествию еще не успели начать расследование.

В общем, противник сработал достаточно четко. А вот мы явно недооценили братьев Шуйских.

Подождав, пока Суворов закончит распекать разведчиков, Горыныч предложил немедленно отправиться в Москву и пройти по улицам огненной метлой. Теперь сюрпризов не ожидалось, и, даже несмотря на ослабленный состав, мы вполне могли это сделать. Но Дмитрий мягко возразил, что не собирается воевать с собственным народом. План царя был более эффектен. Раз москвичи так возмущены слухами об убийстве государя иноземцами, то нужно перенаправить их гнев на другую цель. Необходимо послать в Москву солдат, имеющих бойкий язык, с целью объяснить горожанам истинное положение дел. А от активных действий временно воздержаться.

Все были вынуждены согласиться, что план хорош. По крайней мере он обещал сохранить нашу живую силу. Офицеры разошлись отдавать необходимые распоряжения. Через час агитаторы ушли в город. К тому времени вернулись посланные еще затемно разведчики. Они доложили, что в Москве царит сущий ад. Всю ночь продолжались пожары, грабежи и резня. Улицы усыпаны трупами. Шуйские пытались повести своих бойцов на штурм лагеря Новой армии, но собранный ими сброд отказался от такого опасного занятия, предпочитая безнаказанно мародерствовать. Только три или четыре тысячи мятежников, под командованием неко-

его... Болотникова⁴⁰, сохраняли относительную дисциплину. Сейчас эти люди собирались на Зацепе. Для наблюдения за ними был послан батальон драгун.

К полудню стало ясно, что предложенная Дмитрием тактика начала приносить свои плоды. К лагерю стали стекаться толпы горожан, желая увидеть живого царя. Через пару часов толпа достигла численности двух десятков тысяч человек. Дмитрий уже собирался выйти к народу, но мы отговорили его. В толпе вполне могли скрываться мятежники, и тогда один выстрел... Народу было предложено прислать выборных. Через полчаса мы впустили в лагерь около сотни человек. Их тщательно обыскали, и только тогда появился Дмитрий. Он кратко и доходчиво объяснил выборным, кто поднял мятеж, а кто встал на защиту государя.

Теперь у горожан появился конкретный враг, и вся эта огромная масса людей двинулась в Москву, горя желанием разнести ядовитое гнездо бояр Шуйских. Поняв, что это самый подходящий момент для контратаки, я, не спрашивая разрешения у государя, послал вдогонку москвичам 1-й Ударный полк. 2-й Ударный и 1-й Драгунский были отправлены к южным воротам, имея целью разгромить группировку Болотникова. 3-й Пехотный, не понесший накануне потерь, был послан блокировать западную сторону, а 1-й и 2-й Пехотные полки встали под стенами южной стороны.

К вечеру стало ясно, что мятеж практически подавлен. Ворвавшись в город на плечах разъяренных москвичей, солдаты моментально перебили всех оказавших хоть какое-то сопротивление. Одна из рот взяла штурмом поместье Шуйских. Среди убитых командарм опознал своих дядей. Теперь в этой реальности уже не будет царя Василия Шуйского. Драгуны и 2-й Ударный окружили группировку мятежников у Зацепы и после двухчасового боя почти полностью ее уничтожили. Остатки, вместе с Болотниковым, сдались. После этого организованного сопротивления уже никто не оказывал. Горожанам было предложено разойтись по домам и не мешать войскам наводить порядок. Идущий два дня подряд дождь не позволил пожарам охватить весь город, так что Москва была спасена.

Около полуночи Дмитрий собрался ехать в Кремль, но мы быстренько сумели отговорить царя от такого безрассудного поступка. Зачистка еще не была закончена, и по улицам бродило немало вооруженных людей. Всю ночь из города пытались выбраться небольшие группы мятежников. Но все эти попытки жестко пресекались стоящими в охране вокруг стен солдатами.

На следующий день, словно в ознаменование нашей победы, дождь прекратился, тучи рассеялись, вышло солнце. Температура подскочила до двадцати градусов тепла. За всеми произошедшими событиями мы почти забыли, что сейчас разгар бабьего лета. Москва лихорадочно очищалась от грязи. По улицам гнали пленных и тащили телеги с убитыми. Разбирали баррикады, собирали трофейное оружие. Горожане подбирали брошенное мародерами добро. В полдень Дмитрий торжественно, насколько позволяла обстановка, въехал в город.

Этот мятеж показал всем, что новая власть умеет не только раздавать милости, но, если надо, то и показывать зубы. Правда, подавление хорошо спланированной акции обошлось нам недешево – окончательные потери составили: две с половиной тысячи человек убитыми, семь тысяч ранеными. Гражданское население потеряло пятнадцать тысяч человек. Полностью были вырезаны все находившиеся в городе иностранцы, в том числе Мнишек и его дочь. Спаслись удалось только Вишневецкому и двумстам его шляхтичам. Мятежники потеряли около десяти тысяч убитыми и пятнадцати тысяч пленными. Мы до сих пор удивляемся, как удалось Шуйским незаметно собрать такую силу, но спросить уже не у кого – главари мятежа были убиты. Кроме того, потери татар составили около сорока тысяч да тысячи полторы было взято в плен.

Убедившись, что все возмутители спокойствия вырублены, а созданная нами Новая армия готова на любые действия, я, Мишка и Гарик начали подумывать о возврате домой.

⁴⁰ В реале Иван Болотников – лидер крестьянского восстания 1606 года.

Подобрав из числа особо отличившихся комбатов кандидатов на должность командиров полков (в частности, командиром 1-го Ударного стал Гришка Усатый), мы проверили готовность Михайлы Скопина-Шуйского и Дмитрия Первого самостоятельно управлять страной и армией. Проведя ненавязчивые беседы, мы убедились – наши ставленники уже полностью освоили знания, технику и приемы, которые мы привнесли в эту реальность.

Это была наша первая крупная акция по глобальному изменению истории, закончившаяся полным успехом. К этому надо добавить, что осуществили мы ее, не прибегая к помощи современной нам техники (кроме полевых кухонь). Ведь то оружие, которое мы натаскали, было всего лишь легкой модернизацией уже существующего в этой реальности. К тому же потенциал оставшихся в живых ключевых фигур нового государства – Дмитрия и Скопина-Шуйского – был огромен. Люди они молодые, жизнь впереди длинная, так что они наверняка сумеют натворить еще немало полезного.

В этой реальности нас удерживало только одно дело – надо было выяснить, что случилось со 2-м Драгунским полком (3-й Драгунский благополучно вернулся в середине октября). Он пропал абсолютно бесследно – посланные нами на юг разведчики не нашли никаких следов боя. А ведь незаметно разгромить драгунский полк – непростая задача. Татары, конечно, воины хорошие, но даже они не смогли бы втихомолку вырезать полторы тысячи человек. Да и просто прикопать где-то такое количество трупов...

В общем, случай был загадочный. Но перед раскрытием этой загадки мы решили взять небольшую паузу – вернулись в «базовую» реальность, а «окно» просто свернули.

Глава 17

Если мы провели в прошлом несколько месяцев, то для Маши прошло не больше недели. Она рвалась в новый бой, а мы мечтали о долгом отдыхе в комфортных условиях. С большим трудом нам удалось уговорить нашего аналитика устроить отпуск. Чтобы совместить приятное с полезным, отдохнуть отправились в Европу, прихватив с собой несколько «глазков» и портативную темпор-машину со складной рамкой «окна». Турне по городам Германии, Франции, Великобритании и Италии заняло три недели. В «базовой» реальности был разгар лета, и мы прекрасно провели время, вспомнив все прелести душа, ватерклозета и кондиционера, которых мы были лишены в семнадцатом веке. Мария нигде не расставалась с видеокамерой, под конец тура набрав столько противоречащего официальной истории материала, что хватило бы на несколько скандальных диссертаций.

В частности, Маша узнала, чем закончился Детский Крестовый поход 1212 года, кто и когда построил Стоунхендж, существовал ли легендарный король Артур, спаслась или была сожжена Жанна д'Арк, куда увел детей Гамельнский крысолов, откуда брал информацию для своих пророчеств Нострадамус.

Прекрасно отдохнувшие, полные новых впечатлений, мы вернулись на Родину в начале августа. На следующий после приезда день вся компания собралась в офисе на очередное «производственное» совещание.

– За последнее время я узнала столько ответов на величайшие загадки истории, что хватило бы на профессорскую мантию, – сказала Качалова. – К сожалению, научный мир вряд ли удовлетворят видеозаписи в качестве доказательства моей правоты. Нужно что-то более существенное!

– До меня только сейчас доперло, какую возможность мы упустили в прошлой экспедиции, – ответил я, – ведь мы фактически оккупировали Москву и Кремль, что нам стоило поискать знаменитую Либерею Ивана Грозного!

– Мне кажется, что царь Дмитрий, при всем своем благорасположении к братьям Винтерам, вряд ли позволил бы иностранным наемникам шарить по своей «квартире»! – задумчиво проговорил Мишка. – Вот если бы мы знали точное место...

– К сожалению, за четыреста лет многочисленные искатели так и не сумели выйти на след, – сказала Маша, – библиотеку искали не только в Москве, но и в Александровской слободе, и даже в Вологде. Тщетно!

– Вот тут ты ошибаешься, – вставил слово Горыныч, явно обрадованный возможностью утереть нос дипломированному историку, – в 1930 году в Кремле проходили поисковые работы, возглавляемые Игнатием Стеллецким...

– Да знаю я этот случай, – перебила Гарика раздосадованная Маша, – к тридцать четвертому году ему удалось раскопать несколько ходов. Их даже осматривали архитекторы Виноградов и Щусев. Но в том же году, после убийства Кирова, все работы были прекращены под предлогом возможных провокаций «врагов народа».

– Я рад, что ты в курсе, – невозмутимо продолжил Горыныч, – но поиск был возобновлен в тридцать девятом, по личному приказу Сталина. Были приглашены молодые археологи из Московского университета. Работы велись двумя группами – одна продолжила направление, начатое Стеллецким у Угловой Арсенальной башни, а вторая ушла под землю у башни Тайницкой.

– Я про это ничего не знаю, – удивленно сказала Маша, – откуда такие сведения?

– Из недавно рассекреченных архивов НКВД-КГБ, – пояснил Гарик, – я случайно наткнулся на обрывки сведений, когда мы готовились к экспедиции за иконами храма Христа Спасителя. Так вот, исследования были внезапно прекращены в сороковом году, а все участ-

ники репрессированы. Сдается мне, что эти ребята все-таки наткнулись на что-то интересное! Стоит поискать в этом направлении, вдруг найдется очевидец тех событий!

Эта идея была воспринята всеми с большим энтузиазмом. Вся наша компания увлеченно принялась за дело. Три дня мы бодро перерывали архивы, но вскоре зашли в тупик – нужные нам свидетели либо сгинули в лагерях, либо погибли на войне. Только мне удалось вытянуть самый конец одной многообещающей ниточки. В одном из архивов я наткнулся на письмо с фронта бойца 8-й дивизии народного ополчения Москвы, в котором этот человек, в прошлом доцент МХТИ, рассказывал другу, что ему довелось служить в одном взводе с бывшим археологом, участником раскопок в Кремле. В письме тонко намекалось на открытие мирового значения, сделанное археологами, поплатившимися за это свободой и жизнью.

Предпринятый нами тотальный поиск по этой подсказке вскоре вывел нас на человека, упомянутого в письме. Им оказался Илья Ясулович, молодой аспирант Московского университета, действительно участвовавший в работах, проводимых под Тайницкой башней. Получивший три года лагерей Ясулович был досрочно освобожден в августе сорок первого года за хорошее поведение. Вернувшись в Москву, Ясулович немедленно записался добровольцем и ушел на фронт. В начале октября, во время боев под Вязьмой, Илья пропал без вести. Но самым интересным стала находка письма, отправленного Ясуловичем своему брату. Письмо было датировано двадцать восьмым сентября, и в нем говорилось о случайной встрече под Можайском с бывшим приятелем, также участвовавшим в кремлевских раскопках в составе группы, работавшей под Угловой Арсенальной. Во время краткого рандеву, где-то на проселочной дороге молодые люди успели обменяться объективными сведениями и своими мнениями по проблеме двухлетней давности. Видимо, Илья сумел сделать из сведений, полученных при встрече, определенные выводы, так как в конце письма открыто писалось, что он теперь совершенно точно знает, где искать библиотеку.

– Вот, блин, ситуация! – прокомментировал информацию Гарик. – Мы могли бы перехватить этого парня в Москве тридцать девятого или сорок первого годов, но ведь окончательную разгадку этот гений нашел только на поле боя за пару дней до немецкого наступления! Ищи теперь его в этой мясорубке!

– Еще не факт, что Ясулович нашел правильный ответ, – сказал Мишка. – Ни к чему нам рисковать!

– А по-моему, ради такого дела стоит рискнуть! – вмешался я. – Выигрыш светит невероятный, а опасности – почти никакой. Поедем ведь на «Росинанте», а какая у него броня – сами знаете!

– Существует большая вероятность наткнуться на мину или поймать шальной снаряд! – продолжал упорствовать Мишка. – Да и как вы собираетесь искать одного человека на такой огромной территории?

– Ну, в каком полку служил нужный нам персонаж, мы знаем, – ответил Гарик, – какую позицию занимал этот полк, тоже знаем. Надо только доехать до нужного места.

– А знаешь, Гарик, в этот раз придется идти вслепую. Разведка «глазками» не поможет, – Мишка попытался охладить пыл друга.

– Это почему же? – удивился Игорь.

– Ну, глянем мы в «глазок», и что? Сидит куча солдат в одинаковых гимнастерках. Ни портрета, ни особых примет Ясуловича мы не имеем, а «бейджиков» на груди с фамилией и званием тогда не носили!

– Значит, пойдем ножками, – не унимался Горыныч, – спросим на месте, кто есть кто!

– Так тебе и позволят по переднему краю с расспросами лазить! – сопротивлялся Мишка. – Прихватят как шпионов!

– Надо придумать подходящую легенду, – сказал я, – да такую, чтобы не вызывала сомнений, а только желание помочь! Можно, например, представиться корреспондентами центральных газет! Ты, Мишка, будешь Борисом Полевым, а ты, Гарик, – Константином Симоновым!

– С такими фамилиями не прокатит! – ответил Игорь. – Это же народное ополчение, масса интеллигентов, кто-нибудь может знать названных тобой в лицо! Но идея с журналистами отличная! Нам действительно будут помогать изо всех сил!

– Только на этот раз я отправлюсь с вами! – категорично заявила доселе молчавшая Мария. – И не вздумайте спорить!

Мы не стали спорить. Подготовка к походу шла по отработанной методике и заняла всего два дня. Я и Гарик занимались оружием и снаряжением, а Мишка и Мария – легендой и документами. Особое внимание уделили изучению текущей обстановки на фронте. Положение войск менялось настолько часто, что для детального отображения позиций и маневров противоборствующих сторон пришлось бы нарисовать несколько десятков карт. Всю эту кипу с успехом заменил нетбук.

Последний день мы целиком уделили освоению на местности. На машине и пешком мы облазили весь район. «Глазками» мы все-таки воспользовались, но, кроме точного расположения нужного нам полка, это средство действительно ничего не дало. К некоторой растерянности привело новое обстоятельство, оказалось, что полк встал на позицию только в ночь с двадцать девятого на тридцатое сентября. В полдень тридцатого танковая группа Гудериана начнет наступление на Орловском направлении. А здесь на рассвете второго октября должен прокатиться чугунный каток группы армий «Центр». Так что на все дело нам отводилось не более двух суток. К тому же ближайшее место, пригодное для скрытой высадки, находилось в пятидесяти километрах от цели. А что такое пятьдесят километров марша в условиях войны, вам скажет любой ветеран.

Но наша решимость была сильнее всего этого.

Ранним утром тридцатого сентября 1941 года, еще затемно мы высадились на шоссе в тридцати километрах западнее Вязьмы. На первый пост советских войск мы наткнулись уже через полчаса. Проверку прошли легко. Документы у нас, как обычно, были «лучше настоящих». Сидевший за рулем Гарик изображал старшину-водителя. Я проходил как старший политрук, репортер «Известий», Мишка числился фотографом той же газеты, младшим политруком. А Мария оказалась артисткой Театра имени Вахтангова, едущей в войска с концертом. Километров через десять мы миновали еще один пост и свернули с шоссе направо, на проселочную дорогу. Вот здесь и начался кошмар.

– Это не дорога, это просто направление! – бормотал сквозь зубы Гарик, вцепившись в руль. Только присутствие Марии удерживало его от более крепких выражений. Мы с черепашьей скоростью тащились по глубоким, залитым жидкой грязью ямам. Если бы не полный привод и постоянно включенная вторая пониженная передача, то машина уже увязла бы по самую крышу. Проехать здесь можно было разве что на танке.

Мощнейший, трехсотсильный дизель с трудом вытащил «Росинанта» на очередной пригорок, и Гарик выключил зажигание.

– Перегрев, – объяснил нам Игорь, словно мы сами не видели горевшую на приборной панели красную лампочку, – даже электровентилятор не справляется!

– Да у нас на каждом колесе по тонне глины, – сказал я, выглянув в окно, – удивительно, что мы вообще еще едем, тут бы даже танк застрял. Сколько мы уже прошли?

– Километров десять, не больше, – взглянув на одометр, ответил Горыныч. – А время – полдень, если так дальше пойдет, то до места мы доберемся только завтра. А ведь нам еще назад возвращаться!

Мишка с задумчивым видом сканировал треки на MP3-плеере. Остановившись наконец на песне «Рамштайна», Бэдмен закурил и сказал:

– А может, назад вернемся, пока не поздно?

– Миша, сейчас до цели меньше, чем назад, – сказала Мария, отрешенно глядя через толстое бронестекло на размокшие поля. Девушку мучила скука. Плетемся и плетемся по грязи. Не так она себе представляла рейд по прифронтовой полосе осенью сорок первого. Но судьба не позволила Машеньке окончательно впасть в апатию. – А что это там летит?

Я машинально взглянул в указанном Марией направлении, и тут же расслабленность как ветром сдуло.

– А это, радость моя, называется «Мессершмитт-109». И хорошо, если он просто на разведке, а вот если он на свободной охоте... То вполне может и бомбу сбросить, а увернуться в этом болоте мы не сможем!

– У нас же броневик! – ляпнула Мария. Ребята негромко рассмеялись, неотрывно глядя на приближающийся самолет. – А вдруг он нас не заметит?

– Да хрена с два он нас не заметит! Мы тут торчим, как гнойный прыщ на заднице! – Гарик перестал стесняться в выражениях. – Серега, а ты «ПЗРК» уложил?

– Да, но только три штуки, – ответил я, открывая дверцу и выбираясь наружу. Ноги ушли в липкое месиво почти по колено. – Эх, пропали мои хромовые сапожки, – бормотал я, пробираясь к багажнику.

Мишка тоже вылез из машины, но сходить на землю не стал, а остался на подножке, глядя на небо:

– Засек, засек он нас, мать его арийскую через три землянки с посвистом и три отбойных молотка ему в жопу!!! Серега, давай быстрее, чего ты возишься!

Я, с трудом открыв заляпанный глиной багажник, достал из тайника тубус с «Иглой» и быстренько привел комплекс в боевое положение. «Мессер», считая легковушку простой добычей, снижался не спеша, по пологой глиссаде. «Не уважает, гад!» – злобно подумал я. Ну, так и я не буду на всяких придурков дорогие ракеты тратить. Спонтанно приняв решение, бросаю «ПЗРК» назад в багажник и извлекаю «ПК». Самолет уже близко, слышен шум двигателя, и я, грохнув сошками по крыше, жму на спусковой крючок, взяв упреждение «на два пальца». Опыта стрельбы по низколетящим целям у меня не было, но мне несказанно повезло. Длинная очередь, скользнув по капоту истребителя, бьет в лобовое стекло фонаря кабины. 70-миллиметровое бронестекло не спасает вражеского аса. Ленту в этот пулемет заправлял лично я, каждый третий патрон – бронебойный. Мне прекрасно видно, как вместе со стеклом разлетается голова летчика. Продолжая заданную мертвым пилотом траекторию, «Мессершмитт» проносится над «Росси», касается земли метрах в ста от нас и, пропахав в мокром грунте приличную полосу, переворачивается и взрывается.

Негромкое «Ура» из салона автомобиля не может заглушить трехэтажного мата Мишки, объясняющего всем окружающим, на каком месте и как он хотел бы видеть таких пижонов, как я.

– Виноват, каюсь, – пытаюсь оправдаться я, – но очень уж захотелось проучить эту заразу. Ну, ты же видел, Миха, как он на нас заходил! Как на полигоне, тля! За людей уже нас не считают, обурели от безнаказанности!

– Все равно ты дурак! А если бы ты промахнулся? Тогда к нам резво пришел бы толстый полярный лис! – ответил Бэдмен. – Горыныч, мотор остыл? Ну, вот и поехали отсюда!

Счистив об подножку пластиы грязи с сапог, залезаю в салон, где продолжает наяривать «Рамштайн». «ПК» я теперь держу в ногах, мало ли какие еще развлекалочки может подкинуть окружающая нас действительность.

К вечеру стало ясно, что из графика мы выбились капитально. Решив не испытывать судьбу на ночной дороге, мы заехали в небольшой лесок и разбили бивак. Быстренько установили палатки, накачали компрессором матрасы и завалились спать. Устали мы так, словно всю дорогу тащили машину на собственном горбу.

Встали рано, затемно. Разогрели на газовом примусе нехитрый завтрак. Начавшаяся вчера на юге канонада усилилась. Гудериан ломился к Орлу и Брянску. Завтра полыхнет и здесь, надо поторапливаться. По нашим прикидкам, мы уже должны быть в тылу Резервного фронта. Первый же встреченный пост подтвердил наши предположения. До цели оставалось всего ничего – десять километров. Но дорога за ночь не стала суше. Скорость продвижения по-прежнему была черепашьей.

Где-то через час догнали небольшую колонну пехоты. Человек сто пятьдесят уныло брели по жидкой грязи. Что-то в облике красноармейцев показалось мне странным.

– Мужики, гляньте, – обратился я к друзьям, – все солдаты в сапогах и почти все в фуражках! Что бы это значило?

– Я сейчас тормозну возле командира, а ты спроси, раз такой любопытный, заодно дорогу уточни! – сказал Горыныч.

– Утро доброе! – не по-уставному, как и полагается интеллигенту, волей обстоятельств надевшему военную форму, обратился я к командиру. Еще одна странность – у командира на петлицах было по две шпалы. Майор, а командует ротой, или батальоном, если учитывать потери.

– Здравия желаю, товарищ старший политрук! – ответил майор, четко подбрасывая руку к козырьку фуражки. – Номера на машине московские, значит, издалика путь держите... Майор Журавлев, командир отдельного штурмового батальона.

– Старший политрук Иванов, корреспондент «Известий», – в свою очередь представился я, в мозгу щелкнуло: «Штурмовой батальон, да ведь это штрафники!» – Не подскажите, в расположение 8-й дивизии народного ополчения мы правильно едем?

– Правильно, левый фланг дивизии как раз за тем березнячком, мы туда на усиление идем. Какие новости в столице? Что с обстановкой на фронтах? А то нам отдали приказ, мы и пошли, а что вокруг творится – и знать не знаем! На юге второй день гремит.

– Немцы под Брянском фронт прорвали, скоро и здесь начнется, – ответил я, доставая из кармана шинели портсигар с папиросами «Казбек» и протягивая его майору, – курите?

– Не откажусь. – Журавлев деликатно взял одну папиросу и быстро сунул ее за подкладку фуражки. – Значит, попер немец... Ну, умоемся мы теперь кровушкой...

– Ладно, майор, удачи вам! Поедем мы дальше, – сказал я, крепко пожав ему руку. «Дай тебе бог уцелеть в этой мясорубке!»

– Ну, и кто это был? – поинтересовалась Маша. – Явно ведь, что необычная часть...

– Штрафной батальон, – отмахнулся я. – Бывшие командиры, вот поэтому и обуты в сапоги и на головах фуражки.

– Как это – штрафной? – удивилась Маша. – Ведь до приказа № 227 еще больше года!

– Нда, а куда сейчас девать проштрафившихся? – ответил я. – Вот и придумали «штурмовые батальоны»! По названию одно, а по сути – то же самое!

Мы тронулись, снова обгоняя бредущих людей. За указанной березовой рощей, которой в нашем времени уже не было, действительно открылись позиции ополченцев. Эти места мы уже успели облазить, но за полвека ландшафт успел измениться. В двадцать первом веке здесь почти не было деревьев, да и холмы немного изменили форму и съезжились. Нужный нам полк мы отыскали довольно быстро и вскоре входили в землянку командного пункта. Из-за корявого стола, сколоченного из горбылей, нам навстречу поднялись три человека. Майор, с худым земляным лицом, орденом Красной Звезды и золотой планкой тяжелого ранения. Пухлый, румянощекий капитан, в новенькой, щеголеватой форме. Третьим был бритый «под Котовского», чернобровый великан со знаками различия батальонного комиссара.

– Старший политрук Иванов, спецкор газеты «Известия», – представился я, – а это политрук Суворов, фотокорреспондент. Мария Качалова, актриса московского театра. – Гарик, как и полагалось водителю, остался у машины.

– Командир полка майор Копылов, – тоже начал представление худой, – начштаба капитан Юдин, комиссар полка Лайтаренко. А это представитель Особого отдела Левкович, – добавил Копылов, глядя нам за спину.

– Попрошу ваши документы, – раздался сзади скрипучий голос. Мы обернулись и увидели только что вошедшего человека в кожаном реглане, своей внешностью остро напомнившего мне председателя солдатского комитета Зоникмана, встреченного нами в восемнадцатом году.

Мы молча вручили Левковичу наши удостоверения личности и предписания. Изучал он их минут пять, все это время в землянке стояла гробовая тишина. Наконец вернув нам документы, с лицом, на котором явно читалось разочарование, особист прошел в темный угол и сел, не дожидаясь комполка. Нагловато себя ведет парнишка...

– Присаживайтесь, пожалуйста, товарищи! Курите, если хотите! – Копылов жестом показал на лавку. Мы присели. – Какими судьбами вас привело к нам в гости?

– Хотим сделать статью о народном ополчении, – начал я, Мишка расстегнул шинель и достал сигареты. Яркую красно-белую пачку «Мальборо»! Я увидел, что глаза особиста сверкнули в полумраке, как вспышка магния. Поняв оплошность, Мишка торопливо спрятал сигареты, но было поздно. Чтобы отвлечь внимание, я продолжил: – Ведь в ополчение пошли довольно известные до войны люди, писатели, художники. Вот, так сказать, на живых примерах и покажем читателям, что долг любого советского человека – не отсиживаться в тылу, упирая на прошлые заслуги, а защищать свою Родину с оружием в руках.

– Да, тема очень нужная! – сказал комиссар густым басом. – С чего начнете? Или, может быть, хотите перекусить с дороги?

– Нет, благодарю, мы сыты! – ответил я. – Я рассчитывал поехать по ротам, поговорить с людьми. Товарищ Суворов сделает несколько снимков. А после того, как мы закончим, товарищ Качалова может спеть несколько песен! – Тут я получил от Марии увесистый удар локтем в бок. Кажется, петь она не собиралась.

– Хорошо, я дам вам сопровождающего, – сказал майор. – Советую начать с первого батальона, там больше всего художественной интеллигенции.

– Спасибо, обязательно воспользуемся вашим советом, – ответил я, это предложение было весьма кстати: Илья Ясулович служил именно в первом батальоне.

– Я пойду с вами! – внезапно заявил Левкович.

– Конечно, конечно, товарищ Левкович! – торопливо сказал я, не стоило повторять ошибку, допущенную нами в восемнадцатом году. Такого типа, как этот особист, лучше иметь перед глазами.

Мы вышли из землянки и подошли к машине. Левкович цепко осмотрел «Росинанта» и стоящего возле него Горыныча. Видимо, результаты осмотра устроили особиста, он удовлетворенно кивнул.

– Роскошный у вас экипаж, товарищи! Прокатите до позиций? – подозрительно елейным голосом поинтересовался Левкович.

Я, мысленно махнув рукой, сделал приглашающий жест. Особист разместился на заднем сиденье, между мной и Мишкой. Данный в сопровождающие сержант встал на подножку возле водительского места. По пути Левкович внимательно рассматривал интерьер салона, интересовался у Игоря назначением тех или иных ручек и кнопок, а получая ответ, глубокомысленно хмыкал. «Замочить бы эту гниду прямо сейчас, – думал я, – перо в бок и аут». До переднего края мы не доехали метров пятьсот, дальше дороги не было. Пошли пешком. Горыныч загнал машину в заросли низкорослого кустарника и, прихватив трехлинейный карабин, присоединился к нам. Более уверенно мы бы чувствовали себя, прихватив по «калашнику», но на виду у посторонних даже не стоило соваться в багажник. Ну, дай бог, обойдемся пистолетами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.